

ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ
УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
«МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ ИМЕНИ
М.В. ЛОМОНОСОВА»

На правах рукописи

Короткова Дарья Александровна

**БЕЛОРУССИЯ В СОВЕТСКО-ПОЛЬСКИХ ОТНОШЕНИЯХ
В 1918-1921 ГГ.**

Специальность 07.00.03 – Всеобщая история (Новое и новейшее время)

Диссертация на соискание ученой степени кандидата исторических наук

Научный руководитель:
доктор исторических наук, профессор
Матвеев Геннадий Филиппович

Москва – 2015

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ.....	3
Глава I. ПРИОБРЕТЕНИЕ БЕЛОРУССКИМ ВОПРОСОМ МЕЖДУНАРОДНОГО ХАРАКТЕРА (1914-1918)	44
I.1. Белорусское движение от зарождения до 1914 г. Идеологическая и политическая борьба в крае.....	44
I.2. Белоруссия в Первой мировой войне (август 1914-февраль 1917).	53
I.3. Активизация белорусского национального движения в условиях революций 1917 г. в России	61
I.4. Белорусский вопрос в период выхода Советской России из мировой войны	81
Глава II. СОВЕТСКИЙ И ПОЛЬСКИЙ ФАКТОРЫ В СУДЬБЕ БЕЛОРУССКОГО ВОПРОСА В 1919 ГОДУ.....	102
II.1. Складывание внешнеполитических условий для образования белорусского советского государства на рубеже 1918-1919 годов	102
II.2. Создание ССРБ и ее объединение с Советской Литвой.....	112
II.3. Место Советской Белоруссии в западном направлении внешней политики Москвы в 1919 году	131
II.4. Белорусский аспект польской восточной политики в 1919 году ..	141
Глава III. БЕЛОРУССИЯ В ПОЛЬСКИХ И СОВЕТСКИХ ВНЕШНЕПОЛИТИЧЕСКИХ ПЛАНАХ В КОНЦЕ 1919 – 1920 ГОДУ.....	163
III.1. Польское решение белорусского вопроса (декабрь 1919-июль 1920)..	163
III.2. Белорусский аспект в польской политике Кремля в июне-августе 1920 года	184
III.3. Белорусский вопрос на мирных переговорах в Риге (сентябрь 1920-март 1921 году	193
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	217
ПРИЛОЖЕНИЕ 1. БИОГРАФИЧЕСКАЯ СПРАВКА	223
ПРИЛОЖЕНИЕ 2. КАРТЫ	238
СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ	241
Источники	241
Использованная литература	244

ВВЕДЕНИЕ

Актуальность темы исследования. Национальный вопрос уже в конце XIX в. стал превращаться в один из ключевых в политической жизни Российской империи, а в годы Первой мировой войны, когда межэтнические противоречия активно использовались воюющими сторонами для ослабления противника изнутри, он оказался в центре внимания всех политических сил России, особенно на ее национальных окраинах. К концу войны серьезность ситуации стало усугублять еще и то, что вопрос о судьбе ряда народов переставал быть только внутренним делом России и начал приобретать международный характер. Теперь у национальных движений появилась возможность апеллировать к другим государствам, а не только к метрополии, добиваться обсуждения своих постулатов на международных форумах. В числе этих движений было и белорусское.

Территория проживания белорусского этноса в разное время входила в состав различных государственных образований – Киевской Руси, Великого княжества Литовского, затем, после подписания Люблинской унии 1569 г. и Польского государства. С 1795 по 1917 г. белорусские земли полностью принадлежали Российской империи и вместе с областями современной Литвы образовывали Северо-Западный край России. В административном отношении они были разделены на несколько губерний. В начале XX в. Белоруссия¹ была аграрной областью, практически лишенной каких-либо крупных промышленных центров. 53% земельной собственности находилось в руках 2,8% населения края – помещиков, абсолютное большинство которых принадлежало к полякам.

¹ Название «Республика Беларусь» стало официальным наименованием лишь в 1992 г., когда была принята соответствующая международная классификация. Общепринятым в литературе подобное словоупотребление не стало до сих пор. В 1920-е гг. даже белорусские националисты в русскоязычных текстах употребляли название «Белоруссия» и «белорусский», чему и мы будем следовать в данной работе. Этому же принципу, (употребление названий, принятых в русскоязычной литературе в изучаемый период), мы будем следовать и в употреблении других географических и пр. наименований, не осовременивая их: Вильно (а не Вильнюс), Ковно (вместо Каунас), и т.д.

Следствием положения на пограничье была этническая неоднородность населения и его расслоение по множеству признаков. Согласно переписи 1897 г., в этих 5 (Минская, Гродненская, Виленская, Витебская и Могилевская²) губерниях проживало 8 518 247 чел. Из них 5 408 420 чел., или 63,5% населения, относили себя к белорусам, 1 202 129 (14,1%) – евреям, 492 921 (5,8%) – русским, 424 236 (5,0%) – полякам, 377 487 (4,4%) – украинцам, 288 921 (3,4%) – литовцам. Около 480 тыс. жителей соседних губерний, в основном Черниговской и Смоленской, также отнесли себя к белорусам³.

Большинство населения – этнические белорусы - были крестьянами, по вероисповеданию в основном православными (81% по переписи 1897 г.), говорившими на диалектах белорусского языка, который считался простонародным наречием – в представлениях поляков «хлопской мовой». Часть белорусов, исповедовавшая католицизм (18,5%), как правило, тяготела к польской культуре и языку. Экономически и культурно доминировали поляки, а также ополячившиеся белорусы и литовцы, как правило шляхта, землевладельцы, в том числе крупные, исповедовавшие в основном католицизм. Они составляли местную элиту. Свои интересы они связывали с Польшей и ее судьбой. Значительной группой жителей белорусских земель, влиятельной экономически, но не политически, были евреи. Они составляли большинство городских жителей. Немногочисленные русские были представлены в основном чиновниками и также проживали в городах. Политика русификации белорусского крестьянства проводилась непоследовательно и значительных плодов не принесла. Однако оно не обладало и выраженным национальным самосознанием, также считая свой язык «простым», а себя часто называя не по национальности, а «местными» - «тутейшими».

² Хомич С. Территория и государственные границы Беларуси в XX веке: от незавершенной самоидентификации и внешнеполитического произвола к современному status quo. Минск, 2011. С. 7.

³ Латышонак А., Мірановіч Я. Гісторыя Беларусі ад сярэдзіны XVIII ст. да пачатку XXI ст. Вільня, Беласток, 2010. С. 123.

Что касается немногочисленной интеллигенции белорусского происхождения, то идеи создания или возрождения национальной государственности, уже достаточно широко распространенные среди народов Восточной Европы, к началу XX века еще только начали проникать в ее среду, в основном она оставалась под сильным влиянием русской культуры. Это обстоятельство, а также слабость и немногочисленность других этнически белорусских привилегированных слоев – мещанства и помещиков, наличие которых обычно является одним из важнейших условий развития национальной культуры и идеологии, предопределяли второстепенное место белорусских интересов на фоне прежде всего соперничавших между собой и доминировавших русских и польских интересов. «Плебейский» характер белорусской этнической общности обусловил преобладание в ее сознании социальных, а не национальных проблем⁴.

Белорусское национальное движение, особенно его политическая составляющая, формировалось довольно специфически. Первыми белорусскоязычными писателями стали представители местной полонизированной шляхты, которые проявляли чисто фольклорный, этнографический интерес к обычаям и языку белорусского крестьянства. Понимая, что в национальном отношении они отличаются от поляков, эти первые белорусы, тем не менее, считали и себя и их в полной мере принадлежащими польскому культурному миру. «Белоруссия» и «белорус» (а чаще, как было привычнее, «Литва» и «литвин») были для них не национальным, а региональным обозначением.

Только в начале XX века формируется первая белорусская партия – Белорусская рабочая (потом социалистическая) громада, причем характерно, что ее программа в национальном отношении была довольно неопределенной, основной упор делался на социальной составляющей.

⁴ Латышонак А., Мірановіч Я. Гісторыя Беларусі ... С. 126.

Существенное ускорение процесса развития белорусского национального движения произошло в годы Первой мировой и советско-польской 1919-1920 гг. войн. Именно тогда был предпринят ряд попыток создания суверенного белорусского государства на основе принципа национального самоопределения. Специфической чертой этих проектов, была их полная зависимость от внешнеполитических планов соседних держав. В хронологической последовательности в числе этих стран были: для периода Великой войны – Германия, после Октябрьской революции в России – РСФСР, а с конца 1918 г. – и Польская республика. Помимо них, в 1918-1921 гг., когда определялась новая политическая карта Центральной и Восточной Европы, к судьбе белорусских земель оказались причастными также Литва и державы Антанты, прежде всего Англия.

Столь обширный круг вовлеченных в решение вопроса о судьбе белорусского вопроса стран, преследовавших чаще всего диаметрально противоположные цели, делает избранную нами для изучения тему весьма актуальной в научном отношении. Ее раскрытие важно, по крайней мере, в двух отношениях: во-первых, для выяснения роли белорусского фактора в период 1918-1921 гг. во взаимоотношениях Польши и советской России, выступавших как внешние по отношению к нему силы; во-вторых, для понимания его значения для судеб периферии Версальской системы международных отношений, именно в этом регионе Восточной Европы соприкасавшейся с советской системой безопасности, базировавшейся на мирных договорах советской России с лимитрофами (Польшей, Литвой, Латвией). Это тем более актуально, что до сих пор белорусская проблема рассматривалась в основном изолированно от внешней политики заинтересованных стран.

Степень изученности проблемы. Относящиеся к интересующей нас теме исследования появились буквально по следам изучаемых нами событий. Одной из первых публикаций на тему белорусского Возрождения был сборник

научно-публицистических статей Е. Канчера⁵. Автор, активный участник общественно-политического движения в Белоруссии в период революций 1917 г., рассматривает исторические, этно-территориальные, социально-экономические, культурно-лингвистические, религиозные аспекты белорусской проблемы с точки зрения белоруса пророссийской ориентации. Он доказывает необходимость создания белорусской автономии в составе Российской федеративной республики, при этом резко критикует политику советского руководства в 1917-1918 гг., которая привела к разделу и германской оккупации белорусских территорий.

Такая же тематическая направленность была свойственна как *первым советским исследователям* данной проблематики, также выходцам из белорусского движения – А. Бурбису, Ф. Туруку⁶, В. Игнатовскому⁷, Д. Жилуновичу⁸, так и известному историку, основоположнику белорусской национальной историографии, М. Довнар-Запольскому⁹ (чей труд по истории Белоруссии, написанный в 1925-1926 гг. в качестве учебника для вузов, был изъят из планов издательства в связи с начавшейся кампанией по сворачиванию политики коренизации и увидел свет лишь в 1994 г). Главной задачей для белорусов в условиях, когда государственные границы разорвали по живому ткань белорусской нации, по мнению всех этих авторов, должна была стать борьба за восстановление единства белорусских земель. Единственно возможный вариант развития белорусской нации они видели в федерации с Советской Россией. При этом никто из них, кроме В. Игнатовского (в «Каротком нарысе...» он упоминает акт провозглашения БНР, не давая ему никакой оценки, а о последующих событиях говорит, что

⁵ Канчер Е. Белорусский вопрос. Пг., 1919.

⁶ Турук Ф. Белорусское движение. Очерк истории национального и революционного движения белорусов. М., 1921.

⁷ Игнатовский В., Смолич А. Белоруссия: территория, население, важнейшие моменты истории. Минск, 1924; Игнатоўскі У. Кароткі нарыс гісторыі Беларусі. Мінск, 1926; Он же. Гісторыя Беларусі ў XIX і пачатку XX ст. Мінск, 1928.

⁸ Жылуновіч З. Беларусь: Нарысы гісторыі, культуры і рэвалюцыйнага руху. Минск, 1924.

⁹ Доўнар-Запольскі М.В. Гісторыя Беларусі. Мінск, 1994.

«национальное движение в Белоруссии оторвалось от социальной революции»¹⁰), не противопоставлял Белорусскую Народную Республику (БНР) и Белорусскую Советскую Социалистическую Республику (БССР) как антиподы, а видели в них родственные явления, разные пути движения к одной цели - единству белорусской нации в рамках одной из форм государственности (полная независимость, автономия).

В 1920-е гг. выходили работы белорусских коммунистических лидеров, посвященные образованию БССР и руководящей роли РКП(б) в обретении белорусским народом своего государства. При этом подчеркивалось значение пролетарского интернационализма, верность белорусов делу революции. «Образовавшись как независимое государство, Советская Белоруссия всегда подчиняла свои интересы интересам общей борьбы советских республик, и за истекшие 7 лет Советская Белоруссия зарекомендовала себя как верный страж пролетарской революции на западной окраине Советских республик»¹¹, – писал один из виднейших руководителей БССР. В. Кнорин, входивший в состав советского руководства Белоруссии в 1917-1928 гг. (в 1927-1928 гг. на посту первого секретаря ЦК КП(б) Белоруссии), неоднократно в своих статьях возвращался к теме образования БССР и борьбы с национальным движением¹². Он подчеркивал, что нельзя было решить национального вопроса без разрешения более насущных проблем – вопросов о власти и земле. Именно игнорирование этих требований масс, по мнению Кнорина, и привело к тому, что белорусские националисты «в конце 1917 г. превратились в незначительные группы мелкобуржуазных интеллигентов, совсем изолированных от масс трудящихся, выступавших в Белоруссии в широких

¹⁰ Ігнатоўскі У. Кароткі нарыс гісторыі Беларусі. Мінск, 1926. С.177.

¹¹ Червяков А.Г. Семь лет власти рабочих и крестьян. Минск, 1924. С.21.

¹² Кнорин В. Пять лет (Краткий конспект к истории КП(б)Б. Минск, 1922; Он же. 1917 год в Белоруссии и на Западном фронте. Минск, 1925; Он же. Из заметок к истории диктатуры пролетариата в Белоруссии (К десятилетию провозглашения БССР). Минск, 1934.

массовых кампаниях в блоке национальных меньшинств... и получали даже в таком блоке единицы голосов»¹³.

В 1930-е гг. национальная тематика в СССР вытесняется на периферию, усиливается кампания борьбы с так называемым «национал-демократизмом». Официальная идеология стала клеймить белорусское национальное движение как «контрреволюционное», «антинародное», а ее носителей – белорусских «незалежников» – приравнять к фашистам¹⁴.

Подчеркивался миролюбивый характер советской внешней политики по отношению к Польше, готовность идти на уступки, в том числе территориальные, и в то же время клеймились захватнические стремления польского руководства по отношению к белорусскому и украинскому народам, чьи национальные интересы в полной мере впервые были реализованы только в форме советских республик в тесном союзе с РСФСР. Подобные же идеи проводятся и в 1940-1950-е гг., например, в работах Н. Каменской¹⁵, И. Лочмеля¹⁶, С. Исаченко¹⁷.

В межвоенной польской историографии исследователи обращались к белорусской теме в основном из практических соображений. Первыми публикациями, посвященными белорусскому вопросу, были статьи Леона Василевского¹⁸, еще в довоенный период зарекомендовавшего себя знатоком национального вопроса, а в конце 1918 - начале 1919 г. занимавшего пост министра иностранных дел Польши. Он исследовал историю развития белорусского национального движения и искал пути уменьшения его влияния на местное население, а также возможности ограничения влияния

¹³Кнорин В. Из заметок к истории диктатуры пролетариата в Белоруссии (К десятилетию провозглашения БССР). Минск, 1934// Кнорин В.Г. Избранные статьи и речи. Минск, 1990.

¹⁴ Майзель Ю., Шапавалаў М. Кароткі нарыс гісторыі КП(б)Б. Минск, 1929; Шчарбакоў В. Кастрычніцкая рэвалюцыя на Беларусі і беларуская акупацыя. Минск, 1930.

¹⁵ Каменская Н.В. Утварэнне Беларускай савецкай сацыялістычнай рэспублікі. Мінск, 1946; Она же. Вялікая Кастрычніцкая Сацыялістычная рэвалюцыя утварэнне БССР. Мінск, 1954, и др.

¹⁶ Лочмель І. Барацьба беларускага народа супроць інтэрвентаў. Мінск, 1940.

¹⁷ Исаченка С. Правал амэрыкана-англійскіх планаў на Беларусі у 1917-1920 гг. Мінск, 1954.

¹⁸ Wasilewski L. Litwa i Białoruś. Zarys historyczno-polityczny stosunków narodowościowych. Warszawa, 1925.

коммунистов на само это движение. В 1920-е гг. он приходит к выводу, что лучшим способом интеграции белорусского населения будет учет в полной мере его экономических, культурных и национальных интересов.

В 1931 г. вышел очерк истории белорусского движения Ст. Эльского¹⁹. Он сделал попытку описать обстоятельства и причины возникновения белорусского движения, а также его антипольской направленности. Считая справедливым присоединение части белорусских территорий к Польше, т.к. «только в нескольких уездах белорусы составляют явное большинство»²⁰, он видел в деятельности белорусских левых политиков исключительно влияние советской пропаганды, а антипольские настроения объявил лишеными всякого основания в реальной политике польского правительства.

Советская послевоенная историография. Планомерное изучение в целом истории стран Центральной и Юго-Восточной Европы межвоенного периода (1918-1939 гг.) началось в 1960-1970-е гг. Формируется новая официальная концепция по территориальному и национальному вопросам межвоенной истории II Речи Посполитой. Подчеркиваются сословный, можно сказать олигархический мотив польского империализма, почти исключительно экономические его причины (крупные землевладения польских помещиков, которые они боялись потерять в результате революционных потрясений), негативная роль держав Антанты, которые фактически способствовали польским захватам, т.к. сами были заинтересованы в формировании «санитарного кордона» от большевистской угрозы. Развивается идея противоречия интересов польского крупного землевладения и общенациональных интересов, результатом чего явилась неустойчивость Польского государства, внутренняя его нестабильность.

История советско-польских отношений становится самостоятельным направлением исследований. Особенно активно этой проблематикой занимался П.Н. Ольшанский. Вопросы советско-польских отношений в

¹⁹ Elski St. Sprawa białoruska. Warszawa, 1931.

²⁰ Ibidem. S. 58.

период 1918-1921 гг. он рассмотрел в монографии «Рижский мир. Из истории борьбы Советского правительства за установление мирных отношений с Польшей (конец 1918-март 1921 г.)», вышедшей в свет в 1969 г. Оценивая политику польских властей в отношении Белоруссии, советский историк подчеркивал, что федералистская концепция была лишь благовидным прикрытием в духе времени для империалистских устремлений польского руководства. В то же время советская политика показана миролюбивой и уступчивой по отношению к полякам. Белоруссия в интерпретации Ольшанского предстает объектом во взаимоотношениях РСФСР и Польши, в качестве самостоятельного участника исторического процесса им не рассматривается.

Одним из первых серьезных исследований, посвященных белорусской национальной проблеме, можно считать опубликованную в 1975-1979 гг. двухтомную монографию В.А. Круталевича²¹, посвященную образованию БССР и проблемам размежевания в белорусском движении различных классово-политических течений. Исследователь выделяет два течения в белорусском движении – буржуазно-националистическое и революционно-демократическое, реабилитируя левое крыло политических сил, выступавших за национально-государственное самоопределение белорусов. Исследуя обстоятельства провозглашения Советской Белоруссии, Круталевич заключает, что, хотя этот акт Советского правительства был вызван тактической необходимостью, он отвечал интересам белорусского народа.

Польская историография. Серьезная разработка проблемы началась одновременно с советскими исследованиями, в 1960-1970-е гг. Именно в это время появляются труды Ю. Левандовского, В. Гостыньской, Ю. Осицы, А. Деруги и др. авторов, написанные на основании материалов из польских архивов, мемуаров, а также прессы и периодики.

²¹Круталевич В.А. Рождение Белорусской Советской республики (ноябрь 1918 - февраль 1919г.). Т.1. Минск, 1975. Т.2. Минск, 1979.

Одно из первых в ПНР исследований, затронувших интересующую нас тематику, принадлежит Ю. Левандовскому²². Оно посвящено эволюции взглядов пилсудчиков на проблему восточной границы Польши в зависимости от изменения ситуации в Белоруссии и Литве. Советско-польская война и предшествовавшие ей столкновения рассматриваются как борьба двух вариантов федерализма – «настоящего», советского, который учитывает народные чаяния и дает возможности для национально-государственного строительства белорусского и литовского народов, и польского, который под маской федерализма скрывал империалистические амбиции. Критика автором режима санации, традиционная для марксистской историографии, основана в том числе и на утверждении, что зафиксированное в Рижском мирном договоре решение территориальной проблемы на востоке стало одной из причин слабости возрожденной Польши. В монографии содержится краткий очерк истории белорусского движения, причиной слабости которого автор считает его буржуазный характер: сначала оно было вынуждено опереться на немецкие оккупационные власти, а потом на польские. Это шло вразрез с настроениями белорусского населения, которое, в силу как экономических (его подавляющее большинство было крестьянами), так и политических причин было настроено радикально и поддерживало большевиков. В этих условиях поляки, не получая ожидаемых дивидендов от сотрудничества с белорусскими националистами, в конце концов перестали их поддерживать. В целом монография Левандовского написана в общем русле с господствовавшей тогда в советской и польской историографии точкой зрения по вопросу о «справедливых», «исторических» границах Польши. Согласно ей, отвечающим интересам польского народа был так называемый «пястовский» вариант границы, т.е. включение в состав Польши «исторических польских земель» на севере и западе, уже не одно столетие находившихся под властью немцев и сильно германизированных, при

²² Lewandowski J. Federalizm. Litwa i Białoruś w polityce obozu belwederskiego (XI 1918 – IV 1920). Warszawa, 1962.

одновременном отказе от бывших восточных территорий Речи Посполитой с незначительным удельным весом польского населения.

В сходном духе написана книга В. Гостыньской²³, которая рассматривает историю отношений советской России и Польши через призму дипломатических переговоров и военных действий. Позиции польских лидеров в их борьбе за белорусско-литовские территории объясняются автором почти исключительно экономическими соображениями, т.е. желанием сохранить в неприкосновенности имения польских помещиков. Федерализм Пилсудского исследовательница считает лишь прикрытием для империализма польских правящих кругов, и не видит большой разницы между позициями Р.Дмовского и Ю.Пилсудского.

В 1966 г. опубликована посвященная восточной политике Польского государства монография П. Лоссовского²⁴.

В изданном в 1978 г. к 60-летию возрождения Польши труде Ю. Осицы²⁵, посвященном формированию ее государственных границ, акцент сделан как на политические и экономические факторы, так и на исторические традиции польской государственной мысли: пястовскую, более древнюю, согласно которой государство должно охватывать только этнически польские территории, и ягеллонскую, связанную с дрейфом Польши на восток при одновременной потере западных и северных польских земель. Победу в польской политике в 1918-1919 гг. ягеллонской концепции автор в значительной степени связывает с влиянием Антанты, заинтересованной в создании «санитарного кордона» от «большевистской заразы» и участии Польши в борьбе с Советской Россией. Отмечая вредность такой политики как для польского, так и белорусского и литовского народов, которые стали пешками в чужой игре, Осица вместе с тем считает, что, с одной стороны, обращение к ягеллонской традиции было естественным для прерванной

²³ Gostyńska W. Stosunki polsko-radzieckie 1918-1919. Warszawa, 1972.

²⁴ Lossowski P. Stosunki polsko-litewskie w latach 1918-1920. Warszawa, 1966.

²⁵ Osica J. O kształt Odrodzonej. Warszawa, 1978.

польской государственной мысли, мечтавшей не только о национальном возрождении, но и имперском реванше, и считавшей традиционной для себя цивилизаторскую миссию на восточнославянских землях. С другой стороны, такой выбор надорвал силы польского народа, который не мог справиться одновременно и с растущей немецкой угрозой и с радикализмом и национализмом автохтонного населения восточных окраин. Автором также отмечается воздействие на белорусов и украинцев, оказавшихся в составе Польши советского федерализма, и их стремление к воссоединению со своими братьями в составе советских республик.

Примерно такой же точки зрения придерживается Я. Фарысь, исследовавший концепции польской внешней политики в межвоенное двадцатилетие²⁶. Им проведен взвешенный, практически лишенный обвинительных интонаций анализ концепций основных направлений польской внешнеполитической мысли. Вопрос восточной границы Польши рассматривается преимущественно через призму международных отношений.

Ряд исследований польских историков в 1970-1980-е гг. был посвящен изучению позиции польских политических партий в отношении восточных «кресов», в том числе и Белоруссии. Среди наиболее интересных следует назвать, в частности, монографии А. Деруги «Восточная политика Польши в отношении Литвы, Белоруссии и Украины»²⁷, А. Лейнванда «Отношение ППС к польско-советской войне 1919-1920 гг.»²⁸, Ю. Яхимека «Политическая мысль ПСЛ «Вызволене»²⁹, Б. Рыхловского «Внешняя политика возрожденной Польши 1918-1988»³⁰.

Следует отдельно отметить обобщающую работу М. Космана «История Беларуси»³¹, которая вышла в издательстве «Оссолинеум» в 1979 г. в рамках

²⁶ Faryś J. *Koncepcje polskiej polityki zagranicznej 1918-1939*. Warszawa, 1981.

²⁷ Deruga A. *Polityka wschodnia Polski wobec ziem Litwy, Białorusi i Ukrainy (1918-1919)*. Warszawa, 1969.

²⁸ Leinwand A. *PPS wobec wojny polsko-radzieckiej 1919-1920*. Warszawa, 1964.

²⁹ Jachymek J. *Myśl polityczna PSL «Wyzwolenie»*. Lublin, 1983.

³⁰ Rychłowski B. (red.). *Polityka zagraniczna odrodzonej Polski 1918-1988*. Warszawa, 1989.

³¹ Kosman M. *Historia Białorusi*. Wrocław, 1979.

серии книг по истории отдельных стран, и была переиздана в 1987 г. Она охватывает историю края от древних времен до современности, и явилась фактически первым такого рода изданием в Польше, посвященным только белорусским сюжетам.

Современная историография в Польше продолжает уделять пристальное внимание вопросам восточной границы, взаимоотношений с национальными движениями в Литве, Белоруссии и на Украине. Основными направлениями исследований являются: политика Юзефа Пилсудского, концепции Романа Дмовского и др. общественно-политических деятелей, взаимоотношения с Россией и т.д. В целом, в силу неплохой проработки темы еще во времена ПНР, нельзя сказать, чтобы произошел какой-то прорыв в исследованиях этой темы. Главными достижениями можно считать, пожалуй, введение в оборот новых источников, прежде недоступных в связи с закрытостью советских архивов, а также свободу интерпретации результатов, ранее невозможную по идеологическим причинам.

Так, в 1990-е гг. увидели свет ряд интересных монографических и коллективных исследований по международным аспектам польской восточной политики³², не выходящих за пределы традиционных для польской исторической науки тем. Частично данного вопроса касаются авторы обзорного труда по истории польской внешней политики в межвоенный период М. Каминьский и М. Захариас³³.

Новые для польской белорусистики вопросы были подняты в сборнике «Польша - Белоруссия, 1918-1945» под ред. В.Бальцерака³⁴ и в одном из номеров ежегодника «Исследования по истории СССР и Центрально-Восточной Европы»³⁵. В них рассматривается международный аспект

³² Czubiński A. Walka o granice wschodnie Polski w latach 1918-1921. Warszawa, 1993; Łossowski P. Kształtowanie się państwa polskiego i walka o granice (listopad 1918 – czerwiec 1921). Warszawa, 1995; Gomółka K. Między Polską a Rosją. Białoruś w koncepcjach polskich ugrupowań politycznych 1918-1922. Warszawa, 1994.

³³ Kamiński M., Zacharias M.J. Polityka zagraniczna Rzeczypospolitej Polskiej 1918-1939. Warszawa, 1998.

³⁴ Polska-Białoruś, 1918-1945. Białystok, 1994.

³⁵ Studia z dziejów Rosji i Europy Środkowo-Wschodniej. Wrocław, 1992.

белорусского вопроса, в том числе взаимоотношения белорусского движения с польскими властями, создание белорусских подразделений в составе польской армии, позиция польских политических партий и организаций по белорусскому вопросу, белорусские сюжеты на мирных переговорах между Советской Россией и Польшей в Риге и др. Но время подготовки и публикации этих трудов наложило на часть из них свой негативный отпечаток. Речь идет о явной тенденциозности в освещении событий, в частности, об однозначно негативной оценке большевистской политики в отношении Белоруссии и столь же однозначно позитивной оценке деятельности Пилсудского. Исключение составляет только статья Р. Войны, который пишет о благоприятном влиянии советской политики в начале 1920-х гг. на национальное самосознание белорусов и подчеркивает, что «белорусы в результате получили от коммунистов больше, чем ожидало белорусское общество»³⁶.

Также выходят работы, посвященные более подробному изучению отдельных аспектов событий, связанных с борьбой за литовско-белорусские территории. Из них можно упомянуть такие, как «Восточные союзники Польши...» коллектива авторов³⁷ или исследование О. Латышонка о белорусских военных формированиях³⁸, рассматривающие попытки создания белорусских национальных вооруженных сил, которые могли бы стать союзными польской армии в ее борьбе с Советской Россией. Проблеме белорусского национального самосознания посвящено исследование П. Врубеля³⁹.

Продолжается изучение концепций восточной политики различных политических сил: этой тематике посвящена, в частности, книга Б.

³⁶ Wojna R. *Wojna domowa w Rosji a Białoruś // Polska – Białoruś (1918-1945)*. Białystok, 1994. S. 32-43.

³⁷ *Wschodni sojusznicy Polski w wojnie 1920 roku. Oddziały wojskowe ukraińskie, rosyjskie, kozackie i białoruskie w Polsce w latach 1919-1920*. Toruń, 1999.

³⁸ Łatyszonek O. *Białoruskie formacje wojskowe 1917-1923*. Białystok, 1995.

³⁹ Wróbel P. *Kształtowanie się białoruskiej świadomości narodowej a Polska*. Warszawa, 1990.

Сточевской⁴⁰ и сборник статей о Романе Дмовском⁴¹. Интересный, хотя и тенденциозный анализ программ польских политических сил, их реализации на практике, а также эволюции взглядов польских политиков на восточную политику содержится в монографиях А. Новака⁴² и др.

К вопросам польской внешней политики на восточном направлении продолжал обращаться в 1990-х-2000-х гг. известный историк Петр Лоссовский⁴³.

Не иссякает интерес польских историков к событиям польско-советской войны 1919-1920 гг. и Рижской мирной конференции. Масса работ на эту тему выходила и в 1990-е, и в 2000-е гг⁴⁴.

Несколько особняком стоят исследования “белостокской школы” – группы польских историков белорусского происхождения, в основном из Белостокского и Торуньского университетов, которые занимаются изучением различных аспектов истории белорусского движения, его идеологии, биографий участников, белорусских военных формирований и их связей с Польшей. Они зачастую достаточно жестко полемизируют с официальной белорусской наукой, не считая ни Советскую Белоруссию, ни современную РБ действительно национальными белорусскими государствами. Старейшим представителем этой группы является Ю.Турунок, изучавший деятельность белорусского лидера, стоявшего у истоков национального движения, Вацлава Ивановского. О.Латышонок и Е.Миронович выпустили ряд монографий и учебных пособий по истории Белоруссии⁴⁵. Считая безусловным благом развитие национального самосознания и создание национального государства,

⁴⁰ Stoczewska B. Litwa, Białoruś, Ukraina w myśli politycznej Leona Wasilewskiego. Kraków, 2009.

⁴¹ Engelgard J. (red.). Myśl polityczna Romana Dmowskiego. Warszawa, 2009.

⁴² Nowak A. Jak rozbić Rosyjskie Imperium? Idee polskiej polityki wschodniej, 1733-1921. Warszawa, 1995; Idem. Polska i trzy Rosje. Studium polityki wschodniej Józefa Piłsudskiego (do kwietnia 1920 roku). Kraków, 2001.

⁴³ Łossowski P. Polityka Litwy w kwestii białoruskiej w latach 1918-1924. // Polska – Białoruś (1918-1945). Białystok, 1994. S.44-58. Łossowski P. Dyplomacja polska, 1918-1939. Warszawa, 2001.

⁴⁴ Michta N., Kumoś Z.B. Niewypowiedziana wojna 1919-1920. Warszawa, 2009; Cisek J. Rok 1920: Wojna polsko-bolszewicka. Warszawa, 2010; Wyszczelski L. Wojna o kresy wschodnie 1918-1921. Warszawa, 2010 etc.

⁴⁵ Łatyszonek O. Białoruskie formacje wojskowe 1917-1923. Białystok, 1995; Mironowicz E. Białorusini i Ukraińcy w polityce obozu piłsudczykowego. Białystok, 2007; Латышонок А., Мірановіч Я. Гісторыя Беларусі ад сярэдзіны XVIII ст. да пачатку XXI ст. Вільня, Беласток, 2010 и др.

они рассматривают причины слабости белорусского движения, негативно оценивают влияние советской политики, польскую же считают слабой и непоследовательной. Проблемы влияния государственной политики на белорусское самосознание и развитие национальной культуры занимается Е.Глоговская⁴⁶.

Белорусскому движению и его связям с польской восточной политикой посвящена объемная монография торуньской исследовательницы Д. Михалюк. Большое место в ней занимает исследование деятельности премьер-министра непризнанной Белорусской Народной Республики Антона Луцкевича в Париже, на мирной конференции, где он пытался добиться признания державами-победительницами права Белоруссии на независимость, а также заключить договор о равноправном союзе с Польшей. Д. Михалюк придерживается мнения, что неудача белорусского проекта связана с провалом попыток создания общенационального или общекраевого представительства вследствие заострения социальных вопросов в общественной дискуссии. Это обусловило рост популярности коммунистических идей и раскол белорусского национального движения, так и не сумевшего предложить привлекательных лозунгов для объединения белорусского общества вокруг идеи собственного государства⁴⁷.

Общепринятым в польской исторической науке сейчас является взгляд, согласно которому польский экспансионизм на востоке был неизбежным этапом развития нации, который в свое время сыграл значительную положительную роль; к федерализму Пилсудского в современной польской историографии отношение скорее сочувственное: концепция не была в принципе ошибочной, но недостаток сил у молодого государства помешал воплотить ее в жизнь. Тем не менее, «не подлежит сомнению, что

⁴⁶ Głogowska H. Białoruś 1914-1929. Kultura pod presją polityki. Białystok, 1996.

⁴⁷ Michaluk D. Białoruska Republika Ludowa 1918-1920. U podstaw białoruskiej państwowości. Toruń, 2010.

независимость Украины, Белоруссии и Литвы сегодня лежит в сфере польских государственных интересов»⁴⁸.

Белорусская историография в 1990-е гг., что вполне закономерно, обратила пристальное внимание на период 1917-1921 гг., в первую очередь на историю формирования белорусской государственности, главным образом альтернативных советскому проектам. Тесно связанный с поисками идеологии нового государства и формированием национальной идеи, этот вопрос не мог не получить ярко выраженной политической окраски, в зависимости от симпатий авторов. Тем не менее, уже накоплен и значительный пласт серьезных научных исследований, посвященных различным аспектам белорусского вопроса, его связей с русской революцией, отношениям белорусского движения с польскими властями и др. проблемам. Отметим лишь некоторые из них.

Вопросы взаимоотношений общероссийских и националистических русских партий и организаций на территории Белоруссии с организациями, созданными белорусскими националистами, рассматривают С. Рудович в своей монографии «Время выбора: проблемы самоопределения Белоруссии в 1917г.»⁴⁹ и И.М. Игнатенко в книге «Октябрьская революция и самоопределение Белоруссии»⁵⁰. Книга С. Рудовича, впервые опубликованная в 1991 г., посвящена исследованию идеи белорусского самоопределения, отношения к ней политических партий в крае и населения на основании данных выборов и др. статистических данных. Она и на сегодняшний день остается одной из лучших работ об истоках белорусского движения, а также политике российских властей и оппозиции в отношении белорусской национальной идеи.

⁴⁸ Тымовский М., Кеневич Я., Хольцер Е. История Польши. М., 2004. С. 16.

⁴⁹ Рудовіч С. Час выбару: праблемы самавызначэння Беларусі у 1917 г. Мінск, 1991. В настоящей работе будет использоваться 2-е издание, вышедшее в 2001 г. – *прим.авт.*

⁵⁰ Игнатенко И.М. Октябрьская революция и самоопределение Белоруссии. Минск, 1992.

В 1999 г. вышла коллективная монография «Государственность Беларуси: проблемы формирования в программах политических партий»⁵¹. Она посвящена идеологии белорусских политических партий и движений в 1918-1921 гг.

В последние годы белорусские ученые обратились к исследованию международной деятельности белорусских националистов. Среди наиболее значимых работ на эту тему следует упомянуть монографии гомельского историка Г.Г. Лазько и его коллег⁵², а также минчанина А.В. Тихомирова⁵³, опубликованные практически одновременно. Авторы скрупулезно исследуют контакты белорусских политиков с европейскими и советскими дипломатами. Общей проблемой этих работ, как и в целом большинства белорусских исследований на эту тему последних лет, является «смещение фокуса» зрения – преувеличение как значения и масштаба деятельности изучаемых группировок на международной арене, так и их влияния в регионе.

Монография В. Ладысева и П. Бригадина «На переломе эпох: становление белорусской государственности»⁵⁴ также напрямую касается интересующих нас сюжетов, рассматривая ход событий в 1917-1921 гг. по обе стороны фронта. Ее авторы – одни из немногих исследователей, проводящих параллели между деятельностью правого и левого течений белорусского движения. Они считают БНР «государством в стадии формирования»⁵⁵, а БССР - ее логическим продолжением в условиях победы коммунистов на территории Восточной Белоруссии. Интересна их работа тем, что содержит многочисленные факты, не отраженные ранее в исторических исследованиях, почерпнутые из недавно ставших доступными материалов Национального

⁵¹ Коршук В., Платонов Р. и др. Государственность Беларуси: проблемы формирования в программах политических партий. Минск, 1999.

⁵² Лазько Р.Р., Кротаў А.М., Мязга М.М. Беларусь у еўрапейскай палітыцы, 1918-1925 гг. Нарысы. Гомель, 2003.

⁵³ Ціхаміраў А.В. Беларусь у сістэме міжнародных адносін перыяду пасляваеннага ўладкавання Еўропы і польска-савецкай вайны (1918-1921гг.). Мінск, 2003.

⁵⁴ Ладысеу У, Брыгадзін П. На пераломе эпох: станаўленне беларускай дзяржаўнасці (1917-1920). Мінск, 1999.

⁵⁵ Там же. С. 46.

архива Республики Беларусь. Логическим продолжением этой работы стала следующая монография, опубликованная теми же авторами в 2003 г.⁵⁶ Исследователи поставили перед собой задачу изучить проблему белорусской государственности в контексте геополитических интересов Советской России и Польши. Они детально анализируют политическую ситуацию в крае накануне Октябрьской революции и в первые годы советской власти, акцентируя внимание на положении сторонников национальной самобытности Белоруссии. Авторы придерживаются мнения, что БССР была первым белорусским национальным государственным образованием.

В.А. Круталевич, один из первых исследователей, еще в советское время обратившийся к теме белорусской государственности, продолжал ее разработку на протяжении всей своей жизни. Своеобразным ее итогом стала книга «Становление национальной державности»⁵⁷, в которой он проанализировал деятельность как местных властей, так и центрального советского руководства, перипетии их отношений между собой и с белорусскими партиями. Убежденный сторонник советской государственности, Круталевич и в этой своей работе доказывал благотворность влияния советской национальной политики на развитие белорусской культуры и национального самосознания белорусского народа, считая БССР, а не альтернативные проекты «незалежников», первой формой белорусской государственности.

Судьба белорусского народа как самостоятельной этносоциальной общности, место Белоруссии среди других государств и народов – в центре внимания современных белорусских авторов общих публикаций по

⁵⁶ Ладыеў У, Брыгадзін П. Паміж Усходам і Захадам. Станаўленне дзяржаўнасці і тэрытарыяльнай пеласнасці Беларусі (1917-1939). Мінск, 2003.

⁵⁷ Круталевич В.А. История Беларуси: Становление национальной державности. Минск, 1999. 2-е издание, дополненное, вышло в 2003 г. Его полемика с националистами продолжалась и в последующие годы, см., например: Круталевич В. Абвяшчэнне рэспублікі (Гістарыяграфічны аспект). Мінск, 2004; Он же. О Белорусской Народной республике (аналитические заметки и комментарии). Минск, 2005.

национальной истории⁵⁸, а также специального энциклопедического издания⁵⁹. Главный вопрос, которым задались авторы этих трудов, - почему «незалежники» проиграли большевикам, и ответ их на этот вопрос такой: националистическое течение в тот период изначально было обречено на провал, поскольку не учитывало остроту социальных проблем края. Большевики, предлагавшие простые рецепты, обладали серьезной народной поддержкой, со временем ставшей массовой, белорусские же националисты, напротив, потеряли ее из-за своих попыток опереться на антибольшевистские силы. Фактически, авторские коллективы этих работ продолжили традиции историографии сталинской эпохи, только поменяв знаки на противоположные. Они полагают, что национальной государственностью можно считать только такую, которая не имела ничего общего с большевиками, хотя именно в советский период в Белоруссии были подготовлены все необходимые условия для безболезненного перехода в разряд субъектов международных отношений в конце XX в.

Образовательная политика и пропаганда германских властей в применении к белорусскому движению рассматриваются в монографии В. Ляховского «Школьное образование в Белоруссии во время немецкой оккупации (1915-1918 г.)». Автор считает, что, несмотря на противоречивость политики Обер-Оста по отношению к национальным меньшинствам оккупированных территорий, характерно их достаточно пренебрежительное отношение непосредственно к белорусским деятелям. Их стремление создать систему белорусскоязычных школ поддерживалось на весьма ограниченном пространстве и только с целью создать «белорусский кордон» перед польским влиянием. Но при этом «следует признать, что условия немецкой оккупации

⁵⁸ Нарысы гісторыі Беларусі. Мінск, 1995; Государственность Беларуси: проблемы формирования в программах политических партий. Мінск, 1999; История Беларуси. Мінск, 2001.

⁵⁹ Энциклапедыя гісторыі Беларусі. У 6 т. Мінск, 1993-2003.

давали значительно больше возможностей для реализации белорусских проектов, чем прежняя российская власть»⁶⁰.

В том же 2010 г. была издана объемная монография белорусского историка, доктора исторических наук А.П. Грицкевича «Западный фронт РСФСР 1918-1920. Борьба между Россией и Польшей за Белоруссию», в которой подробно рассматриваются как военные прежде всего, так и политические аспекты советско-польской войны⁶¹.

В 2011 г. Академией наук РБ издана «История белорусской государственности в конце XVIII – начале XXI ст.» в двух книгах под редакцией А.А. Кавалени. Первая ее часть охватывает историю Белоруссии до начала Второй мировой войны⁶². В книге обстоятельно анализируются условия и процесс формирования белорусского национального самосознания, возникновение идеи государственности и становление белорусского политического движения, а также история образования БССР.

В том же 2011 г. вышла в свет монография С. Хомича «Территория и государственные границы Беларуси в XX веке: от незавершенной этнической самоидентификации и внешнеполитического произвола к современному status quo»⁶³. Автор показывает историю формирования современных границ республики, делая упор на политической составляющей процесса. В книге отражены как позиции лидеров белорусского национального движения по вопросу границ, так и взгляды белорусских коммунистов, детально описан процесс формирования территории БССР в 1918-1920 гг. и «укрупнение» республики в 1923, а также дальнейшие изменения границ. Некоторым изъяном работы, впрочем, типичным для белорусской историографии в целом,

⁶⁰ Ляхоўскі Ў. Школьная адукацыя ў Беларусі падчас нямецкай акупацыі (1915-1918 г.). Беласток-Вільня, 2010. С. 243.

⁶¹ Грицкевич А.П. Западный фронт РСФСР 1918-1920. Борьба между Россией и Польшей за Белоруссию. Минск, 2010.

⁶² Гісторыя беларускай дзяржаўнасці ў канцы XVIII – пачатку XXI ст. У 2 кн. Мінск, 2011-2012.

⁶³ Хомич С. Территория и государственные границы Беларуси в XX веке: от незавершенной этнической самоидентификации и внешнеполитического произвола к современному status quo. Минск, 2011.

можно считать недостаточное внимание к роли в этом процессе центрального советского руководства и прежде всего И.В. Сталина.

Белорусский историк и филолог А. Трофимчик в 2013 г. выпустил книгу под названием «Ленин и Сталин думают о Беларуси»⁶⁴, в которой анализирует с позиций белорусского возрождения политику советской власти в отношении белорусов, начиная с ее первых шагов и заканчивая 1939 г. В действиях советского руководства он видит не ответ на вызовы внешней политики, но стройную программу возрождения имперского величия России в новом идеологическом обличье, но со старой «начинкой». Поэтому автор отрицает какие-либо «добрые» побуждения советских вождей в отношении края и его жителей, полагает, что они всего лишь реализовали лицемерный план по заманиванию национальной элиты в ловушку. Это мнение в какой-то мере объясняет политику 20-х гг. в отношении белорусской эмиграции, но для периода 1918-1920 гг. это явное преувеличение. Советские власти, реализуя концепцию «мировой революции» старались удержать свои позиции на возможно более значительной территории, обеспечить себе связь с другими возможными очагами революции, в первую очередь с Германией, руководствуясь желанием банального выживания, и вынужденность многих их шагов очевидна, если посмотреть на их метания от полного унитаризма к самой широкой автономии регионов в течение месяца-двух, в прямой зависимости от положения на фронтах и дипломатических успехов/провалов.

Российская постсоветская историография. В 1990-е, несмотря на трудности организационного и финансового характера, по сравнению с 1980-ми гг. увеличилось количество опубликованных славистических работ, в том числе исследований по польской истории и культуре. Изданы монографии, посвященные вопросам истории советско-польских отношений в этот

⁶⁴ Трафімчык А. Ленін і Сталін думаюць пра Беларусь. Мінск, 2013.

период⁶⁵. Проявлением «духа времени» является пересмотр привычных оценок исторических событий. Например, И.В. Михутина рассматривает как своего рода авантюры как киевский поход Пилсудского, так и варшавский марш Тухачевского, которые не были подкреплены ни требованиями момента, ни тем более материальными возможностями обеих сторон, а исходили только из их политических программ и желания во что бы то ни стало осуществить свои идеи. Позиция Антанты, традиционно обвиняемой советской исторической наукой в том, что она стояла за всеми антисоветскими инициативами, автором видится как гораздо более умеренная, а столкновение Польши с Россией обусловленным скорее политической волей ее лидеров, чем марионеточным характером их внешней политики. В этом она сближается с современной польской исторической школой, которая склонна подчеркивать самостоятельность политики Ю. Пилсудского, его любовь к политике «свершившихся фактов», особенно в отношениях с Антантой, ограничивавшей его аппетиты².

В 1990-2000-е гг. велась интенсивная работа по исследованию национального вопроса. Издается большое количество сборников, статей, монографий, посвященным различным его аспектам⁶⁶. Также продолжает интересовать историков тема международных отношений, в частности советско-польской войны, которая по-прежнему вызывает острые споры. Это видно на примере полемической работы И.С. Яжборовской и В.С. Парсадановой «Россия и Польша. Синдром войны 1920 г.»⁶⁷, критикующей отечественных ученых, которые оправдывают политику большевистской России по отношению к Литве, Белоруссии и Украине, и призывающей к честному, непредвзятому разговору о проблемах в российско-польских взаимоотношениях.

⁶⁵ Черных М.Н. Ю. Мархлевский о советско-польских отношениях 1918-1921 гг. М., 1990; Михутина И.В. Польско-советская война 1919 -1920 гг. М., 1994.

⁶⁶ Напр.: Национальный вопрос в Восточной Европе. Прошлое и настоящее. Сборник статей. М., 1995, и др.

⁶⁷ Яжборовская И.С., Парсаданова В.С. Россия и Польша. Синдром войны 1920 г. М., 2005.

Вопросы формирования белорусской советской государственности так или иначе обозначены в немногочисленных работах, касающихся истории формирования СССР⁶⁸. Наиболее полно это сделано В.Я. Гросулом в книге «Образование СССР. 1917-1924 гг.»⁶⁹. События, связанные с этим сюжетом, излагаются в соответствии с официальной советской версией, подчеркивается, что создание БССР отвечало интересам белорусского народа и отражало его волю. То же можно сказать и о федерации с РСФСР. Более глубокого анализа этой темы автор, к сожалению, не проводит, что, во многом, обусловлено концепцией книги.

В книге «Белые пятна-черные пятна. Сложные вопросы в российско-польских отношениях»⁷⁰, написанной совместно российскими и польскими учеными в рамках работы российско-польской группы по сложным вопросам, представлена точка зрения современной исторической науки на наиболее спорные моменты во взаимоотношениях стран в XX веке. В статьях Г.Ф. Матвеева, с российской стороны, и Д. Липиньской-Наленч и Т. Наленча, с польской, представлены условия формирования и цели политики польских и советских властей на территории Белоруссии, Литвы и Украины в 1918-1920 гг.

Собственно белорусские сюжеты российской исторической наукой в последние годы практически не затрагиваются. Одно из последних исследований на тему польско-советской войны, написанное М.И. Мельтюховым⁷¹, также касается белорусских сюжетов вскользь. Редким исключением являются статьи И.В. Михутиной, посвященные отдельным аспектам советской политики в отношении Белоруссии⁷² - провозглашению

⁶⁸ См. напр.: Ненароков А. П. К единству равных. Культурные факторы объединительного движения советских народов 1917–1924. М., 1991; Бурмистрова Т.Ю. Зерна и плевелы: Национальная политика в СССР. 1917-1984 гг. СПб, 1993; Барсенков С.А., Вдовин А.И. История России. 1917-2009. 3-е изд. М., 2010.

⁶⁹ Гросул В.Я. Образование СССР (1917-1924 гг.). М., 2007.

⁷⁰ Белые пятна-черные пятна. Сложные вопросы в российско-польских отношениях. М., 2010.

⁷¹ Мельтюхов М.И. Советско-польские войны: военно-политическое противостояние 1918-1939 гг. М., 2001; Он же. 17 сентября 1939. Советско-польские конфликты 1918-1939. М., 2009.

⁷² Михутина И.В. К вопросу о провозглашении Советской Социалистической Республики Белоруссии // Славяноведение. 2008г., №4; Она же. Кто готовил советизацию Польши в 1918 году? // Революционная Россия и польский вопрос: новые источники, новые взгляды. Сборник статей. М., 2009.

ССРБ в 1919 и деятельности польских коммунистов в Западной армии в 1918 г.

Несколько меняет общую достаточно неутешительную картину вышедшая в свет в 2013 г. монография «На крутых поворотах белорусской истории: Общество и государство между Польшей и Россией в первой половине XX века» известного российского историка Ю.А. Борисенка. Своей целью автор поставил заполнение наиболее очевидных лакун белорусской истории этого периода. Он освещает, впервые, пожалуй, в российской историографии, такие сюжеты, как формирование национальной идентичности белорусов на фоне российско-польского противостояния, складывание белорусской государственности на советской основе, уделяя особое внимание роли наркома по делам национальностей И.В. Сталина, складывание современных границ Белоруссии, белорусизация и др. По мнению автора, «при решении белорусских проблем, в том числе и территориальных вопросов, во главу угла ставились не этнографические и даже не социально-экономические аргументы, а принцип политической целесообразности, жестко сочлененный с пресловутой «польской интригой»⁷³.

Зарубежных исследований, посвященных белорусской теме, в целом не так много.

В 1944 г. в США вышла книга польского эмигранта Ю. Лихтенштуля «Белорусская проблема в Восточной Европе»⁷⁴. Автор, изучив историю белорусского народа, приходит к выводу об органичности для него федерации с литовцами. Н.П. Вакар, участник белого движения, эмигрировавший в Канаду и ставший достаточно известным в эмиграции журналистом, издал в 1956 г. в США книгу «Белоруссия. Создание нации»⁷⁵.

В послевоенный период вышло несколько монографий белорусских эмигрантов на тему истории белорусского движения, в основном в США и

⁷³ Борисенко Ю.А. На крутых поворотах белорусской истории: Общество и государство между Польшей и Россией в первой половине XX века. М., 2013. С. 20.

⁷⁴ Lichtensztul J. White Ruthenian problem in Eastern Europe. New York, 1944.

⁷⁵ Vakar N.P. Belorussia: the Making of a Nation. Cambridge, Mass., 1956.

Канаде, где существует достаточно сильная белорусская диаспора. И. Касяк, В. Жук-Гришкевич и др. создавали героизированную версию борьбы белорусских националистов за самостоятельность белорусского народа⁷⁶. Их характеризовали, кроме того, резко антисоветские настроения и благожелательное отношение к польским властям. Это связано еще и с их позицией во время фашистской оккупации Белоруссии, когда многие из них не просто лояльно относились к ней, но и занимали высокие посты в созданной немцами местной администрации.

В Германии в 1960-е гг. выходили статьи Н. Недасека⁷⁷, посвященные советской политике в Белоруссии в период гражданской войны, а также деятельности различных российских партий в Северо-Западном крае в начале XX века. В 1985 г. в Кливленде была издана небольшая книга Е. Колубовича «Айцы БССР», посвященная трагическим судьбам первых руководителей республики.

Книга Н. Дэвиса «Белый орел, красная звезда»⁷⁸, выдержавшая не одно издание в Польше, посвящена советско-польскому противостоянию в 1919-1920 гг. В ней вскользь затрагиваются и сюжеты, относящиеся к борьбе за белорусские земли, характеризуется в общих чертах отношение Пилсудского к белорусскому национальному движению.

В 2005 г. опубликован перевод на белорусский язык работы немецкого исследователя Р. Линднера «Историки и власть: нациотворческий процесс и историческая политика в Белоруссии XIX-XX вв.»⁷⁹.

В 2008 г. в Канаде вышла монография Я.Боженцкого⁸⁰, посвященная истории польско-советской войны и дипломатических отношений Польши и

⁷⁶ Жук-Грышкевіч В. 25-га сакавіка. Успаміны з Менску, Будслава, Вільні, Прагі, савецкай турмы. Торонто, 1978; Касяк І. За дзяржаўную незалежнасць Беларусі. Лендан, 1960.

⁷⁷ Недасек Н. Большевизм в революционном движении Белоруссии // Институт по изучению СССР. Исследования и материалы. Серия 1, вып.25. Мюнхен, 1956; Он же. Камунізм і “беларускі нацыяналізм” // Спадчына, 2001, №1.

⁷⁸ Davies N. White Eagle, Red Star. The Polish-Soviet War, 1919-20. Oxford, 1972.

⁷⁹ Лінднэр Р. Гісторыкі і ўлада: нацыятворчы працэс і гістарычная палітыка ў Беларусі XIX-XX ст. Мінск, СПб., 2005.

⁸⁰ Borzęcki J. The Soviet-Polish Peace of 1921 and the Creation of Interwar Europe. Yale University, 2008.

РСФСР в 1918 -1921 гг. Белорусские сюжеты, в частности, трактовка причин и обстоятельств провозглашения Литовско-Белорусской советской республики в 1919 г. и БССР в 1920 г., политика белорусизации и т.д., в целом, излагаются автором в русле польской традиции.

В 2011 г. на русском языке опубликованы монографии немецкого историка В. Деннингхауса⁸¹, и Т. Мартина, профессора Гарвардского университета, посвященные национальной политике СССР в межвоенный период⁸². Белорусским сюжетам в этих работах уделяется традиционно небольшое внимание.

Таким образом, из проведенного нами обзора литературы видно, что в имеющейся историографии по белорусскому вопросу все еще крайне мало работ, в центре внимания которых стояла бы проблема зависимости процесса созревания белорусского национального самосознания и предпринимавшихся в крае попыток создания национального государства от состояния международных отношений в регионе, волею судеб ставшего пограничьем двух антагонистических социально-экономических и политических систем. И это притом, что именно внешнеполитический фактор подавляющим большинством историков признается решающим для истории Белоруссии интересующего нас времени.

Объектом данного исследования являются обстоятельства формирования советско-польской государственной границы в белорусском регионе, являвшейся в 1921-1939 гг. частью линии раздела мира на две противостоящие общественно-политические системы.

В качестве **предмета исследования** избран процесс становления белорусской государственности, напрямую связанный с развитием советско-польских отношений и политической борьбой политических сил Белоруссии за реализацию собственных планов решения национального вопроса.

⁸¹ Дённингхаус В. В тени «Большого брата»: Западные национальные меньшинства в СССР 1917-1938 гг. М., 2011.

⁸² Мартин Т. Империя «положительной деятельности»: Нации и национализм в СССР, 1923-1939. М. 2011; Он же. Государство наций: империя и национальное строительство в СССР. М., 2011.

Цели и задачи исследования. Исходя из состояния историографии, главной целью исследования является выяснение места и роли белорусского фактора в советско-польских отношениях, мотивов решений, принимавшихся РСФСР и Польшей по территориальным и национальным проблемам в белорусских землях, а также масштабов участия в принятии этих решений белорусских политических группировок.

Для достижения этих целей нами была сформулирована следующая *исследовательская программа*:

– проанализировать отношение основных политических сил Белоруссии к судьбе белорусского народа в условиях раздела белорусских земель в период от Брест-Литовской мирной конференции до окончания Первой мировой войны;

– выявить причины создания и роль Белорусской и Литовско-Белорусской советской республик в польской политике РСФСР, а также факторы, влиявшие на территориальные претензии Польши к советской стороне на первом этапе польско-советского конфликта в феврале 1919-апреле 1920 г.;

– оценить значение для развития советско-польских отношений попытки Польши реализовать применительно к Белоруссии федеративный сценарий структурирования литовско-белорусского региона;

– проследить изменения отношения РСФСР и Польши к белорусскому движению и попытки его использования в условиях горячей фазы советско-польской войны весной-летом 1920 г.;

– показать, как решалась белорусская проблема в ходе советско-литовской и советско-польской прелиминарной и мирной конференций 1920-1921 гг.;

- определить последствия состоявшегося в 1920-1921 гг. решения белорусского вопроса для последующей стабильности региона, располагавшегося на стыке Версальской и советской систем безопасности.

Хронологические рамки работы охватывают период с 1917 по 1921 г. Исходным рубежом стал Всебелорусский съезд в декабре 1917 г., когда предпринятая двумя течениями белорусского движения за автономию попытка создания общекраевого национального центра, с одной стороны, выявила наличие фактически непримиримых противоречий между ними, исключавших возможность компромисса, а с другой стороны, породила враждебное отношение советского руководства к самой идее белорусской национальной автономии. Конечным этапом исследования было определено завершение работы советско-польской мирной конференции в Риге в марте 1921 г. Рижский мирный трактат означал для Белоруссии, с одной стороны, раздел этнически белорусских территорий, а с другой, международное признание БССР в качестве единственного очага национальной белорусской государственности.

Методологические основы работы. Диссертация написана с учетом основных методик современного исторического исследования. Среди них – историзм и объективный исследовательский подход, позволяющий сопоставить складывавшиеся под влиянием политических факторов и зачастую противоречащие друг другу точки зрения польской, белорусской, советской и современной российской историографии на изучаемые события. Использовались принципы конфликтологии, в частности, концепты восприятия друг друга и объекта конфликта его участниками, влияние стереотипов на принимаемые решения; характеристика пространственно-временных параметров конфликта и влияние его на систему международных отношений в регионе. В связи с тем, что политика Польши и Советской России в белорусском вопросе рассматривается в контексте общеевропейских международных отношений, был использован системный подход.

Структура диссертации разработана на основе проблемно-хронологического метода, позволяющего проследить формирование и изменение позиций сторон по основным проблемам, стоявшим перед ними в регионе.

Для выполнения намеченной исследовательской программы были привлечены разнообразные **источники**, которые можно условно разделить на несколько групп.

В первую очередь, это материалы российских, польских и белорусских архивов, позволяющие выявить многие мотивы действий сторон, а также неизвестные исследователям события и решения. Ценные данные, имеющие ключевое значение для восстановления причин принимаемых советским руководством решений по Белоруссии, содержат документы Архива внешней политики Российской Федерации (АВП РФ), в частности, фонд секретариата наркома иностранных дел Г.В. Чичерина, фонды референтур по Польше и Литве, материалы советско-германской, советско-литовской и советско-польской мирных конференций, а также фонды членов Коллегии НКВД М.М. Литвинова, А.А. Иоффе и Я.С. Ганецкого; некоторые архивные источники впервые вводятся в научный оборот.

Для советского внешнеполитического ведомства белорусский вопрос был изначально не слишком понятен. Он возникал периодически в связи с более крупными конфликтами или переговорами и требовал отдельного изучения. Поэтому существует достаточно крупный массив дел, посвященных Белоруссии. Он состоит из внушительного количества научных выкладок, докладов об этнографической ситуации в регионе, диалектах и ареале их распространения, сравнительных таблиц по переписям населения, анализа взглядов различных ученых и политических группировок на проблему границ расселения белорусов. Такие доклады составлялись наспех в 1917 г. к Брестской конференции и куда более основательно в 1920 г. для советско-

литовской конференции. Этими же материалами оперировали и на советско-польских переговорах. Кроме того, в данных фондах содержится и дипломатическая переписка с представителями РСФСР в Литве и Белоруссии, инструкции НКВД советской делегации, переписка с другими заинтересованными ведомствами, в том числе и с белорусским советским руководством. Часть из них, например, записки экспертов по национальному вопросу, белорусские материалы мирной советско-литовской конференции и др., также вводится в научный оборот впервые.

Из материалов Российского архива социально-политической истории (РГАСПИ) наиболее важные документы содержатся в фондах секретариата Председателя СНК В.И. Ленина и народного комиссара иностранных дел Г.В. Чичерина, содержащих переписку с органами власти в Белоруссии, сводки и доклады ЧК и ГПУ о политической ситуации в крае, инструкции и решения по отдельным вопросам дипломатических отношений. Также представляют интерес собранные в 1930-х гг. И.П. Товстухой речи, статьи и письма И.В. Сталина (большая их часть, но не все, вошли в собрание сочинений И.В. Сталина, вышедшее в 1940-е гг.), позволяющие проследить эволюцию его взглядов на национальные проблемы и его решения, относящиеся к данному периоду. Они также хранятся в РГАСПИ.

Фонды РГВА – Российского государственного военного архива содержат трофейные польские материалы межвоенного периода, из которых в данной работе использовались фонды II отдела польского Генштаба, в частности, сводки и доклады местных военных властей о ситуации в крае во время польской оккупации, отчеты разведки, декларации, воззвания и брошюры, которые в обилии выпускались белорусскими национальными организациями как полонофильского, так и антипольского толка. Эти материалы позволяют оценить, каким массивом данных оперировали польские власти при принятии решений, касающихся края и при оценке аналогичных

действий советской стороны, что в дальнейшем отражалось в дипломатических документах.

Достаточно много материалов, касающихся Белоруссии и Литвы, хранится в Архиве новых актов (AAN) в Варшаве. Трудность их использования заключается в том, что эти материалы не представляют собой определенной общности, но рассеяны по многим фондам. В частности, такие данные, касающиеся белорусского вопроса в том виде, как он был заявлен на Парижской конференции 1919 г., можно найти в фондах МИД Польши и личном фонде И. Падеревского (большая часть этих материалов опубликована)⁸³. В фонде МИД содержатся и стенограммы первой части польско-советских мирных переговоров 1920 г., и инструкции МИД для польской делегации, и дипломатическая переписка, касающаяся территориальных вопросов разных периодов. Кроме того, такие дипломатические документы, как переписка, отчеты, аналитические материалы, относящиеся к территориальным спорам с Россией в 1918-1919 гг., хранятся в фондах Л. Василевского и М. Сокольниковского.

В Национальном архиве Республики Беларусь основной интерес представляют два фонда – Коммунистической партии Белоруссии и фонд правительства и Рады Белорусской народной республики, т.е. «незалежнического» течения в белорусском движении. Материалы этих фондов касаются всего исследуемого периода, в частности, освещают такие вопросы, как образование Литовско-Белорусской советской республики, советско-литовские переговоры и участие в них литовского министра по белорусским делам, антисоветское движение в Белоруссии в период советско-польских переговоров.

Другую группу источников, не менее важную, составляют сборники документов. Во-первых, это дипломатические документы общего характера,

⁸³ Archiwum polityczne Ignacego Paderewskiego. T. V. 1909-1941. Warszawa, 2001.

такие, как изданные в 1950-1960-е гг. «Документы внешней политики СССР» или «Документы и материалы по советско-польским отношениям», а также дополняющее их двухтомное издание под редакцией И.И. Костюшко «Польско-советская война 1919-1920 г. Ранее не опубликованные документы». Во-вторых, издания, посвященные непосредственно белорусским вопросам⁸⁴, особенно сборник «Революционные комитеты БССР...», в который включены документы, принятые советским руководством в 1920 г., после повторного провозглашения Белорусской Советской республики.

Важные документы из белорусского фонда Государственного архива Литовской Республики опубликованы в сборнике «Архивы БНР»⁸⁵. Это архив правительства и Рады БНР, вывезенный в свое время из Белоруссии в Прагу, а потом переданный архивам БССР и ЛитССР (сейчас это фонд №582 Государственного архива Литвы и фонд №325 Национального архива Республики Беларусь). Документы, находящиеся в НАРБ, до сих пор не опубликованы. Это достаточно хаотичное собрание материалов, представляющих собой разрозненные фрагменты личных архивов лидеров белорусского движения и архивов правительства и Рады БНР. Можно выделить следующие группы документов: протоколы заседаний I Всебелорусского конгресса за 5-12 декабря 1917 г., различные материалы работы правительства БНР в 1918 – 1925 гг., частично архивы белорусских зарубежных миссий (Берлин, Рига, Париж), частично личные архивы лидеров белорусского национального движения В. Ластовского, И. Воронко, А. Луцкевича.

В 1928 г. появился интересный, с точки зрения современного историка, труд под названием «Краткий очерк истории белорусского вопроса». Это была, по сути, компиляция из отчетов II отдела польского Генерального штаба,

⁸⁴ Революционные комитеты БССР. Июль-декабрь 1920 г. Минск, 1957; Из истории установления Советской власти в Белоруссии и образования БССР: Документы и материалы по истории Белоруссии. Минск, 1954; Борьба за советскую власть в Белоруссии: сборник документов и материалов. Минск, 1971; Знешняя палітыка Беларусі: 36. Дакументаў і матэрыялаў. Т.1 (1917-1922 гг.). Мінск, 1997.

⁸⁵ Архівы БНР. Вільня, 1998.

военных и гражданских польских организаций о ситуации в Белоруссии за период до 1927 г., с кратким изложением дореволюционной истории края. Написавшие ее, по-видимому, офицеры разведки, стремились к созданию справочного издания для служебного пользования по проблемам национального и политического развития Белоруссии. Несмотря на ряд фактических ошибок, особенно в «исторической» части, этот труд ценен нелицеприятными оценками деятельности польских властей в крае и анализом событий с точки зрения реальной позиции польского руководства, без пропаганды и ложных обвинений оппонентов. Поэтому тем более любопытно выглядит оценка деятельности антипольских групп, в частности белорусских эсеров в 1919 г. Польское руководство считало их деятельность полностью инспирированной Москвой и не имеющей под собой никакой реальной поддержки населения края⁸⁶.

На данный момент известны всего пять экземпляров этого труда, два из них в библиотеке Варшавского университета, и ни одного на территории собственно Белоруссии, хотя, судя по упоминанию его в автореферате диссертации Пономаренко, должен быть еще один, в Белоруссии или Литве, поскольку в польских архивах он не работал. Опубликованный в 2009 г. перевод «Краткого очерка...» на белорусский язык⁸⁷ был выполнен с ксерокопии оригинала, принадлежавшей польскому историку проф. Шимону Рудницкому. Если для польских историков он в свое время, в начале 1990-х гг., сыграл роль важного источника о фактической стороне дела, то для белорусских и российских ученых, получивших доступ к огромному числу новых документов в рассекреченных архивных фондах, этот труд в свое время прошел стороной. Сейчас он может служить скорее восполнению пробела в опубликованных данных, не добавляя значительной фактической информации.

⁸⁶ Krótki zarys zagadnienia białoruskiego. Warszawa, 1928. S. 64.

⁸⁷ Кароткі нарыс беларускага пытаньня. Мінск, 2009.

Материалы об отношении польских оккупационных властей к белорусским националистам можно почерпнуть в подготовленных Ш. Рудницким к печати материалах сеймового суда 1927 г. над лидером Независимой крестьянской партии (NPKh) Сильвестром Воевудским⁸⁸, в 1919 г. возглавлявшим информационно-политическую секцию II отдела Генерального штаба Войска Польского в Минске и близко контактировавшим с лидерами белорусского национального движения. В материалах сеймового «суда чести», обвинившего его в том, что, будучи в 1922-1924 гг. депутатом сейма от партии ПСЛ – Вызволене, он одновременно был платным агентом контрразведки и писал для II Отдела рефераты по белорусскому движению, больше похожие на доносы. Суд очистил его от обвинения, однако материалы дела были неудобны для властей, имевших целью дискредитировать левую оппозицию, поскольку вместо этого дискредитировали своих союзников. Стенограммы заседаний суда не публиковались, до войны хранились в польских государственных архивах. Военная их судьба неизвестна; были ли они конфискованы советскими военными властями у поляков, в связи с тем, что там затрагивались белорусские сюжеты, или попали в СССР с немецкими трофейными фондами, в конце концов, проф. Ш. Рудницкий обнаружил их в 1993 г. в «трофейном» отделе РГВА в Москве и с помощью проф. Г.Ф. Матвеева получил их ксерокопию.

Следующую группу источников составляют статьи и брошюры различных политических деятелей эпохи, которые высказывались по затронутой теме. В частности, важным источником о польских планах относительно литовско-белорусских земель являются изданные в 1919 г. в Париже, для Парижской мирной конференции на разных языках брошюры о территориальном вопросе⁸⁹, разъясняющие позицию польского правительства, желавшего эти территории присоединить.

⁸⁸ Sylwester Wojewódzki przed sądem marszałkowskim. Warszawa, 1997.

⁸⁹ Lutosławski W. Lithuania and White Ruthenia. Paris, 1919; Kutrzeba St. Les droits de la Russie sur la Lithuanie et la Ruthenie-Blanche. Paris, 1919; Bronowski Sz. Państwo Polskie a kwestia białoruska. Warszawa-Lublin-Łódź-Kraków, 1919 etc.

Представители белорусского национального движения, в 1919 г. также пытавшиеся стать участниками Парижской конференции, готовили аналогичные материалы в защиту своей позиции: это брошюры А. Цвикевича и Е. Ладнова⁹⁰. Кроме того, белорусские деятели издавали многочисленные пропагандистские материалы, направленные как против польской оккупации, так и против большевистского режима в Белоруссии⁹¹.

Советские политики, в частности, Л. Троцкий, И. Сталин, А. Иоффе, разумеется, В. Ленин, писали статьи в целях пропаганды, разъяснения и оправдания своей позиции и своих действий. Они касались многих вопросов – истории мирных переговоров с Германией, национального вопроса, общих принципов внешней политики. Эти материалы многое объясняют в мотивах их действий по отношению к Белоруссии, конкретные решения по которой далеко не всегда удавались каких-либо подробных разъяснений, кроме явно пропагандистских.

Отдельную группу источников составили воспоминания участников событий: деятелей компартии Белоруссии⁹² – как из «местных», белорусских лидеров, так и руководства Западной армии, польских политических лидеров, деятелей белорусского национального движения. К этим документам следует подходить с осторожностью, т.к. изложение фактов зачастую грешит пристрастностью, тем не менее, для понимания позиции отдельных деятелей и их оценок ситуации это ценнейший материал. В некоторых же случаях такие мемуары являются одним из главных источников информации, как, например, в случае с воспоминаниями Я. Домбского⁹³, который описывает ход Рижской конференции и закулисные переговоры. Польских стенограмм и вообще материалов МИД по этим переговорам не сохранилось, и решения польского

⁹⁰ Ladnoff E. Les protocoles de Ludendorff-Stinnes-Tchitcherine. Varsovie, 1923. Цвикевіч А. Беларусь. Політычэскі очерк. Берлін, 1919.

⁹¹ См. напр.: Луцкевіч А. Польская акупацыя Беларусі. 1920; Варонко Я. Беларускі рух ад 1917 да 1920 году. Кароткі агляд. Коўна, 1920.

⁹² Кнорин В. 1917 г. в Белоруссии и на Западном фронте. Минск, 1925; А.Г. Червяков. Семь лет власти рабочих и крестьян. Минск, 1924; Жылуновіч З. Беларусь: Нарысы гісторыі, культуры і рэвалюцыйнага руху. Минск, 1924.

⁹³ Dąbski J. Pokój ryski. Wspomnienia, pertraktacje, tajne układy z Joffem, listy. Warszawa, 1931.

руководства можно восстановить только по воспоминаниям. А Домбский, располагавший стенограммами, часто прямо цитирует их. Конечно, и это он оговаривает в предисловии, он не мог раскрыть всех обстоятельств. Дополняют его воспоминания небольшие интервью, которые давали в конце 1930-х гг А. Ладось⁹⁴, секретарь польской делегации в Риге, и Ст. Грабский⁹⁵, депутат сейма, который оказал решающее влияние на территориальные решения польской делегации. Их оценки во многом зависят от их политических симпатий и собственного положения в момент написания этих интервью. Особенно это заметно в беседе с Грабским. Интересны также воспоминания М. Обезерского, присутствовавшего на Рижской мирной конференции в качестве представителя Национальных польских рад белорусских земель и Инфлянт⁹⁶, и польского премьер-министра в 1920-1921 гг. В. Витоса⁹⁷.

Ценную информацию о мотивах и целях польского руководства содержат записки, дневники и статьи аналитического характера Ст. Грабского, Р. Дмовского и Л. Василевского⁹⁸, оказывавших в изучаемый период значительное влияние на внешнюю политику Польши.

В публикациях исторического, публицистического, мемуарного характера, принадлежащих перу деятелей т.н. белорусского Возрождения А. Луцкевича, И. Воронко, А. Цвикевича⁹⁹ и др., внимание уделяется, прежде всего, истории национального движения. Многочисленные фактические данные и документальные материалы, имеющиеся в них, освещают

⁹⁴ Pruszyński M. Jak straciliśmy Mińsk i federację z Białą Rusią. (Rozmowa z b. Min. Pełnom. Aleksandrem Ładosiem, b. Sekretarzem Generalnym Delegacji Polskiej na konferencji w Rydze). // *Zeszyty historyczne*, No. 36, Paryż 1976.

⁹⁵ Pruszyński M. Rozmowa historyczna ze St. Grabskim (listopad-grudzień 1935). // *Zeszyty historyczne*, No. 36, Paryż 1976.

⁹⁶ Obieziński M. Wspomnienia z polsko-rosyjskiej konferencji pokojowej ryskiej dla ułożenia preliminarjów pokojowych (wrzesień-paźdz. 1920 r). Warszawa, 1938.

⁹⁷ Witos W. *Moje wspomnienia*. T. II. Paryż, 1964.

⁹⁸ Dmowski R. *Wybór pism*. Warszawa, 1990; Grabski St. *Pamiętniki*. T.2. Warszawa, 1989; Wasilewski L. *Litwa i Białoruś. Zarys historyczno-polityczny stosunków narodowościowych*. Warszawa-Kraków, 1925; Wasilewski L. *Drogi porozumienia. Wybór pism*. Kraków, 2001.

⁹⁹ Луцкевіч А. За дваццаць пяць гадоў. Вільня, 1928; Цвикевич А. Краткий очерк возникновения Белорусской Народной республики. Киев, 1918; Варонко Я. Беларускі рух ад 1917 да 1920 году. Кароткі агляд. Коўна, 1920.

преимущественно динамику внутренних процессов, деятельность белорусских партий, организаций и отдельных лидеров, однако они не всегда дают представление о реальном размахе, значении и результатах этой деятельности, действительном месте белорусского движения среди др. общественно-политических сил, его подлинном влиянии на события. Отношение органов власти и небелорусских политических партий к белорусскому вопросу, а также внешнеполитические и военно-стратегические факторы решения проблемы нашли в публикациях «незалежников» лишь частичное отражение.

В большинстве своем эти воспоминания создавались вскоре после описываемых в них событий, поэтому сохраняют полемичность и – в некоторых случаях – использовались в пропагандистских целях. Тем не менее, отраженный в них фактический материал бывает ценен своей уникальностью, раскрывает внутренние противоречия и показывает подводные камни политики этих деятелей и их оппонентов.

По нашему мнению, использованные в работе корпус источников, а также привлеченная литература предмета позволяют в полной мере решить поставленные исследовательские задачи и достичь цели работы.

Научная новизна работы заключается, учитывая современное состояние историографии вопроса, в особенности российской, в освещении недостаточно изученного аспекта международных отношений. Белорусский вопрос традиционно находится в тени куда более детально освещаемых украинской и литовской проблематики в советско-польских отношениях, между тем как белорусская тематика оказывается не менее значимой, хотя зачастую не обсуждалась открыто.

Положения, выносимые на защиту: 1. Политика Германии на оккупированных белорусских территориях была производной от ее отношений с польскими и литовскими политическими силами и не руководствовалась целью создать суверенное Белорусское государство.

Поэтому провозглашенная в марте 1918 г. Белорусская народная республика не получила даже тех ограниченных полномочий, которые были предоставлены немцами Польскому королевству и литовской Тарибе.

2. Возникновение польско-советского вооруженного конфликта на белорусских землях было предопределено взаимоисключающими стратегическими планами руководителей советской России и возрожденной Польши.

3. Польские территориальные претензии в белорусском регионе были обусловлены стремлением Варшавы либо обеспечить вхождение в состав Польского государства литовских территорий с Вильно как части I Речи Посполитой, либо установить тесные союзнические отношения с независимой Литвой. В связи с этим западнобелорусские земли рассматривались как часть бывшего Великого княжества Литовского и включались в область польских жизненных интересов. Кратковременный интерес к проекту создания «белорусского Пьемонта» на этих территориях был частью дипломатической игры в отношениях с Литвой, советской Россией и Западом.

4. Первая советская Белорусская республика была провозглашена в рамках т.н. «политики буферизма» Москвы, предусматривавшей создание вокруг РСФСР пояса формально самостоятельных советских государств окраинных народов для затруднения вмешательства держав Антанты в гражданскую войну и рассматривалась большевистским руководством только как инструмент этой политики. Восстановление же БССР в 1920 г. было отчасти ответом Кремля на польский федерализм, отчасти компонентом возрожденного по решению пленума ЦК РКП(б) от 16 июля 1920 г. плана советизации Польши.

6. Роль собственно белорусских национальных сил различных политических направлений в образовании всех трех форм белорусской государственности, хотя они и приложили определенные усилия для этого, так и не стала самостоятельной.

Практическая ценность. Материалы и выводы данного исследования могут быть использованы в дальнейшей разработке белорусских сюжетов. Также полезны они будут и для освещения некоторых аспектов государственного и национального строительства СССР, а также советской внешней политики 1917 – начала 1920-х гг.

Апробация работы. Рукопись диссертации обсуждена и рекомендована к защите на заседании кафедры истории южных и западных славян Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова. По теме диссертации было опубликовано семь статей, из них четыре в изданиях, входящих в Перечень ведущих периодических изданий ВАК:

- 1. Короткова Д.А. Белорусский аспект в деятельности советской дипломатии в 1920 году // Славяноведение. 2012. №3. С.51-64.**
- 2. Короткова Д.А. «Из всей этой пантомимы ничего путного не получится...» // Родина. 2012. №3. С.100-104.**
- 3. Короткова Д.А, Павлова М.С. Рец. на кн.: Борисёнок Ю.А. На крутых поворотах белорусской истории: Общество и государство между Польшей и Россией в первой половине XX века. М.: ООО «Родина МЕДИА», 2013 // Новая и новейшая история. 2014. № 4. С. 197-200.**
- 4. Короткова Д.А. За автономию, но в составе Польши. Польские организации Белоруссии на Рижской мирной конференции 1920 года // Родина. 2015. № 1. С. 68-69.**
5. Короткова Д.А. Белорусский вопрос на советско-литовских переговорах 1920 года // Историки-слависты МГУ. Кн.8. Славянский мир: в поисках идентичности. В ознаменование 70-летия кафедры и 175-летия учреждения славистических кафедр в университетах Российской империи. М., 2011. С.504-512.

6. Короткова Д.А. Белорусский вопрос на советско-польских прелиминарных переговорах в Риге // Историки-слависты МГУ. Кн.9. Исследования и материалы, посвященные 75-летию со дня рождения В.А. Тесемникова. М., 2013. С. 173-189.
7. Советская социалистическая республика Белоруссия и Литовско-Белорусская республика в советской внешней политике в 1919 г. // Studia Podlaskie. T. XXI. Białystok, 2013. S. 229-258.

Структура работы соответствует заявленным задачам исследования. Диссертация состоит из введения, трех глав, заключения, списка использованных источников и литературы и двух приложений (карт и биографической справки).

Глава I. ПРИОБРЕТЕНИЕ БЕЛОРУССКИМ ВОПРОСОМ МЕЖДУНАРОДНОГО ХАРАКТЕРА (1914-1918)

I.1. Белорусское движение от зарождения до 1914 г. Идеологическая и политическая борьба в крае

В первые десятилетия XIX в. польское культурное влияние в белорусских землях, несмотря на присоединение их к Российской империи, только усилилось. Благодаря политике Александра I в сфере образования, деятельности Виленского университета, шла полонизация не только местной шляхты, но и городских слоев. Ликвидация Брестской церковной унии в 1839 г. должна была, стирая юридические и конфессиональные границы между русскими и белорусами, привести к обрусению края, однако отсутствие русских школ для крестьянства препятствовало этому. Формировалась, по словам белорусского исследователя В. Носевича, «двухуровневая национальная идентичность». Католическая шляхетская среда продолжала формировать польских патриотов, на региональном уровне считавших себя литвинами. Они с симпатией отзывались о белорусских крестьянах, не отождествляя себя с ними. В этой линии можно особо выделить В. Дунина-Марцинкевича (1808–1884), Я. Борщевского (1790-1851), В. Сырокомлю (1823–1862) и В. К. Калиновского (1838-1864). Для интеллигенции из числа православных идентичность на региональном уровне была, как правило, белорусской, а на национальном – великорусской. Таковы были, например, взгляды этнографа-любителя, выходца из семьи священника П. Шпилевского (1823–1861)¹⁰⁰, предложившего кириллический вариант белорусского

¹⁰⁰ Носевич В.Л. Истоки белорусской идентичности (2010) <http://vln.by/node/259>

алфавита (латиница ведет свое начало от католического иерарха Ст. Богуша-Сестренцевича и его племянника, уже упомянутого литератора В. Дунина-Марцинкевича)¹⁰¹.

Две эти традиции, объективно существовавшие в местном обществе, а также борьба России с польским влиянием на белорусских землях породили соперничавшие течения в идейно-политической мысли XIX и начала XX века - «краевость» и «западнорусизм». Оба они обращались к исторической традиции, восходящей к государственности Речи Посполитой (краевость) либо Киевской Руси (западнорусизм). Идеология краевости пользовалась поддержкой среди местной польскоязычной шляхты, акцентируя внимание не на языке и происхождении, а на общем прошлом Польши и Литвы и принадлежности к польской «политической нации» (варианты *gente Lithuanus* (или *Ruthenus*), *natione Polonus*). Название «Литва» употреблялось в историческом смысле, обозначая все литовские и белорусские земли. К коренным народам края краевцы относили белорусов, литовцев и поляков, иногда евреев. Русские рассматривались как чуждый элемент, завоеватели¹⁰². Появление названия «Литва» было обусловлено пестротой национального состава белорусско-литовских губерний, с одной стороны, и экономической и политической их однородностью, с другой. Краевцы считали, что объединение нерусских народностей в борьбе с российским империализмом и автономия края обеспечат интересы всех его обитателей, независимо от национальности.

Несмотря на то, что большинство местных поляков со временем все более склонялись к идее возрождения Польши уже в форме унитарного государства, краевая идеология с ее подчеркнутым регионализмом и апелляцией к ВКЛ была достаточно влиятельна еще и в начале XX века. Такие представители виленского культурного общества, как Михал Ромер, Роман Скирмунт и другие, полагали, что следует не защищать узкие интересы

¹⁰¹ Борисенок Ю.А. На крутых поворотах ... С. 81.

¹⁰² Гісторыя беларускай дзяржаўнасці у канцы XVIII – пачатку XXI ст. Кн.1. Мінск, 2011. С. 228.

каждой из этнических групп региона, а стремиться к объединению их в одну политическую нацию, что позволит отстаивать перед российским правительством общие для всех интересы края.

Западноруссизм подчеркивал единство происхождения великороссов, белорусов и малороссов (украинцев), общность веры и языковую близость, из чего выводил необходимость и государственного единства. Это было вполне в духе официальной доктрины, тем не менее, наиболее известный и авторитетный представитель западноруссизма М.О. Коялович призывал уважать местные особенности и не пытаться, по выражению И.С. Аксакова, из белорусского крестьянина «вылепить великорусского мужика»¹⁰³. Исследователи прослеживают и связи идеологии западноруссизма со славянофильством, чьи идеи (о единстве славянских народов, преимуществе православия перед католичеством и представление о России как о лидере славянских стран и барьере перед революцией) легли в основу западноруссизма¹⁰⁴. Практическим итогом деятельности его приверженцев, по мнению российского историка Ю.А. Борисенка, стали «объективные и информативные исследования народной культуры», послужившие основой для создания впоследствии этнографических карт. Идея двуязычной школы для белорусских детей, в которой начальные знания давались бы на понятном им наречии, а более сложные – по-русски, стала и основой школьной политики уже в советское время; но эти же идеи белорусского регионализма, его особенности по отношению к родственному русскому народу и оборона от польского ассимилирующего влияния послужили и базой для политического белорусского движения в начале XX века¹⁰⁵.

Идея самостоятельной белорусской государственности впервые прозвучала из уст народников. В 1881 г. студенты-выходцы из белорусских

¹⁰³ Борисенок Ю.А. На крутых поворотах ... С. 48.

¹⁰⁴ Гісторыя беларускай дзяржаўнасці ... С. 228.

¹⁰⁵ Борисенок Ю.А. На крутых поворотах ... С. 48.

губерний в Петербургском университете организовали землячество. На его основе была создана народническая группа «Гомон». В 1884 г. ее участники выпустила два номера нелегального журнала под тем же названием. В нем гомоновцы, среди лидеров которых были А. Марченко (1860 – после 1889), едва ли не первый белорусский крестьянин, сумевший поступить в университет, Х. Ратнер, М. Овчинников и др. излагали свою программу. Они считали необходимым объединить все народовольческие кружки в Белоруссии в одну Белорусскую социально-революционную партию, которая стала бы составной частью всероссийской «Народной воли» и возглавила бы борьбу белорусского народа за социальное и национальное освобождение от гнета царизма. Добиться его они собирались в союзе с трудовым народом всей России, путем свержения самодержавия и ликвидации остатков крепостного права¹⁰⁶. В 1884 г. на страницах журнала «Гомон» они заявили: «Мы – белорусы и должны бороться за местные интересы белорусского народа и федеративную автономию страны»¹⁰⁷.

Легальными средствами пыталась пробудить национальное самосознание группа либеральной интеллигенции (М. Довнар-Запольский, В. Завитневич, А. Слупский, Я. Неслуховский и др.), сложившаяся в 1880-е гг. вокруг газеты "Минский листок". М. Довнар-Запольский (1867–1934), выходец из мелкой неполяченной шляхты, сын провинциального жандармского чиновника, в XX в. стал основоположником национальной белорусской историографии и горячим сторонником создания белорусского государства. Уже в первых его очерках «Белорусское прошлое», опубликованных в 1888 г. в «Минском листке», исторический опыт полонизации и русификации белорусов оценивается равно негативно¹⁰⁸.

Для формирования белорусской национальной идеи важное значение имела книга Ф. Богушевича (под псевдонимом М. Бурачок) «Дудка

¹⁰⁶ Гісторыя беларускай дзяржаўнасці ... С. 238.

¹⁰⁷ Носевіч В.Л. Истоки белорусской идентичности (2010) <http://vln.by/node/259>

¹⁰⁸ Довнар-Запольский М. Исследования и статьи. Т. 1, Киев 1909. С. 333–335.

беларуская», изданная в 1891 г. в Кракове на белорусском языке. В предисловии автор призвал беречь и развивать белорусский язык, «наша мова для нас святая, бо яна нам Богам даная»¹⁰⁹. В. Носевич отмечает, что эта книга, даже вопреки изначальным намерениям самого автора, оказала значительно большее влияние на национальное самосознание белорусов, чем революционные призывы «Гомона», который остался широким кругам в свое время практически неизвестен¹¹⁰. Все, что относится к исполняемой им социальной роли, в целом укладывается в схему двухуровневой литвинско-польской идентичности: шляхтич-католик по происхождению, участник восстания 1863 г., польскоязычный литератор и активный корреспондент журнала «Край», активист сбора средств на памятник А. Мицкевичу в Вильно и организации нелегальных польских школ, воспитавший собственных детей убежденными поляками. Позднее сын Богушевича отказался передать отцовский архив деятелям белорусского национального движения именно по идейным соображениям – будучи, по оценке А. Цвикевича, «зоологическим польским шовинистом»¹¹¹.

Огромное значение для развития белорусского движения имел фундаментальный труд Е.Ф. Карского, работа над которым продолжалась почти двадцать лет¹¹², и составленная им «Этнографическая карта белорусского племени». Как пишет Ю.А. Борисенок, «белорусскую нацию и язык в самом начале XX века спасли 500 рублей, выделенные князем Петром Дмитриевичем Святополк-Мирским, будущим министром внутренних дел, а в ту пору виленским, ковенским и гродненским генерал-губернатором. Именно на эти деньги известный филолог и этнограф, 42-летний профессор

¹⁰⁹ Гісторыя беларускай дзяржаўнасці ... С. 236.

¹¹⁰ Носевич В.Л. Истоки белорусской идентичности (2010) <http://vln.by/node/259>

¹¹¹ Цвикевич А. Западно-руссизм. С.190.

¹¹² Карский Е.Ф. Белорусы. Т. I. Введение в изучение языка и народной словесности. Варшава, 1903. Третья, завершающая часть третьего тома вышла в свет в 1922 г. - Карский Е.Ф. Белорусы. Т. III. Очерки словесности белорусского племени. 3. Художественная литература на народном наречии. Петроград, 1922.

Варшавского университета Евфимий Фёдорович Карский объехал в 1903-м белорусские земли, поставив себе крайне сложную задачу: «Определение этнографической границы белорусской народности и языка с соседними великорусскими и малоросскими племенами и наречиями, а также с народностями польской, литовской и латышской»¹¹³. Его «Этнографическая карта...» стала серьёзным аргументом против многочисленных скептиков, отрицавших само существование белорусов и их языка. К ней апеллировали в дальнейшем белорусские политики для обоснования своих территориальных претензий. Интересно, что при этом сам Е.Ф. Карский скорее склонялся к идеологии западноруссизма.

С начала XX в. начался процесс политического оформления белорусского движения и национальной агитации, хотя его идеи по-прежнему оставались достоянием узкого круга интеллигенции и не охватывали сколько-нибудь широкого круга сторонников. В 1902 г. в Петербурге Б. Эпимах-Шипило создал «Кружок белорусского народного просвещения и культуры», в 1906 г. выходят газеты «Наша доля» и «Наша нива». В 1902 г. в Вильно по инициативе Вацлава Ивановского возникла Белорусская революционная партия. Название ее было скорее данью моде: никакого переворота партия не планировала, а пропагандировала т.н. органический труд, просвещение белорусов на родном языке, расширение знаний о прошлом Белоруссии. В 1903 г. братья Антон и Иван Луцкевичи, соучредители БРП, создают собственную организацию – Белорусскую рабочую громаду (БРГ), а Вацлав Ивановский организовал кружки белорусского народного просвещения (Кола беларускай народнай прасьветы) и начал систематическое издание литературы на белорусском языке.

Первый съезд БРГ состоялся в Вильно в январе 1903 г. На нем была принята программа партии, близкая программе партии социалистов-революционеров. Национальная программа Белорусской рабочей громады

¹¹³ Борисенко Ю.А. На крутых поворотах ... С. 91.

была незыблемой – свобода для всех народов России без уточнения ее форм. Не было даже требования автономии Белоруссии в составе России.

Под влиянием растущей популярности социалистов в России, БРГ в конце 1904 г. сменила название на Белорусская социалистическая громада (БСГ). В период революции 1905-1907 гг. партия вела пропаганду в основном в деревнях. В городах доминировали российские, еврейские и польские социалистические партии и организации. В 1905 г. БСГ выдвинула идею автономии Белоруссии в составе демократической Российской федерации. Каждый народ в составе федерации, по мысли лидеров БСГ, должен был иметь свой сейм, право избирать местных чиновников, говорить и писать на родном языке¹¹⁴. В январе 1906 г. 2-й съезд БСГ поручил руководство партией В. Ивановскому, Александру Бурбису и братьям Луцкевичам. Новая программа партии провозглашала борьбу за превращение России в демократическую федеративную республику и автономию Белоруссии с сеймом в Вильно.

Выборы в Государственную думу в 1907 г. ярко продемонстрировали степень популярности политических группировок, действовавших на территории Белоруссии. 80,5 % голосов получили общероссийские партии и пророссийские (западнорусские) организации, которые апеллировали к единству всех православных подданных Российской империи. Блок же социалистических партий, состоявший из БСГ, ППС, Бунда и РСДРП, не завоевал здесь ни одного мандата.

Поражение на выборах заставило лидеров БСГ прекратить политическую деятельность и сосредоточиться на «органической» работе. О. Латышонок считает, что руководители партии, происходившие из шляхетской и чиновничьей среды, не сумели найти подход к своему потенциальному избирателю – крестьянству. Оно оставалось под влиянием официальной пропаганды, которая действовала через многие институты – школу, армию, административные органы власти и западнорусские общественные

¹¹⁴ Латышонок А., Мірановіч Я. Гісторыя Беларусі ад сярэдзіны XVIII ст. да пачатку XXI ст. Вільня, Беласток, 2010. С. 124.

организации, а также православной церкви. Белорусский историк А.Ф. Смоленчук объясняет их провал жестким давлением со стороны российских властей, которые были обеспокоены растущим польским влиянием на местное население и считали белорусское движение «польской интригой», призваной лишить белорусское крестьянство его истинного – русского самосознания. Поэтому на выборах белорусское население было отнесено к русской курии, а белорусские кандидаты вычеркивались из списков. Победы русских правых партий на выборах в Белоруссии были обусловлены именно «административным ресурсом» властей, а не действительными симпатиями населения, которое было скорее просто равнодушно к политике, поскольку понимало, что не может оказать на нее реального влияния¹¹⁵.

Активность немногочисленной белорусской интеллигенции была, тем не менее, достаточно заметной, чтобы вызвать протест со стороны российских националистических группировок. Издававшиеся в Минске и Вильно русские газеты «Белорусский вестник», «Минское слово», западнорусская «Белорусская жизнь» (с 1911 г. «Северо-Западная жизнь») вели постоянную идеологическую борьбу с «Нашей нивой» - основным органом белорусской интеллигенции. Издатели «Северо-Западной жизни», правда, не ставили под сомнение существования белорусского народа, но считали его литературным языком русский. Печатание книг и журналов на белорусском языке они называли польско-католической интригой¹¹⁶.

Не получала БСГ и однозначной поддержки со стороны своих союзников по блоку на выборах. Социал-демократические группировки, то примыкавшие, то выходявшие из состава РСДРП, придерживались порой противоречивых взглядов на национальный вопрос в России вообще и положение Белоруссии и права белорусов в частности. Бунд, наиболее многочисленная и влиятельная среди рабочих партий края организация, к

¹¹⁵ Смалянчук А.Ф. Паміж краевасцю і нацыянальнай ідэяй. Польскі рух на беларускіх і літоўскіх землях 1864-1917. Гродна, 2001. С. 196-197.

¹¹⁶ Там жа. С. 203.

началу Первой мировой войны пришел к принципу национально-культурной автономии вне областных рамок и равного развития всех наций России, прежде всего, имея в виду интересы еврейского рабочего класса. Меншевики в принципе поддерживали эту позицию. Возможность краевой автономии для Белоруссии и Литвы ими не рассматривалась¹¹⁷. Большевистская фракция решительно возражала против деления партии по национальному признаку, видя в нем опасность раскола. Отрицая федерацию как принцип государственного устройства, она в то же время провозглашала право наций на самоопределение вплоть до отделения, имея в виду, прежде всего, Польшу и Финляндию. Белорусские национальные идеи не казались большевикам достаточно актуальными, чтобы отдельно заниматься этим вопросом. Характерно, что, когда большевистские ячейки в Белоруссии стали достаточно многочисленны, чтобы образовать районное объединение (весной 1904 г.), оно было названо в соответствии с полуофициальным административным наименованием края – Северо-западный комитет¹¹⁸.

Не была благосклонной и позиция польской интеллигенции. «Курьер Виленский», «Пшеглэнд Виленский» и другие польские издания неоднократно утверждали, что «Наша нива» и книги на белорусском языке издаются за государственный счет, а главной целью всей этой деятельности является русификация народа, симпатизирующего польской культуре. В польскоязычной виленской прессе белорусский язык зачастую оценивали, как грубую, простонародную речь, а ее распространение – как способ оттолкнуть массы простого народа от польского влияния. Католиков-белорусов польские публицисты, как правило, причисляли к полякам. Одновременно они выражали опасение, что развитие белорусского движения может создать угрозу для польского землевладения в Белоруссии¹¹⁹. Большинство лидеров виленских поляков даже и краевую идеологию считали всего лишь средством

¹¹⁷ Недасек Н. Большевизм в революционном движении Белоруссии. Мюнхен, 1956. С.74-75.

¹¹⁸ Там же.С.103.

¹¹⁹ Смалянчук А.Ф. Паміж краевасцю і нацыянальнай ідэяй... С. 204.

распространения польского влияния и ассимиляции непольского населения. Особенно сильно эти стремления проявлялись в отношении католиков – литовцев и белорусов. Характерным было нежелание польских католических священников вводить в богослужение белорусский язык, что было дозволено властями и Ватиканом. Объяснялось это тем, что сами прихожане были враждебно настроены к белорусскому языку и восприняли бы такую мессу как попытку русификации¹²⁰.

Политику российских властей в период с 1905 г. до начала первой мировой войны современные белорусские историки характеризуют как непоследовательную и часто бессистемную. Сделать выбор между польской шляхтой и белорусским крестьянством российское самодержавие так и не смогло до самого краха империи. Попытки модернизации страны и создания державы, основанной на национальном единстве, противоречили самой сути имперской власти, опиравшейся в первую очередь на полиэтничную дворянскую элиту¹²¹.

I.2. Белоруссия в Первой мировой войне (август 1914-февраль 1917)

Мировая война коренным образом изменила ситуацию в крае. На повестку дня вышел польский вопрос. В начале Первой мировой войны как для российского, так и для германского командования Польша стала важной оперативной базой для ведения боевых действий. Для создания трудностей российскому военному командованию и привлечения на свою сторону симпатий населения Царства Польского, 9 августа 1914 г. командование германской и австро-венгерской армий на Востоке обратились с воззванием к полякам Царства Польского. В нем оно обещало освободить их от азиатской власти России – но не касалось судьбы других частей Польши. Обращение было выдержано в духе концепции Ю. Пилсудского, рассчитывавшего на

¹²⁰ Wasilewski L. Litwa i Białoruś: Przeszłość. – Teraźniejszość. - Tendencje rozwojowe. Krakow, 1912. S. 16.

¹²¹ Гісторыя беларускай дзяржаўнасці ... С. 195.

национально-освободительное восстание в Царстве Польском в случае военного конфликта разделивших Польшу держав.

1(14) августа 1914 г. появилось воззвание русского главнокомандующего вел. кн. Николая Николаевича. Он обещал объединить под властью российского императора все части разделенной Польши, дав ей самоуправление, свободу вероисповедания и языка. Границы этой автономной Польши не оговаривались, однако слова «одного ждет от вас Россия: такого же уважения к правам тех национальностей, с которыми связала вас история» - могло, по мнению российских исследователей, означать, что украинские и белорусские земли не должны были войти в ее состав¹²².

Официальная Россия не торопилась конкретизировать свою позицию по польскому вопросу, поскольку ситуация в Царстве Польском была для империи вполне благоприятна, пропаганда Пилсудского не находила живого отклика у его населения, а уже в августе-сентябре 1915 г. российские войска были вынуждены отступить из Польши. Ситуация с польским вопросом потребовала реакции России лишь в 1916 г. 5 ноября генерал-губернаторы германской и австро-венгерской оккупационных зон огласили совместный манифест о создании на территории Царства Польского королевства в форме наследственной конституционной монархии, связанной с Центральными державами.

Россия, хотя и осудила этот шаг, была вынуждена выступить с ответным заявлением. 12 (25) декабря 1916 г. Николай II, возложивший к тому времени обязанности главнокомандующего российской армии на себя, издал приказ по армии и флоту, в котором сформулировал цели войны для России. Полякам в нем он обещал объединение всех их этнических земель под властью Романовых, широкую автономию, аналогичную дарованной Александром I в

¹²² См., напр.: Матвеев Г.Ф. Начало... // Белые пятна-черные пятна. Сложные вопросы в российско-польских отношениях. М., 2010. С. 16-17.

1815 г., т.е. собственный сейм, местное самоуправление, даже армию. Позиция России была одобрена державами Антанты и США¹²³.

Таким образом, российская позиция по польскому вопросу в первый период войны предусматривала объединение всех этнически польских территорий в одном государстве, связанном с Россией военным союзом. Земли с непольским населением, некогда бывшие частью Речи Посполитой, предполагалось оставить в составе России. Что касается Белоруссии, то даже весьма умеренные в то время автономистские планы белорусских политиков российское руководство было склонно считать польской интригой.

Осенью 1915 г., в результате масштабного отступления русской армии, территория Белоруссии была разделена линией фронта на две части. Гродненскую, большую часть Виленской (вместе с Вильно) и небольшую часть Минской губернии оккупировали немецкие войска. Восточная же часть нынешней Белоруссии стала базой для полуторамиллионной группировки российских войск. Оккупационные власти, по свидетельству Э. Людендорфа, столкнулись с непростой ситуацией. В результате политики «выжженной земли», примененной российским военным командованием при отступлении, и масштабной эвакуации населения, литовско-белорусские земли были разорены. Местные жители, в основном православные, частью добровольно ушли с отступавшей русской армией, а частью были эвакуированы принудительно. Местами люди прятались в лесах и постепенно возвращались домой¹²⁴. Русские правительственные чиновники и судьи, все представители администрации и интеллигенции покинули край, и лишь оставшееся на месте духовенство, главным образом католическое, обладало авторитетом.

Немецкая политика в занятом регионе была нацелена, во-первых, на поддержку антироссийских группировок, а во-вторых, на усиление там роли германского элемента. Поскольку Берлин проводил на оккупированных территориях Северо-Западного края политику нещадной эксплуатации

¹²³ Матвеев Г.Ф. Там же. С. 20.

¹²⁴ Людендорф Э. Мои воспоминания о войне 1914-1918 гг. Москва-Минск, 2005. С.184.

местных экономических ресурсов и первоначально не собирался брать на себя каких-либо политических обязательств в отношении какой-то национальной группы населения, то местная администрация формировалась главным образом из русских немцев, выходцев из Курляндии¹²⁵. Кроме того, немецкие власти сформулировали своего рода культурную программу «поворота на Запад», в рамках которой планировалось, изолируя белорусские, украинские, литовские и латвийские земли от российского влияния, пропагандировать немецкий образ жизни и любовь к Германии. Чтобы остановить русификацию местного населения, еще в 1915 г. немецкие власти запретили преподавание в школах на русском языке. Как отмечает белорусский историк В.Ляховский, данная мера была явно дискриминационной и шла вразрез с декларируемой политикой равенства всех национальностей, поскольку в оккупированной зоне все же небольшое число русских осталось¹²⁶.

На рубеже 1915-1916 гг. оккупированная область была разделена на следующие административные округа: Курляндия, Литва, Сувалки, Вильно, Ковно, Белосток. В дальнейшем были произведены некоторые изменения. В начале 1916 г. Вильно и Сувалки были объединены в один административный Виленский округ, затем появился единый генеральный округ Белосток-Гродно. В июле 1916 г. последовало объединение округов Вильно и Литвы в Литовский административный округ¹²⁷. Осенью 1917 г. Гродненский округ был слит с Литвой.

Немецкие власти в начале 1916 г. объявили равноправными на оккупированных территориях четыре языка – белорусский, литовский, польский и еврейский. Этот акт фельдмаршала Гинденбурга пробудил у белорусских национальных деятелей надежды на возможность национального самоопределения и культурного (прежде всего) развития при поддержке немцев.

¹²⁵ Людендорф Э. Мои воспоминания о войне ... С.168, 188.

¹²⁶ Ляхоўскі У. Школьна адукацыя ў Беларусі падчас нямецкай акупацыі (1915-1918). Беласток-Вільня, 2010. С. 77.

¹²⁷ Людендорф Э. Указ. соч. С.189.

Очень скоро немецкие власти, первоначально объявившие Вильно «жемчужиной польской короны» и собиравшиеся разыграть польскую карту в противовес России¹²⁸, начали воспринимать поляков в качестве конкурентов своему влиянию. Начальник штаба восточного фронта генерал Э. Людендорф писал в своих воспоминаниях, что, переехав в Ковно, «типично русский город», он «решил вновь приступить к той культурной работе в занятой области, которую германцы вели в течение многих столетий. Разнонациональное население не могло бы создать своей культуры и, будучи предоставлено самому себе, ополячилось бы»¹²⁹.

Литовцы, не добившись от немцев немедленного удовлетворения своих политических требований, неохотно шли на сотрудничество, но и не отказывались от него. Поляки заняли недоброжелательную позицию, видя, что немцы, не желая усиления их влияния в крае, ориентируются скорее на взаимодействие с литовцами¹³⁰. Евреи остались нейтральны, но не создавали оккупационным властям каких-либо проблем.

Что же касается белорусов, то, по свидетельству немецкого генерала, с ними «считаться не приходилось, так как поляки их национально обезличили, ничего не дав им взамен. Осенью 1915 г. я захотел получить представление о белорусах. Сначала их буквально нигде нельзя было найти. Лишь позднее обнаружилось, что это весьма распространенное, но крайне ополяченное племя, стоящее на столь низкой ступени культуры, что помочь им можно было лишь продолжительным воздействием»¹³¹.

Тем не менее, установление немецкого оккупационного режима сыграло немаловажную роль в политизации белорусского национального движения. Не видя в белорусах сколько-нибудь реальной силы, немцы не чинили никаких препятствий деятельности белорусских организаций, особенно культурно-просветительских.

¹²⁸ Гісторыя беларускай дзяржаўнасці... С. 305.

¹²⁹ Людендорф Э. Мои воспоминания о войне ... С.176.

¹³⁰ Там же. С.203.

¹³¹ Там же. С.185.

И в самом деле, «при благосклонном внимании» оккупантов начала развиваться сеть белорусских начальных школ, открылся ряд издательств, выпускалась на белорусском языке газета «Гоман». В Вильне работали Белорусский комитет помощи пострадавшим от войны, приобретший в итоге значение национального представительства белорусов перед оккупационной властью, Белорусский клуб, Научное товарищество («Навуковае таварыства»), Белорусский союз учителей (Беларускі вучыцельскі саюз), наконец, Центральный союз белорусских национальных общественных организаций (Центральны саюз беларускіх нацыянальных грамадзкіх арганізацый)¹³².

Реакция российской прессы, как и официальных кругов, на эту деятельность белорусских политиков была резко негативной. В нейтралитет Германии в оккупированных областях в национальном вопросе, особенно белорусском, поверить было трудно, поскольку именно белорусский сепаратизм подрывал один из основополагающих принципов русской идеи – единство великорусской, малорусской и белорусской ветвей русского народа. Так, газета «Новое время» писала: «В занятых немецкими войсками западно-русских областях германцы... стараются всеми силами привить русскому населению стремление к культурно-национальному сепаратизму. Они... не признают русского народа, как единого национального организма, и стремятся к тому, чтобы Россия из государства национального, русского, превратилась в государство национальностей, чтобы она, одним словом, сделалась тем, что называется «лоскутной империей». Это стремление является краеугольным камнем австро-германской политики в занятых русских областях... Заняв часть коренной русской территории, населенной малорусскими и белорусскими племенами, они начинают заводить там особые «белорусские» школы и всеми средствами поддерживают сепаратистические стремления кучки чужеродных интеллигентов, приверженцев белорусского сепаратизма». Автор статьи, писавший под псевдонимом «Б-къ», призывал российскую

¹³² Турук Ф. Белорусское движение. Очерк истории национального и революционного движения белорусов. Минск, 1994. С.28.

либеральную интеллигенцию понять, что «всякое маниловское благодушие и всякая поддержка «белорусских» и «украинских» сепаратизмов является только работой в пользу нашего врага, работой *pour les rois de Prusse et de l'Autriche*»¹³³. Деятельность издателей «Гомана», как и ранее «Нашей нивы», объяснялась желанием навредить русскому делу и объявлялась инспирированной германским командованием¹³⁴.

Практически сразу после вступления оккупационных войск в Вильно белорусские политические и общественные организации образовали координационный орган – Белорусский народный комитет (БНК). В него входили представители Виленского комитета Белорусской социалистической громады, Белорусского товарищества помощи пострадавшим от войны, редакции католического еженедельника «Беларус», и др. Возглавил БНК А. Луцкевич.

Деятели Белорусского национального комитета, осознавая недостаточность собственного политического веса, в 1915 г. совместно с польскими, литовскими и еврейскими демократическими организациями, действовавшими на оккупированной территории, выступили с постулатом «полной государственной независимости Белорусско-Литовского края». Они предлагали создать Литовско-Белорусское государство (Великое княжество Литовское) с сеймом в Вильно, избранным на основе всеобщего, равного, прямого и тайного голосования¹³⁵. Восстановление ВКЛ предполагалось в пределах оккупированных немцами земель, таким образом, восточная часть Белоруссии оставалась бы за пределами этого государства. По словам А. Луцкевича, в то время отсутствовала фактическая возможность «для малой части сознательных белорусов в пределах оккупации думать о своей особой государственной работе для Белоруссии и со всей Белоруссией»¹³⁶.

¹³³ Германская политика в Белоруссии // Новое время № 14992. 1.04.1916.

¹³⁴ Там же.

¹³⁵ Турук Ф. Белорусское движение. Очерк ... С.88.

¹³⁶ Цит. по: Коршук В., Платонов Р. и др. Государственность Беларуси: проблемы формирования в программах политических партий. Минск, 1999. С.16.

Концепция возрождения белорусской государственности в форме конфедерации Великого княжества Литовского имела и своих оппонентов. А. Бурбис, возглавлявший московскую организацию БСГ, считал, что условия оккупации не дают никаких надежд на национальное освобождение края. В то же время он более всего опасался победы в войне царской России, что «поставило бы крест на освобождении Белоруссии».

В годы Первой мировой войны белорусский вопрос впервые был доведен до сведения международной общественности. Белорусский народный комитет в мае 1916 г. представлял Белоруссию, в том числе Восточную, на конференции народов России в Стокгольме, на которой заявил о желании белорусов выйти из состава России и создать собственное государство со столицей в Вильно¹³⁷.

Белорусская делегация участвовала также в работе III конференции народов России, проходившей 27-29 июня 1916 г. в Лозанне. Текст реферата, с которым делегация выступила на конференции, был подготовлен А. Луцкевичем и 11 июня 1916 г. одобрен БНК, отражая, таким образом, господствующую позицию в национальном движении виленских белорусов. Основное его содержание – обоснование идеи «Соединенных штатов от Балтики до Черного моря», которая предполагала создание после войны федеративного союзного государства в составе Белоруссии, Литвы, Латвии и Украины. Такая федерация, по мнению А. Луцкевича, была бы очень выгодной для Белоруссии с точки зрения политического, экономического и культурного развития. В то же время осуществление этой идеи представлялось возможным только «при полном развале российской государственной системы»¹³⁸. Эта концепция очень напоминала польские федералистские концепции, с тем, однако, отличием, что она не предполагала опоры на какое-либо из соседних государств, для которого эта федерация служила бы буфером и защитой от России. Федерация представлялась авторам самостоятельной ценностью,

¹³⁷ Там же. С.18.

¹³⁸ Там же. С.17.

позволявшей создать достаточно сильное объединение, обеспечивающее национальное развитие всех стран-участниц. Осуществление же этой идеи после «полного развала российской политической системы», видимо, предполагало поддержку Германии.

I.3. Активизация белорусского национального движения в условиях революций 1917 г. в России

Февральская революция создала в России ситуацию двоевластия. Временное правительство в своей первой декларации от 3 марта 1917 г. обещало уравнивать всех граждан России в правах независимо от их религиозной, национальной, сословной принадлежности. Разрешено было использование национальных языков в школах и частных организациях, сохраняя при этом за русским языком статус государственного. Вопрос же об изменении государственного статуса нерусских народностей остался открытым, за исключением Польши и Финляндии¹³⁹.

14 марта 1917 г. с воззванием к польскому народу обратился Петросовет. Он заявил, что Польша имеет право «на полную независимость в государственно-международном отношении»¹⁴⁰. 16 марта последовало обращение Временного правительства по польскому вопросу. В нем говорилось о готовности признать независимость Польши при условии, что границы будут установлены с согласия российского Учредительного собрания, а Польша вступит с Россией в «свободный военный союз». Кроме того, оно выразило надежду, что судьба народов, входивших некогда в состав Речи Посполитой, будет решена с учетом их интересов¹⁴¹.

Польский регентский совет, созданный немецкой администрацией оккупированного Царства Польского, отверг эти условия и заявил, что судьба территорий, лежащих между этнически польскими и великорусскими землями должна быть решена «с учетом государственных интересов независимой

¹³⁹ Рудовіч С. Час выбару. Праблема самавызначэння Беларусі ў 1917 годзе. Мінск, 2000. С. 22.

¹⁴⁰ Там же. С. 23.

¹⁴¹ ДМИСПО. Т.1. М., 1963. С.35-36.

Польши и вниманием к воле народов, населяющих эту территорию»¹⁴². Таким образом, уже в начале 1917 г. было посеяно зерно территориального конфликта между Россией и Польшей.

Лагерь сторонников Пилсудского по-своему стремился решить проблему восточной границы. В мае 1917 г. ряд польских партий (ППС, ПСЛ, Партия национальной независимости, Объединение демократических партий, Народная партия и Национальная партия) подписали совместную декларацию об отношениях будущей независимой Польши с Литвой. Они высказались за возобновление их прежнего союза. В августе 1917 г. Л. Василевский, сторонник Пилсудского и его тогдашней ориентации на Германию, в «Культуре Польски» поддержал эту декларацию и высказал ряд соображений по поводу польской восточной политики. Он подчеркнул, что лагерь сторонников вооруженной борьбы поляков за свою независимость, опиравшийся на Четверной союз, отдавал себе отчет в том, что польские амбиции в этом случае будут касаться земель, ранее принадлежавших России. Отсюда и происходило их представление об общности интересов Германии и Польши. Создание Польского государства за счет российских территорий отодвигало границы России на восток, закрывало бы Центральные державы от русской угрозы польским щитом. Польша была бы тем более надежным союзником, чем более значительную часть территорий ей удалось бы оторвать от России, а значит, чем в более конфликтных отношениях с Россией она бы оказалась. Польское общество, по мнению Василевского, было не в состоянии представить себе такую ситуацию, когда Литва была бы совершенно оторвана от Польши. Он считал, что многовековая традиция совместного бытия, тесная экономическая связь Царства Польского с исторической Литвой выработали во всех слоях польского общества глубокое убеждение, что после падения российского ярма уния Польши и Литвы будет непременно возобновлена. Очень показательным, с его точки зрения, было то, что создание на литовских

¹⁴² ДМИСПО. Т.1. М., 1963. С. 43-44.

землях, отнятых у России, независимого государства, связанного унией с Польшей, было единственным постулатом, с которым согласились все без исключения партии Царства Польского – от национал-демократов до ППС¹⁴³.

Виленские белорусы в этот период, возможно, под воздействием соответствующей германской политики в отношении польских амбиций, резко негативно высказывались в адрес этих планов польских политиков. Так, российское «Новое время» цитировало статью из «Гомана» под названием «Руки прочь»: «Наш край, наша родина никогда Польше не принадлежали и никогда собственностью Польши не были; много веков назад она объединилась с Польшей в одно общее государство по доброй воле и на равных правах. Если в настоящее время весь мир признал право Польши на независимое существование, то такими же правами располагает и наш край. ... мы открыто и громко заявляем, что не желаем быть батраками поляков, не желаем быть государственными крепостными в шляхетской Польше»¹⁴⁴.

Уже тогда, в середине 1917 г., была обозначена суть конфликта: Польша намеревалась решить вопрос принадлежности белорусских земель путем соглашения с Русской республикой, против чего белорусские политики решительно протестовали. Такая постановка вопроса заведомо лишала их права голоса, чего, как они надеялись, не допустят «ни русская республика, ни международная мирная конференция», которые «не согласятся на подобное стремление захватить чужую землю и полякам, обладающим непомерно широкими аппетитами, ответят открыто и веско «руки прочь»¹⁴⁵. Характерно здесь не только благосклонное на сей раз отношение российской газеты, еще недавно подозревавшей тех же белорусов в шпионаже против России, но и апелляция белорусских политиков в споре о принадлежности Белоруссии не к мнению белорусского народа, а к доброй воле России и Антанты.

¹⁴³ O Litwę // L. Wasilewski. Drogi do porozumienia. Wybór pism. Kraków, 2001. S. 75.

¹⁴⁴ Протест белорусов // Новое время, 14 июня 1917 г.

¹⁴⁵ Протест белорусов // Новое время, 14 июня 1917 г.

Василевский считал белорусов, главным образом католиков, потенциальными союзниками польского населения в борьбе против литовских амбиций и предполагал, судя по всему, их скорую ассимиляцию с польским, более влиятельным, населением¹⁴⁶. Антипольская в большинстве позиций белорусских политиков не имела для польских лидеров какого-либо значения, поскольку, видимо, их непопулярность в белорусском обществе была очевидной.

На территории, оставшейся под контролем России, условия не благоприятствовали белорусской национально-политической деятельности. Белорусские активисты работали в основном в беженских комитетах и обществах помощи населению, перемещавшемуся вглубь России перед наступлением немецкой армии¹⁴⁷.

Вопрос о самоопределении Белоруссии в период от Февраля до Октября 1917 г. не ставился в плоскости национального самоопределения и отделения от России. Речь шла исключительно об автономии. Большинство активистов национального движения, как на территории Белоруссии, так и среди работников белорусских беженских комитетов в Центральной России были в этом вопросе солидарны. Белорусские исследователи объясняют этот факт верой в демократический потенциал русской революции, в то, что она сможет создать условия для национального развития Белоруссии¹⁴⁸. Активно создавались белорусские национальные организации в армии.

Несмотря на умеренность программы автономии, она не была принята центральной властью. В апреле 1917 г. делегация Белорусского национального комитета¹⁴⁹ во главе с Р. Скирмунтом прибыла в Петроград для переговоров с

¹⁴⁶ Kwestia litewska a sprawa Litwy // L. Wasilewski. Drogi do porozumienia. Wybór pism. Kraków, 2001. S. 79-80.

¹⁴⁷ Михутина И.В. К вопросу о провозглашении Советской Социалистической Республики Белоруссии. // Славяноведение. 2008 г., №4. С.54

¹⁴⁸ Рудовіч С. Час выбару. Праблема самавызначэння Беларусі ў 1917 годзе. Мінск, 2000. С. 122.

¹⁴⁹ Белорусский национальный комитет был избран из числа делегатов съезда белорусских политических партий и организаций 25 марта 1917 г. для подготовки к избранию краевых органов власти. Придерживался концепции автономии Белоруссии в составе России. – см. Ладысеў У., Брыгадзін П. На пераломе эпох: станаўленне беларускай дзяржаўнасці (1917-1920). Мінск, 1999. С.10-11.

Временным правительством об изменении статуса белорусских губерний. Кадеты, которые в тот момент составляли большинство в российском руководстве, удостоверившись, что реальной – экономической или военной силы за комитетом нет, свернули всякие переговоры на эту тему. Они в принципе были противниками создания национально-территориальных образований в пределах России, поэтому Скимунт не получил ответа на свой запрос. Было решено только поддерживать с БНК постоянную связь¹⁵⁰.

В условиях нарастания общенационального кризиса в стране, роста революционной борьбы лидеры белорусского движения стремились выработать единую платформу действий всех национальных партий и организаций. С этой целью в Москве 24-26 сентября 1917 г. был созван I Всероссийский съезд беженцев-белорусов. Главным вопросом съезда снова стало политическое устройство края. Делегаты либерально-демократических партий высказались вообще против автономии, аргументируя свою позицию тем, что «крестьянство не хочет полной автономии». В итоге все же была принята автономистская резолюция, с требованием широкого самоуправления края¹⁵¹. Съезд выявил разные политические тенденции в национальном движении Белоруссии. Проблема консолидации сил белорусских партий и организаций не была решена.

15-25 октября 1917 г. была проведена реорганизация руководящего центра белорусского движения, создан новый краевой орган – Великая белорусская рада (ВБР).

После проведения целого ряда фронтовых съездов в Минске в октябре 1917 г.¹⁵² была создана Центральная белорусская войсковая рада во главе с С. Рак-Михайловским со своим печатным органом «Белорусская рада». Она приняла затем активное участие в создании Великой белорусской рады. Основной задачей Войсковой рады стало собирание «живой силы», в

¹⁵⁰ Рудовіч С. Указ. соч. С. 122.

¹⁵¹ ДМИСПО. Т.1. С.30.

¹⁵² Ладысеў У., Брыгадзін П. На пераломе эпох: станаўленне беларускай дзяржаўнасці (1917-1920). Мінск, 1999. С.21.

основном интеллигенции и солдат, вокруг идеи белорусской автономии¹⁵³, создание военных формирований «для обороны родной белорусской земли и Российской федеративной демократической республики»¹⁵⁴. Членом ЦВБР К. Кондратовичем был разработан и представлен Верховному Главнокомандующему на утверждение план формирования белорусских частей. Однако это ходатайство совпало по времени с Октябрьской революцией. И.о. Главкома генерал-лейтенант Н. Духонин отказался утвердить этот проект, ссылаясь на то, что «вопрос выходит за пределы военных дел, а потому не подлежит его компетенции». Новый Главнокомандующий, большевик Крыленко, сначала дал согласие на формирование «1-го Белорусского полка и Белорусского корпуса по штатам польского». Главком Западного фронта А. Мясников подписал приказ об образовании белорусских частей, но категорически против организации каких-либо национальных вооруженных сил выступил Временный революционный комитет Западного фронта (из чисто политических соображений и вопреки военной необходимости, по мнению В. Ладысева¹⁵⁵).

На протяжении 1917 г. национальная программа РСДРП(б) существенно менялась, в первую очередь в вопросе о национально-государственном устройстве России. Примерно до июня 1917 г. среди большевиков господствовало отрицательное отношение к принципу федерализма. Известно, что VII (Апрельская) Всероссийская конференция РСДРП(б) отклонила лозунг культурно-национальной автономии, заявив, что он направлен на искусственное размежевание рабочих, их разделение по национальному признаку. Однако конференция не поддержала и позицию Пятакова, который считал лозунг самоопределения наций вплоть до отделения реакционным, а национальное государство – пройденным этапом. В принятой резолюции подтверждалось требование программы партии о праве наций на

¹⁵³ Турук Ф. Белорусское движение. Очерк ... С.36.

¹⁵⁴ Ладысеў У., Брыгадзін П. На пераломе эпох... С.23.

¹⁵⁵ Там же. С.21.

самоопределение вплоть до отделения и создания независимых государств. При этом, однако, подчеркивалось, что «вопрос о праве наций на свободное отделение нельзя смешивать с вопросом о целесообразности отделения той или иной нации в тот или иной момент. Этот последний вопрос партия пролетариата должна решать самостоятельно, с точки зрения интересов классовой борьбы пролетариата за социализм»¹⁵⁶.

Впервые положение о том, что многонациональная Россия может стать союзом добровольно объединившихся республик, было высказано В.И.Лениным в речи на I Всероссийском съезде Советов рабочих и солдатских депутатов 9 июня 1917 г. Он отметил, что «не нужно бояться отдельных республик. С точки зрения интересов рабочих и крестьян это не страшно. Пусть Россия будет союзом свободных республик». Это заявление имело принципиальное значение. Оно исходило из анализа развития национально-освободительного движения в Финляндии и на Украине. До этого РСДРП(б) считала наиболее целесообразным дать национальным окраинам автономию. Она опасалась, что федерация ослабит существующие политические, экономические и культурные связи между народами России. Многие теоретики большевизма, например, Сталин, после Февральской революции считали, что «неразумно требовать для России федерации, самой жизнью осужденной на исчезновение. Половинчато-переходная форма – федерация – не удовлетворяет и не может удовлетворить интересов демократии». Вместо федерации предлагалось предоставить: «1) право на отделение тем нациям, которые населяют определенные области (компактно) и не хотят оставаться в рамках целого 2) политическую автономию в рамках единого (унитарного) государства с едиными нормами Конституции для областей, отличающихся определенным национальным составом, и которые остаются в рамках целого»¹⁵⁷.

¹⁵⁶ Ладысеў У., Брыгадзін П. На пераломе эпох... С.14.

¹⁵⁷ Ладысеў У., Брыгадзін П. На пераломе эпох... С.15.

На практике этого принципа РСДРП(б) стала придерживаться только после Октябрьской революции, что нашло свое отражение в «Декларации прав народов России» от 2 (15) ноября 1917 г., подготовленной В. Лениным и И. Сталиным на основании решения съездов Советов о праве народов России на самоопределение. Следует сказать, что, как и охарактеризованная выше национальная программа РСДРП(б), декларация была документом двойного назначения. В ее констатирующей части провозглашалось, что в основу деятельности СНК РСФСР по вопросу о национальностях России будут положены следующие начала:

1. Равенство и суверенность народов России.
2. Право народов России на свободное самоуправление, вплоть до отделения и образования самостоятельного государства.
3. Отмена всех и всяких национальных и национально-религиозных привилегий и ограничений.
4. Свободное развитие национальных меньшинств и этнографических групп, населяющих территорию России.

Но в преамбуле документа, несмотря на заявленное в его констатирующей части право на отделение, главной целью партии в национальном вопросе был объявлен «честный и прочный союз народов России»¹⁵⁸. Это означало, что, как отмечает Г.Ф. Матвеев: «подписанты декларации В.И. Ленин и И.В. Сталин применительно к России не ставили задачи ее расчленения по национальным швам... Тем самым он объявляли себя сторонниками сохранения России как многонационального государства в будущем»¹⁵⁹.

В составе первого советского правительства был создан Народный комиссариат по делам национальностей (Наркомнац), который возглавил известный в партии как специалист по национальному вопросу И.В. Сталин.

¹⁵⁸ Документы внешней политики СССР. Т.1.М., 1957. С.15.

¹⁵⁹ Матвеев Г.Ф. К предыстории войны Советской России с Польшей в 1918-1920 гг. // От античности до современности. Сборник статей по отечественной и всеобщей истории, посвященный академику РАН, заслуженному профессору Московского университета Ю.С. Кукушкину. М., 2012. С. 260.

Созданный в ноябре 1917 г. во ВЦИК отдел по национальным вопросам, руководителем которого был назначен М.С. Урицкий, просуществовал до конца декабря 1917 г. и был слит с Наркомнацем.

Наркомнац, состоявший из ряда комиссариатов (польского, литовского, мусульманского, еврейского, армянского, белорусского и др.) и отделов (киргизского, марийского, украинского и др.) способствовал организации национальных республик и областей, проводил работу с национальными кадрами, подготавливал программные документы по национальным отношениям, участвовал в формировании национальных частей Красной армии¹⁶⁰.

Сразу же после революции Советом народных комиссаров РСФСР было принято решение о признании независимости Польши и Финляндии. Что же касается остальных территорий страны, то там создавались советские республики на основании как национального (Украинская, Молдавская и др.), так и территориального (Одесская, Донецко-Криворожская и др.) принципов. Таким образом, большевики без промедления приступили к реализации одного из принципов своей партийной программы в области национальной политики.

Большевики в Белоруссии опирались на местный пролетариат (весьма немногочисленный), революционно настроенных солдат Западного фронта (около 1 млн чел.) и беднейшую часть крестьянства (значительно увеличившуюся в результате военных действий и вызванной ими разрухи). После Февральской революции и до осени 1917 г. большевики сотрудничали с меньшевиками и бундовцами в объединенных социал-демократических организациях¹⁶¹. Самыми известными из местных лидеров РСДРП (б) были М. Фрунзе (Михайлов), А. Мясников, В. Кнорин, К. Ландер, И. Алибегов. В национальном вопросе они исходили из общих установок партии и в первую очередь – из интересов «классовой борьбы за социализм». Большевики

¹⁶⁰ Гросул В.Я. Образование СССР (1917-1924гг.). М., 2007. С.30.

¹⁶¹ Недасек Н. Большевизм в революционном движении Белоруссии. Мюнхен, 1956. С.114.

стремились поддержать левое течение в белорусском движении, чтобы направить его в русло революционной борьбы. Учитывая, что БСГ объединяла различные слои белорусского общества, они считали целесообразным сотрудничать с ней на социальной основе. Как вспоминал позднее Кнорин, «Минский Совет и его большевистское большинство на протяжении всего лета относился очень положительно к работе белорусской Громады, хотя у нее и не было представительства в Совете. На массовых собраниях предоставлялось слово А. Смоличу, П. Бодуновой и другим лидерам Громады... Ухудшение отношений между Советом и белорусскими организациями началось с того времени, когда в белорусском движении стали главную роль играть правые элементы и белорусское движение приобрело характер буржуазного сепаратизма»¹⁶².

Октябрьская революция радикально изменила ситуацию в крае. Минский Совет рабочих и солдатских депутатов стоял, в отличие от других белорусских губернских центров, на большевистских позициях, и уже 25 октября 1917 г. издал приказ о переходе власти в Минске и окрестностях к Совету. Значение Минска в общероссийской борьбе большевиков за власть усиливалось тем, что именно там находилось управление армиями Западного фронта. Сторонники Временного правительства создали, в противовес Совету, Комитет спасения революции, который попытался установить собственную власть в крае, однако войска Западного фронта практически полностью оказались на стороне Совета. В начале ноября 1917 г. победа большевиков в Белоруссии стала очевидной¹⁶³.

5 ноября было объявлено об образовании Военно-революционного комитета Западного фронта, который взял в свои руки военную и политическую власть. Председателем стал К.И. Ландер, в состав вошли А.Ф. Мясников, Н.И. Кривошеин, М.И. Калманович и др.¹⁶⁴.

¹⁶² Кнорин В.Г. 1917 год в Белоруссии и на Западном фронте. Минск, 1925// Кнорин В.Г. Избранные статьи и речи. Минск, 1990. С.153.

¹⁶³ Круталевич В.А. Становление национальной державности. Изд. 2-е. Минск, 2003. С.19.

¹⁶⁴ Там же. С.20.

В конце ноября состоялись съезды рабочих и солдатских депутатов Западной области, комитетов Западного фронта и крестьянских депутатов Минской и Виленской губерний. Объединенные исполкомы этих трех съездов образовали Исполнительный комитет Западной области и фронта (принятое сокращение в литературе - Облискомзап). Его возглавил Мясников, затем Калманович. Облискомзап по образцу центрального Совнаркома образовал СНК Западной области во главе с Ландером¹⁶⁵.

Провозглашенный большевиками лозунг права народов на самоопределение¹⁶⁶ поставил перед белорусским национальным движением проблему дальнейшего развития края. Политические партии Белоруссии в своем большинстве не поддержали Октябрьскую революцию. В «Грамоте к белорусскому народу», опубликованной 27 октября 1917 г. от имени Великой белорусской рады, Центральной белорусской военной рады, Белорусского исполкома Западного фронта, БСГ, свержение Временного правительства и переход власти в руки Совета народных комиссаров характеризовались как «величайшее бедствие», «вихрь безвластия», который может погубить «святое дело защиты свобод и прав Белорусского народа» и даже угрожает самому существованию белорусов¹⁶⁷. Резкое неприятие большинством партий края большевистской власти привело к тому, что идея автономии начала вытесняться, особенно в кругах ВБР, идеей «незалежнасьці» - полной государственной независимости Белоруссии, ее выхода из состава России. Сторонники ее – небольшая группа молодой социалистической интеллигенции, солдаты, и старые белорусские деятели – выходцы из полонизированной шляхты (Р. Сकिрумунт). Эта идея нашла поддержку и среди деятелей городского самоуправления.

¹⁶⁵ Там же. С.23.

¹⁶⁶ Г.Ф. Матвеев считает, что после прихода к власти для вождей большевиков «это был «экспортный» рецепт решения национального вопроса», поскольку они «осознавали степень угрозы для самой России, исходящей от их предложения о переустройстве мира». - Матвеев Г.Ф. К предыстории войны Советской России с Польшей... С.259.

¹⁶⁷ Коршук В., Платонов Р. и др. Государственность Беларуси... С.29.

Однако среди белорусов, в первую очередь беженцев в России, были и сторонники союза Белоруссии с новой, большевистской Россией. В ноябре 1917 г. в Петрограде был организован Белорусский областной комитет (БОК) при Всероссийском Совете крестьянских депутатов. БОК являлся левоэсеровской организацией. Возглавляли ее Евсей Канчер (председатель), Филипп Короткевич, Куссе-Тюз и Селиванов. Е. Канчер к тому моменту зарекомендовал себя как теоретик белорусского национального возрождения. Своей задачей БОК объявил сплочение трудового крестьянства и солдат Белоруссии вокруг идеи автономной Белоруссии, как части Российской Федеративной Демократической республики. БОК внес в белорусское движение новое начало – определенно восточную ориентацию¹⁶⁸.

Таким образом, на первый план вместо создания общенационального представительства белорусские лидеры, оставшиеся по восточную сторону фронта, выдвинули вопрос, какой из претендовавших на власть в России политических центров следует признать легитимным. Этот вопрос способствовал радикализации всех политических сил в Белоруссии, хотя большинство из них по-прежнему склонялись к автономии. Учитывая слишком короткое время, которое эпоха отвела на организацию белорусских политических сил, трудно было ожидать, что они сумеют встать над между- и внутрипартийными склоками, достигнут соглашения и создадут единый национальный (или хотя бы региональный) центр. Это наглядно продемонстрировала работа Всебелорусского съезда.

Мысль о созыве такого общенационального форума появилась, судя по всему, одновременно у Великой белорусской рады, Центральной белорусской войсковой рады и Белорусского областного комитета. Однако уже в ходе подготовки к нему ярко проявилось соперничество группировок. ВБР вместе с Центральной белорусской войсковой радой и Белорусским исполкомом Западного фронта назначили созыв съезда на 5 декабря в Минске. Белорусский

¹⁶⁸ Турук Ф. Белорусское движение. Очерк ... С. 36.

областной комитет, недовольный политикой Великой белорусской рады и ее стараниями возглавить все движение (хотя она и создавалась, в том числе и с согласия БОК) как его руководящий центр, назначил созыв съезда на 15 декабря в Рогачеве. Выбор места, по версии Ф. Турука¹⁶⁹, объяснялся опасным положением Минска, расположенным близко от линии фронта.

В совместном обращении исполкомов Великой белорусской рады, Белорусской войсковой рады и Белорусского исполкома Западного фронта «Ко всему белорусскому народу» подчеркивалось, что Белоруссия «должна стать демократической республикой, спаянной с Великороссией и другими соседними республиками на основе федерации. Вся власть в Белоруссии должна принадлежать Краевой раде, которая выбирается по принципу равного, всеобщего, тайного и пропорционального голосования». Главной задачей Краевой рады определялось скорейшее заключение мира. Всю землю предлагалось передать трудящимся под контролем всенародно избранных земельных комитетов. Местная власть должна была принять неотложные меры по охране оставшихся богатств края. Таким образом, «наблюдалась тесная связь в решении политических, социальных и национальных проблем»¹⁷⁰.

2 декабря 1917 г. в связи с предстоящим Всебелорусским съездом белорусский вопрос рассматривался на заседании СНК РСФСР. И. Сталин – народный комиссар по делам национальностей, обсудил на этом и на следующем заседании, с участием белорусских представителей на Всероссийском съезде крестьянских депутатов, вопрос образования и укрепления пророссийского крыла на ожидавшемся форуме. Сталин высказался в поддержку «областников»¹⁷¹. На проведение съезда Совнарком выделил Белорусскому областному комитету 50 тыс. руб.¹⁷² Приглашенная на съезд Белорусская социал-демократическая рабочая партия (большевиков) –

¹⁶⁹ Турук Ф. Указ. соч. С.37.

¹⁷⁰ Ладысеў І., Брыгадзін П. На пераломе эпох... С.25.

¹⁷¹ Недасек Н. Камунізм і «беларускі нацыяналізм». // Спадчына. 2001, № 1. С.13.

¹⁷² Гісторыя беларускай дзяржаўнасці С. 340.

БСДРП(б), образовавшаяся осенью 1917 г. в Петрограде на базе ячеек БСГ, написала во ВЦИК РСФСР о том, что исторические обстоятельства классовой борьбы в Белоруссии, которая носит здесь национальный характер, требуют объединить на съезде рабочих и крестьян. Партия просила оказать ей финансовую поддержку для командирования на съезд «достаточного» количества делегатов, чтобы повести его за собой. ВЦИК удовлетворил просьбу и ассигновал средства. На Всебелорусский съезд отправились десять делегатов от БСДРП (б). Но они прибыли в Минск только 17 декабря 1917 г., в день разгона съезда.

Белорусский историк И. Игнатенко в книге «Октябрьская революция и самоопределение Белоруссии» выдвинул гипотезу, что БОК был выбран Наркомнацем из-за того, что был представителем крестьянства – самого многочисленного класса населения Белоруссии¹⁷³. Но, как отмечает В. Ладысев¹⁷⁴, почти треть комитета составляли представители армии и флота. В то же время в армии (на Западном фронте в частности) было много сторонников Великой белорусской рады, в основном эсеры. Таким образом, это был компромисс центральной власти с одной из самых влиятельных и в то же время лояльно настроенной по отношению к Советам белорусской организацией, выступающей против дробления революционной России на национальные государства¹⁷⁵.

Между БОК и СНК была достигнута договоренность на следующих условиях:

1. Белорусский областной комитет должен действовать в контакте с Минским Советом рабочих, солдатских и крестьянских депутатов.
2. Краевая власть принадлежит краевому Совету рабочих, солдатских и крестьянских депутатов, избранному на Всебелорусском конгрессе.

¹⁷³ Игнатенко И. Октябрьская революция и самоопределение Белоруссии. Минск, 1992. С.59.

¹⁷⁴ Ладысев У., Брыгадзін П. На пераломе эпох... С.25.

¹⁷⁵ Турук Ф. Указ. соч. С.42.

3. Краевой конгресс Белоруссии созывается от имени Белорусского областного комитета и Совета депутатов совместно.

4. Все помещичьи земли без промедления передаются без выкупа в распоряжение земельных комитетов, реорганизованных на демократических основах.

5. Белорусский народ имеет безусловное и полное право на самоопределение.

6. На местах власть принадлежит Советам рабочих, крестьянских и солдатских депутатов.

7. При Наркомнаце организуется белорусский отдел¹⁷⁶.

Тем самым была достигнута договоренность о самоопределении Белоруссии в форме советской государственности на основе широкой автономии в составе Российской федеративной республики. При прямой поддержке Петрограда Белорусский областной комитет претендовал на роль лидера в национальном движении. В связи с этим он попытался заставить Великую белорусскую раду отказаться от созыва съезда. Однако пока Белорусский областной комитет вел переговоры с СНК, Великая белорусская рада начала предвыборную кампанию.

Проведение I Всебелорусского съезда было в итоге назначено на 5 декабря 1917 г. в Минске. По данным Ф. Турука, на конгрессе присутствовало 1872 делегата, из них 1167 с правом решающего голоса¹⁷⁷. Преобладали представители демократических организаций и госучреждений. Другие данные приводит Е. Канчер: 1915 чел., в том числе 1175 с правом решающего голоса. Делегатами с решающим голосом являлись: представители губернских и уездных земств, губернских, уездных и волостных самоуправлений, губернских и уездных земских комитетов, губернских организаций почтово-телеграфных служащих, дорожных комитетов, губернских и уездных учительских организаций, союза земских служащих, белорусских беженских

¹⁷⁶ «Известия», №244, 19 (6) XII-1917 г.

¹⁷⁷ Турук Ф. Указ. соч. С.38.

организаций, белорусских национальных организаций (по 1 от губ.), воинов армии, флота и тыла (по 1 от 5000 чел.), Советов рабочих и солдатских депутатов (по 1 на уезд), члены БОК, ВБР, Центральной войсковой рады, члены исполнительного бюро Белорусского съезда в Москве. Совещательный голос был у представителей партий, в том числе национальных – еврейских, польских и литовских¹⁷⁸. Полнее всего были представлены воинские организации белорусов и волостные земства. В политическом отношении выявились следующие группировки:

1. беспартийные землячества – могилевское, минское, витебское, смоленское, виленское и гродненское;
2. фракции социалистических партий: эсеры центристы, правые и левые, меньшевики и социал-демократы-интернационалисты, большевики, БСГ, БПНС, христианские демократы и др.

Каждая из групп (партий и организаций) направила своего представителя в президиум конгресса. Председателем конгресса был избран И. Середа (беспартийный), товарищами председателя Вазилло и Прушинский (Алесь Гарун), секретарями Колядко и Гуца, их помощниками стали Гриб и Шевчук. По сословному признаку съезд был в основном крестьянским¹⁷⁹. Был утвержден и состав совета съезда. В него вошли 57 чел., в том числе И. Воронко (председатель), К. Алексеевский, А. Бурбис, И. Дыло, Е. Карский, Е. Канчер, А. Смолич, С. Рак-Михайловский, А. Цвикевич¹⁸⁰.

Основная борьба развернулась по вопросу о форме самоопределения Белоруссии и ее взаимоотношениях с Россией¹⁸¹. По этому вопросу оформились две почти равные по количеству делегатов с решающим голосом группировки, условно названные исследователями «радовцами» (или «незалежниками») и «областниками»¹⁸².

¹⁷⁸ Канчер Е. С. Белорусский вопрос. Сборник статей. Пг., 1919. С.67.

¹⁷⁹ Ладысеў У., Брыгадзін П. На пераломе эпох... С.38.

¹⁸⁰ Там же. С.29.

¹⁸¹ Протокол общего заседания Всебелорусского конгресса 10 декабря // Архівы БНР. Т.1. Вільня, 1998. С.36-38.

¹⁸² Ладысеў У., Брыгадзін П. На пераломе эпох... С. 28.

Левая фракция, созданная 8 декабря Т. Грибом, В. Фальским, Ковшило и др., объединила затем самую радикальную часть левого крыла съезда (118 человек с правом решающего голоса) - от левых эсеров и анархистов до большевиков и сочувствующих, в том числе и делегатов от БСДРП(б). Уже на первом заседании фракция постановила «признать в Белоруссии только Советскую власть». О силе влияния левой фракции на решения съезда говорит тот факт, что на пленарном заседании конгресса был принят вариант резолюции, разработанный левыми¹⁸³.

Трехдневная дискуссия на съезде обнажила существенные расхождения «радовцев» и «областников» по вопросам государственного строительства Белоруссии, системы органов власти, отношения к России. Как отмечал позднее А. Цвикевич, идея независимости (отстаиваемая «радовцами» во главе с И. Воронко) не имела успеха на конгрессе. Сопrotивление депутатов, особенно сельских, находившихся под влиянием российских эсеров, вызывало даже предложение объявить Белоруссию республикой в составе Российской федеративной демократической республики¹⁸⁴. Они видели в новой российской власти гарантa решения земельного вопроса в их пользу.

Когда съезд подошел к вопросу о краевой национальной власти и начались горячие прения между сторонниками ВБР – «незалежниками» и «областниками»-федералистами, СНК Западной области и фронта принял все возможные меры, чтобы расколоть съезд и повести его за собой, а также доказать буржуазность Великой белорусской рады¹⁸⁵.

Вечером 17 декабря было решено провести совещание совета конгресса с лидерами фракций и землячеств для принятия общей резолюции. После долгих дискуссий был выработан единый текст постановления о самоопределении Белоруссии и о временной краевой власти. Он был зачитан делегатам съезда в ночь на 18 декабря. В первом пункте постановления

¹⁸³ Там же. С.29.

¹⁸⁴ Там же. С.31.

¹⁸⁵ Турук Ф. Указ. соч. С.39.

подчеркивалось, что «закрепляя свое право на самоопределение, объявленное российской революцией, и устанавливая республиканский демократический строй в границах белорусской земли, для спасения родного края и **ограждения его от разделов и отторжения его от Российской федеративной демократической республики**, I Всебелорусский конгресс постановляет: немедленно организовать из числа делегатов съезда временную краевую власть в лице **Всебелорусского Совета крестьянских, солдатских и рабочих депутатов**, который будет руководить краем временно, вступая в деловые отношения с центральной властью»¹⁸⁶ (*выделено в тексте. – Д.К.*).

В следующих пунктах резолюции провозглашалась концентрация всех функций ответственного руководства краем в руках Совета. Ему надлежало принять меры для скорейшего созыва белорусского учредительного собрания, которое и должно решить судьбу белорусского народа¹⁸⁷.

Таким образом, резолюция носила компромиссный характер. В ней нет даже определения Белоруссии как автономной республики. Речь идет о Российской федерации, связи с центральной властью и руководстве краем. Именно этот вопрос (управление краем) и послужил причиной последовавших событий.

После того, как конгресс единогласно принял этот первый пункт резолюции (остальные пункты не успели поставить на голосование), он был в ночь на 18 декабря разогнан солдатами, введенными начальником минского гарнизона Кривошеиным в здание, где заседал конгресс. Президиум и некоторые члены съезда были арестованы.

В постановлении Облискомзапа и СНК Западной области о «ропуске Всебелорусского съезда» это решение объяснялось «буржуазным характером конгресса и контрреволюционностью принятых им резолюций». По решению конгресса власть в Белоруссии должна была перейти от СНК Западной области к Всебелорусскому Совету депутатов. Это означало, во-первых, что

¹⁸⁶ Там же. Прил. 15. С.106.

¹⁸⁷ Там же. С. 107-108.

большевистские лидеры Западной области потеряли бы влияние на события в крае, а во-вторых, избрание во Всебелорусский Совет большевиков было совсем не гарантировано. Не говоря уже о том, что идея Учредительного собрания (что Всероссийского, что Всебелорусского) была для лидеров РСДРП(б) болевой точкой. В отправленной Ландером несколько позднее телеграмме в СНК РСФСР, Наркомнац, ЦИК РСФСР и редакцию «Правды» разгон съезда объяснялся уже несколько иначе: «Съезд 15 декабря созван с нарушением соглашения с тов. Сталиным. Высказавшись в принципе за признание Советской власти, поскольку она существует в России и за контакт с Центральным Правительством Народных Комиссаров, Съезд отверг установленную Советами власть для местного края с передачей ее избранному на Съезде организаций органу. В ответ на это СНК Западной области и фронта объявил Съезд распущенным, предложил президиуму покинуть пределы фронта и края и «приступить к ликвидации кадетских организаций, нашедших приют под флагом белорусского национального движения»¹⁸⁸.

Интересно отметить реакцию БСДРП (б) на разгон Всебелорусского съезда. Она подала в ЦК РСДРП (б) заявление, в котором отмечала, что разгон съезда является в лучшем случае недоразумением и требовала назначить комиссию из представителей БСДРП (б), ЦК РСДРП (б) и Наркомнаца для выяснения обстоятельств дела. Однако, как представляется, СНК РСФСР эти вопросы беспокоили только с точки зрения безопасности фронта, и потому позиция центра по белорусскому вопросу менялась в зависимости от международной обстановки. Никакого ответа на свое заявление БСДРП (б) не получила.

Исследователи по-разному оценивают значение съезда. Советская историография следовала за телеграммами Облискомзапа, называя конгресс буржуазным, контрреволюционным, антинародным. Е.Канчер и Ф.Турук, как и другие участники съезда, считали его единственным законным всенародным

¹⁸⁸ Турук Ф. Указ. соч. Прил. 16. С. 109.

представительством, высоко оценивали его решения, а последующие действия как советской, так и национал-демократической группировок характеризовали с точки зрения их соответствия резолюциям конгресса. Многие современные исследователи считают съезд закономерным результатом предыдущего развития белорусского национально-освободительного движения, активной деятельности его политических партий и организаций.

Разгон Всебелорусского съезда имел для белорусского движения печальные последствия. Почти все партии и организации, в том числе и президиум съезда, объявивший себя на закрытом заседании 18 декабря 1917 г. советом съезда, уполномоченным проводить в жизнь его решения, оказались на нелегальном положении¹⁸⁹. Совет съезда 18 декабря постановил: считать конгресс насильственно разогнанным; совет съезда признать исполнительным органом съезда, обязанностью которого является проведение в жизнь всех решений и постановлений съезда; дополнить совет съезда делегатами от землячеств и других групп, которые направили своих представителей в совет, и дать ему право отвода, отзыва и кооптации¹⁹⁰.

Следует отметить различное отношение к разгону съезда и действиям совета съезда «незалежников» – А. Луцкевича и др., и «областников» – Ф.Турука и Е.Канчера. Они сходятся в осуждении роспуска съезда, как единственного бесспорного народного представительства Белоруссии. Но если Е.Канчер воспринимал разгон конгресса и последовавшие затем события как национальную катастрофу, лишившую белорусский народ возможности создать законное представительство и правительство, то А. Луцкевич и его сторонники считали совет съезда, исполком совета съезда и созданные ими Раду и правительство республики (Народный секретариат) законными органами власти, исполнявшими волю съезда.

Тем же постановлением закрытого заседания президиума съезда была прекращена деятельность координирующих органов белорусского движения

¹⁸⁹ Турук Ф. Указ. соч. С.40-41.

¹⁹⁰ Ладысеў У., Брыгадзін П. На пераломе эпох... С.33.

(БОК, Московская исполнительная комиссия, ВБР), с тем, чтобы все их функции передать совету съезда. Центральная белорусская войсковая рада характеризовалась как подчиненный ему орган¹⁹¹.

В дальнейшем совет съезда, ввиду невозможности постоянного присутствия всех его членов в Минске, образовал исполнительный комитет, которому делегировал свои полномочия. В результате был утрачен контакт с провинциальными белорусскими организациями, а исполком совета конгресса стал скорее минской, чем всебелорусской организацией¹⁹². В результате различные течения белорусского движения оказались практически изолированы друг от друга.

Разгон конгресса имел также серьезные международные последствия. В силу того, что не удалось создать единого легитимного национального представительства, которое могло бы выступать от имени белорусского народа, отдельные течения национального движения теперь должны были искать международного признания с позиции слабого и зависимого партнера. Общественные настроения в крае в дальнейшем практически перестали влиять на его судьбу, сделав его объектом в военных и дипломатических комбинациях более сильных соседей, в том числе и только что обретших независимость.

I.4. Белорусский вопрос в период выхода Советской России из мировой войны

Эта трансформация белорусского вопроса дала о себе знать очень скоро, уже на мирной конференции РСФСР и стран Четверного союза в Брест-Литовске, открывшейся 9 (22) декабря 1917 г. Начавшись с комплиментов немецких дипломатов в адрес демократических лидеров новой России, переговоры вскоре приняли жесткий характер. Одной из главных причин этого

¹⁹¹ Канчер Е. С. Белорусский вопрос. С.74.

¹⁹² Там же. С.77.

стал территориальный вопрос. Точка зрения советского правительства в отношении западной границы была изложена в газете «Известия», официальном органе ВЦИК РСФСР, 10 декабря 1917 г. Касаясь того, что советской делегации на мирных переговорах в Бресте предстоит отстаивать независимость Польши, газета подчеркивала, что только Советское правительство, свободное от «всяких захватных вожделений, способно на это». Газета выступала за восстановление независимого польского государства с воссоединением в его границах всех территорий, где преобладало польское население¹⁹³. Об отторжении белорусских территорий, таким образом, речь не шла.

Однако 14(27) декабря руководство Всебелорусского съезда направило председателю российской мирной делегации Л. Троцкому следующий запрос за подписями заместителя председателя Савича и секретаря Вербицкого: «Ввиду появившихся в печати сведений о том, что в Бресте на мирных переговорах одной из сторон предложено включить Белоруссию в состав Польши, Всебелорусский съезд в Минске просит срочно телеграфировать: 1) насколько достоверны эти сведения; 2) как смотрит на этот вопрос Правительство Народных Комиссаров; 3) какова позиция, занятая Правительством Народных Комиссаров по отношению к этому вопросу»¹⁹⁴.

Троцкий ответил, что, хотя «этот вопрос не был еще предметом рассмотрения в Брест-Литовске, Советское Правительство, в полном согласии со своей программой, считает, что никто, кроме белорусов, не имеет права решать, какова должна быть судьба Белоруссии. Эту позицию наша делегация будет отстаивать в дальнейших переговорах»¹⁹⁵. Советское руководство не ожидало в тот момент никаких проблем с позицией белорусского представительства, рассчитывая на его лояльность как идее советской власти, так и идее единства Белоруссии с Россией. Слухи о передаче края Польше,

¹⁹³ Ольшанский П.Н. Рижский мир. Из истории борьбы Советского правительства за установление мирных отношений с Польшей (конец 1918-март 1921 г.). М., 1969. С.9.

¹⁹⁴ Троцкий Л. Сочинения. Том III. Часть 2. Москва-Ленинград, 1925. С. 229.

¹⁹⁵ Л. Троцкий. Там же. С.230.

таким образом, в тот момент были необоснованными, однако ход переговоров оказался совершенно неблагоприятным для противников отделения от России.

На пленарном заседании мирной конференции 30 декабря 1917 (12 января 1918) завязался спор о самоопределении наций и целесообразности приглашения на конференцию представителей тех народов, чья судьба должна была стать предметом переговоров. Дискуссия началась вокруг вопроса, в какой именно момент следует считать, что новое государство образовано и может участвовать в решении собственной судьбы, в частности, на текущей конференции. Р. Кюльман, глава германской делегации на этом этапе переговоров, заявил, «народы, живущие на прежней западной границе Российского государства, уже выразили в убедительной для нас (т.е. германской делегации – Д.К.) форме свое желание быть самостоятельными», и он высказал мнение, что мысль об участии этих новых государств в мирных переговорах приемлема¹⁹⁶. Вопрос об участии в переговорах этих новых государств, таким образом, формально зависел теперь от позиции советской стороны, т.е. от того, признает ли она национальные органы власти, созданные на этих территориях при немецкой оккупации, легитимными.

Л.Б. Каменев, член советской делегации, заявил, что советские представители не могут «считать выражением воли населения оккупированных областей ... - заявлений, сделанных теми или другими общественными группами и учреждениями, поскольку эти заявления последовали при режиме чужеземной оккупации и исходили от органов, не только не получивших своих прав при народном избрании, но и вообще прозябающих в пределах, в которых это не противоречит планам оккупационных военных властей»¹⁹⁷.

¹⁹⁶ Мирная Конференция в Брест-Литовске 1917-1918 гг. Печатный текст протоколов заседаний конференции в Брест-Литовске с Приложениями. М., 1920. С.91.

¹⁹⁷ Мирная Конференция в Брест-Литовске... С.93.

Он констатировал, что за время оккупации нигде, - ни в Польше, ни в Литве, ни в Курляндии, - не было создано и не могло быть создано какого-либо демократически избранного органа, который с наималейшим правом мог бы претендовать на роль выразителя воли широких кругов населения. Он огласил декларацию, в которой советская сторона заявила об отсутствии у нее всяких претензий на территории, принадлежавшие ранее Российской империи, если эти территории не желали более находиться в составе России. «Только тогда, – говорилось в декларации, – Российская республика будет чувствовать себя гарантированной от попыток втянуть ее вновь в какие-либо территориальные споры и конфликты, когда она будет уверена, что граница, отделяющая ее от соседних областей, определена свободной волей самих народов, живущих на этих границах, а не односторонним насилием, способным лишь временно подавить эту волю»¹⁹⁸.

Таким образом, желание народа отделиться должно было, по мнению советского руководства, подтверждаться действительно свободным волеизъявлением¹⁹⁹. Важным пунктом было и уточнение, что право на самоопределение принадлежит «народам, а не частям их, находящимся в оккупированной зоне»²⁰⁰. Большевики предлагали включить в мирный договор положения, подробно описывающие процедуру самоопределения. Она предполагала предварительное соглашение Германии и Австро-Венгрии, с одной стороны, и России, с другой, – по четырем важнейшим пунктам:

I) Относительно объема территорий, население которых будет призвано воспользоваться правом на самоопределение.

¹⁹⁸ Там же. С.93.

¹⁹⁹ Там же. С.92.

²⁰⁰ Там же. С.93.

II) Относительно общих политических предпосылок, при которых должно произойти решение вопроса о государственной судьбе соответствующих территорий и наций.

III) Относительно того временного переходного режима, который должен быть установлен вплоть до окончательного государственного конструирования этих областей.

IV) Относительно тех способов и форм, в которых население этих областей будет призвано выразить свою волю²⁰¹.

В первую очередь следовало обеспечить свободу от политического давления какой-либо из сторон конфликта на местное население. Для этого предлагалось вывести немецкие и австро-венгерские войска из оккупированных ими областей, а также обеспечить возвращение туда беженцев и переселенцев. Советское правительство со своей стороны, согласно этой декларации, «по собственной инициативе предоставляет возможность одновременно воспользоваться правом на самоопределение и тем частям указанных наций, которые оказались вне оккупированной зоны.

Россия обязуется не принуждать эти области, ни прямо, ни косвенно, к принятию той или иной формы государственного устройства, не стеснять их самостоятельности какими бы то ни было таможенными или военными конвенциями, заключенными до окончательного конструирования этих областей на основе политического самоопределения населяющих их народностей»²⁰². Германии и Австро-Венгрии также предлагалось подтвердить отсутствие у них притязаний на присоединение оккупированных областей.

С момента подписания мира и вплоть до окончательного государственного конструирования данных областей, внутреннее управление

²⁰¹ Мирная Конференция в Брест-Литовске... С.93.

²⁰² Там же. С.93.

в их пределах, заведывание их делами, финансами и проч., должно было, согласно советскому предложению, перейти в руки временного органа, «составленного путем соглашения политических партий, обнаруживших свою жизнеспособность в среде данного народа, как до, так и после войны»²⁰³. Основной задачей этих временных представительных органов народа, наряду с поддержанием общественной и хозяйственной жизни, должна была стать организация последующего опроса населения. Окончательное решение о государственном положении упомянутых областей и о форме их внутреннего государственного устройства могло быть принято лишь путем всенародного референдума²⁰⁴.

Немецкая делегация расценила этот проект исключительно как пропаганду, да она и не ожидала от представителей проигравшей войну России выдвижения каких-либо условий. Генерал М. Гофман, представитель германской армии, заявил, что протестует против самого тона декларации, а также заметил, что «Русская делегация заговорила так, как будто бы она представляет собой победителя, вошедшего в нашу страну. Я хотел бы указать на то, что факты как раз противоречат этому: победоносные германские войска находятся на русской территории. Я хотел бы дальше указать, что Русская делегация требует признания права на самоопределение в такой форме и в таком объеме, в каковых ее Правительство не признает этого права в собственной стране»²⁰⁵. Роспуск Всебелорусского съезда послужил Гофману иллюстрацией этого утверждения: «В ночь с 30-го на 31-е декабря, первый Белорусский конгресс в Минске, который хотел настоять на праве самоопределения Белоруссии, был разогнан большевиками посредством штыков и пулеметов.

²⁰³ Там же. С.94.

²⁰⁴ Там же.

²⁰⁵ Там же.

Когда Украинцы потребовали себе права на самоопределение, - Петроградское Правительство поставило ультиматум и попробовало настоять на своем посредством вооруженной силы».

На этом основании германское Верховное командование решительно отклонило «вмешательство в дела оккупированных областей»²⁰⁶.

На заседании 1(14) января 1918 г. Л. Троцкий, отвечая на обвинения в насильственном разгоне Всебелорусского съезда, заявил, что приведенные генералом Гофманом примеры «ни в каком смысле не характеризуют нашей политики в области национальных вопросов. Мы навели справки о Белорусском Конгрессе. Этот Белорусский Конгресс состоял из представителей Белорусских аграриев. Он сделал попытку присвоить себе те права, которые составляют исключительную собственность Белорусского народа. И, если он встретил отпор, то этот отпор исходил от солдат, среди которых были одинаково великороссы, малороссы и белорусы»²⁰⁷. Троцкий, таким образом, спустя всего две недели спустя после официального открытия и признания Всебелорусского съезда, теперь отрицал его легитимность, следуя за версией Облискомзапа.

Напряжение на переговорах возрастало, и становилось очевидным, что никакого компромисса достичь не удастся. Позиция силы, с которой немецкая делегация выступала на переговорах, столкнулась с попытками пропаганды коммунистической идеологии прямо на заседаниях, чего немецкие представители не могли вытерпеть. Они в открытую заявили о своих целях на востоке, о том, что не собираются больше играть в демократию и оставляют оккупированные области за собой. Более того, 10 февраля 1918 г. по н.ст. они представили новые территориальные претензии.

²⁰⁶ Там же. С.95.

²⁰⁷ Там же. С.102.

Согласно новому германскому проекту, оккупации подлежала западная часть Белоруссии - Виленский, Трокский и Лидский уезды Виленской губернии и почти половина Гродненской губернии.

Советские представители, несмотря на всю безнадежность своего положения, все же попытались оспорить немецкий ультиматум. Они выразили недоумение, почему, если в украинской части был скрупулезно соблюден этнический принцип, этот же принцип в Белоруссии и Прибалтике был проигнорирован. Австрийский представитель, д-р Г. Грац, объяснил это чисто стратегическими соображениями, а именно тем, что в части Украины граница с Россией не потребует таких оборонительных мер, как к северу от нее. Советская сторона расценила это заявление, как признание того, что Украинская республика рассматривается Четверным союзом как свой сателлит.

Разбирая немецкий проект, советский эксперт М.Н. Покровский спросил, подданными какого государства окажутся белорусы из указанных уездов, и выразил удивление, почему не предусмотрено создания самостоятельного Белорусского государства. Гофман и Грац отвечали уклончиво, что состав населения указанных белорусских уездов смешанный и проведение там точной границы по этническому принципу затруднительно.

В ответ Покровский привел данные, приведенные в атласе, изданном типографией командующего Восточным фронтом, т.е. собственно германские: «Сокольский уезд – 89,8% белорусов, Гродненская губерния - 65,8%, Лидский уезд Виленской губернии – 73,2%, Волковышский уезд, также входящий в эту область, - 82,5%, Лужанский уезд Гродненской губернии – 75,5%, Ольшанский – 80,1%, и наконец, Виленский уезд, целиком входящий в данную область, - 42% белорусов. В Виленском уезде, насколько я понимаю, - белорусы составляют относительное большинство. Как видно из этих данных, вопреки

объяснениям генерала Гофмана, белорусы составляют во всех этих уездах подавляющее большинство, за исключением Виленского уезда».

Обсуждение вопроса завершилось довольно резкой пикировкой. Заявив, что без проведения новой переписи, которая учла бы и беженцев, решение об автономии для белорусов принять невозможно, представители Четверного союза вообще предложили закончить дискуссию о территориальном размежевании на германской стороне границы. Покровский согласился с этим предложением, обратив при этом внимание присутствующих «на тот знаменательный факт, что переговоры оборвались на вопросе, непосредственно затрагивающем право на самоопределение именно Русского народа»²⁰⁸.

Таким образом, видно, что немецкая администрация не строила планов создания независимого Белорусского государства, хотя это и помогло бы им оторвать эти области от России. Однако они не считали возможным пробуждение национального самосознания этого народа в той степени, чтобы это могло как-то повлиять на политическую ситуацию в крае. Поэтому можно было ожидать включения белорусских губерний в состав других национальных образований, например, Литвы. На роль самостоятельного союзника белорусские националисты, с точки зрения германского руководства, не годились. Советское же руководство, явно не имея определенной точки зрения по вопросу национальной самобытности белорусов (хотя, как видно из хода дискуссии, и склонялось к общепринятой до революции концепции триединого русского народа), сходилось в том, что край должен оставаться в составе России, и на его территории не должно быть иной власти, кроме большевистской. Сам факт, что на переговоры в Бресте не были допущены белорусские представители*, свидетельствовал о том, что

²⁰⁸ Там же. С.204.

* Попытка направить белорусского представителя на переговоры в качестве консультанта украинской делегации была отвергнута. Впрочем, трудно было бы этому удивляться, учитывая, какой характер сразу же приобрели выступления украинской делегации, принятой Троцким поначалу вполне доброжелательно.

руководство РСФСР не собиралось отказываться от прав на Белоруссию. Западный фронт и лидеры его большевизированных Советов сыграли решающую роль в установлении советской власти в Белоруссии. Эта область в силу своей близости к Петрограду была слишком важна, чтобы можно было безболезненно позволить одержать там верх иным, кроме большевиков, политическим силам.

Суммируя итоги 1917 г. с точки зрения решения белорусского вопроса, понимаемого в свете права наций на самоопределение и создание собственного государства, следует констатировать, что не только не было достигнуто каких-либо конкретных результатов, но и не удалось обеспечить признание этого права в его абсолютном выражении всеми белорусскими политическими силами. А это открывало простор для разнонаправленной деятельности отдельных партий и авторитетных политиков, в том числе и с целью привлечения к решению белорусского вопроса внешних сил.

Германия, как видно из высказываний Э. Людендорфа, опасалась чрезмерного усиления польских позиций в оккупированных областях, и потому, в частности, сделала ставку на поддержку национальных и территориальных стремлений литовцев.

Провозглашение 11 декабря 1917 г. Литовским советом (Тарибой) независимости Литовского государства было принято польскими социалистами, сторонниками Пилсудского, с большим беспокойством. Причиной тому была оглашенная литовскими политиками территориальная программа, согласно которой в состав новой республики должны были войти и исторически литовские земли, к началу XX века уже давно в большинстве своем утратившие литовский характер – Виленская и Гродненская губернии²⁰⁹. В статье «Литовский вопрос и проблема Литвы», написанной в начале 1918 г., Л. Василевский отмечал, что следует разделять понятия Литвы этнической и исторической, что первая составляет едва шестую часть второй

²⁰⁹ Kwestia litewska a sprawa Litwy // L. Wasilewski. Drogi do porozumienia. Wybór pism. Kraków, 2001. S. 78.

и потому неправомерно желание литовских лидеров решать судьбу всего края, не считаясь с мнением большинства его жителей, прежде всего, поляков, наиболее развитого культурно из всех народов края, и белорусов, составляющих большинство его населения. Он требовал, чтобы вопрос о государственном будущем исторической Литвы решался с учетом интересов всех его жителей и протестовал против попыток литовцев ассимилировать прочие народы. И в этой, и в предыдущей статье Василевский считал белорусов, главным образом католиков, потенциальными союзниками польского населения в борьбе против литовских амбиций и предполагал, судя по всему, их скорую ассимиляцию с польским, более влиятельным, населением²¹⁰.

Подобные же взгляды он высказал и в статье «Границы Польского государства на востоке», опубликованной в 6 номере «Культуры Польски» за 1918 г., т.е. вскоре после «Литовского вопроса». Поскольку перспективы возрождения Польского государства становились все более определенными, то и рассуждения о границах и взаимоотношениях с соседними народами переходили в практическую плоскость. Граница 1772 г. более не представлялась реальной, поскольку «теперь, после падения царского режима, все народности, населяющие восточные земли бывшей Речи Посполитой, формулируют собственные национально-государственные программы, стремясь к немедленному их воплощению в жизнь. Так, Украина их уже в некоторой степени реализовала, создав самостоятельную республику, литовцы желают создать собственное государство, к тому же стремятся последнее время даже белорусы»²¹¹. Поэтому восстановление исторических границ Василевский уже считал невозможным. Но и этнический принцип не представлялся безупречным, поскольку «практически нигде мы не имеем дела с четко очерченными границами между народностями... Разграничение между

²¹⁰ Kwestia litewska a sprawa Litwy ... S. 79-80.

²¹¹ Granice państwa Polskiego na Wschodzie. // L. Wasilewski. Drogi do porozumienia. Wybór pism. Kraków, 2001. S. 84.

польским и белорусским населением вообще почти невозможно, поскольку здесь языковой критерий, которого достаточно в случае с литовцами, совершенно не подходит. Значительная часть жителей, употребляющих в повседневной речи белорусский язык, считает себя поляками (белорусы-католики в Виленской, Гродненской и частично Минской губ.)²¹².

Необходимым условием для установления справедливой границы он полагал «разграничение на основе обоюдной выгоды всех договаривающихся сторон при отсутствии какого-либо не только давления, но даже и влияния извне». Польша же должна стремиться к тому, чтобы ее восточные границы совпадали с границами экономического и политического влияния польского населения. Исходя из этого постулата, Василевский делал очень примечательный вывод, которого не делали сторонники федеративной концепции еще год назад: «Польское государство не должно включать в себя слишком большого количества непольского населения»²¹³. Он объяснял это быстрым ростом национального самосознания у народов исторической Литвы, что могло бы помешать нормальному развитию молодой Польши. Таким образом, к 1918 г. аргументация ППС практически совпала с мнением эндеков. Установление границ Василевский связывал с тем, как конкретно сложатся отношения Польши с теми государствами, которые образуются на ее восточной границе. Так, если бы Литва согласилась на унию с Польшей, то ей можно было уступить Вильно, в случае же неблагоприятного развития событий Вильно и Виленскую губернию следовало включить в Польское государство. Что касается границ с Белоруссией, то, если бы она не вошла в союз с Польшей, надлежало добиваться присоединения к Польше тех белорусских территорий, жители которых тяготели к польской культуре и при переписи населения записывались поляками, отдавали детей в польские школы. Таким образом, линией разграничения должна была стать граница между католическим и православным населением – «от Польских Инфлянт до

²¹² Ibid. S. 85.

²¹³ Ibid.

Пинска». Конкретную линию границы, согласно планам Василевского, следовало устанавливать «только по взаимной договоренности Польши с полномочным представителем каждого из народов»²¹⁴.

Лидер национальных демократов Р. Дмовский считал, что между Германией и Россией не может существовать слабый народ, поэтому поляки должны стремиться создать сильное государство. Он предлагал включить в состав Польши только такую часть восточных территорий Речи Посполитой, которая не приведет к преобладанию в Польше национальных меньшинств. Т.н. «линия Дмовского» в целом совпадала с границей второго раздела, с некоторыми коррективами в пользу Польши²¹⁵.

По условиям Брестского мира²¹⁶ этническая белорусская территория была поделена между несколькими государствами. Белорусская часть Виленщины и Гродненщины с Бельским и Белостокским уездами была присоединена к литовскому государству, провозглашенному литовской Тарибой 11 декабря 1917 г. при поддержке Германии. Земли на юг от Полесской железной дороги по договоренности с украинской Радой передавались Украинской народной республике (УНР). Немцы заняли большую часть Белоруссии с Минском. Не были оккупированы лишь 14 уездов Витебской и Могилевской губерний. Белоруссия не получала никакой компенсации за разрушения в результате военных действий, так как, согласно п.9 Брестского договора, Германия и Россия взаимно отказались от компенсации потерь, понесенных их населением.

После Брестского мира московские белорусские организации (БНГ и др.) полностью потеряли влияние на минские дела, а влияние «незалежнической» Виленской белорусской рады, напротив, усилилось. По мнению В. Ладысева²¹⁷, именно условия Брестского мира, принятого без

²¹⁴ Ibid. S. 86.

²¹⁵ Rychłowski B. Granice odrodzonej Polski – ich kształtowanie i gwarancje //Polityka zagraniczna odrodzonej Polski 1918-1988. Warszawa, 1989. S. 13.

²¹⁶ Документы внешней политики СССР. Т.1. М., 1957. С.119-124.

²¹⁷ Ладысеў У., Брыгадзін П. На пераломе эпох... С. 35.

всякого учета интересов Белоруссии, способствовали окончательному вызреванию в белорусских политических кругах идеи суверенного Белорусского государства, усилению «незалежнических» тенденций в деятельности совета съезда и созданных им органов. Полностью разочаровавшись в большевиках, белорусские националисты стали ориентироваться на немцев, признавших еще в 1915 г. право белорусов на независимость (в рамках коалиции с литовцами). На оккупированной немцами территории Белоруссии была создана сеть белорусских начальных школ, учреждены две учительских семинарии. Терпимо относились немцы и к публикациям белорусских журналов, пропагандирующих идею независимости Белоруссии²¹⁸.

9 марта 1918 г. Совет съезда выпустил II Уставную грамоту «К народам Белоруссии»²¹⁹. Главное ее положение было сформулировано в ст. 1: «Белоруссия в границах расселения и численного преобладания белорусского народа объявляется Народной Республикой». Далее шло подтверждение на территории Белорусской народной республики социалистических принципов, провозглашенных Всебелорусским конгрессом:

- 1) отмена частной собственности на землю, социализация земли (передача ее без выкупа тем, кто на ней работает);
- 2) переход лесов, вод и недр в собственность государства;
- 3) установление права национально-персональной автономии;
- 4) введение 8-часового рабочего дня.

Во II Уставной грамоте в очередной раз было обещано созвать в наикратчайшие сроки учредительное собрание Белоруссии, которое должно принять основной закон республики и определить ее государственный статус. До тех пор исполнительная и административная власть должна была

²¹⁸ Tomaszewski J. Rzeczpospolita wielu narodów. W-wa, 1985. S.109.

²¹⁹ II Уставная Грамота исполкома Совета Всебелорусского конгресса от 9 марта 1918 г. // Архівы БНР. Т.1. Вільня, 1998. С.52.

принадлежать Совету съезда и Народному секретариату как его исполнительному органу.

Таким образом, II Уставная грамота Совета съезда провозгласила БНР, но еще не определила ее государственный статус и связь (или ее отсутствие) с Россией или каким-либо иным государством. Издание этой грамоты было обусловлено именно «неопределенными» отношениями с немецкими властями и реальной угрозой единству белорусских территорий, а также имела целью заявить о существовании политической воли и собственных органов власти у края, население которого характеризовалось соседними народами как «темная этнографическая масса, полностью лишенная национального самосознания»²²⁰. Второй задачей документа было оповещение народа о том, что Совет съезда не прекратил своего существования, а также призыв к объединению всех национальных сил вокруг Совета и повышению политической активности, чтобы заставить оккупационные власти считаться с собой²²¹.

19 марта 1918 г. на торжественном заседании Совета съезда, пополненного представителями городов, земств и национальных меньшинств (что свидетельствует о том, что грамота возымела некоторое действие), был избран президиум Совета и утвержден статут представительства в Совете. На том же заседании Совет съезда был переименован в Раду БНР. Рада БНР, по замыслу лидеров Белоруссии, должна была представлять собой своеобразный предпарламент – высший законодательный и контролирующий орган республики до созыва учредительного собрания.

Председателем президиума Рады стал Иван Середа, его заместителем – Иосиф Воронко, секретарями – Константин Езовитов и Томаш (Фома) Гриб²²².

Все члены Рады придерживались социалистического мировоззрения: это были представители национальных социалистических партий, эсеры - правые

²²⁰ Wasilewski L. Litwa i Białoruś: Przeszłość. – Teraźniejszość. – Tendencje rozwojowe. Kraków, 1913. S. 104.

²²¹ Ладысеў У., Брыгадзін П. На пераломе эпох... С. 36.

²²² Канчер Е. С. Указ. соч. С.80.

и центр, а также меньшевики. Заметим, однако, что левых социалистических партий (левой БСГ, левых эсеров) в Раде после 19 марта уже не было. В состав Рады БНР были кооптированы 5 членов Виленской рады: братья Луцкевичи, Д. Семашко, Ад. Станкевич и О. Туркевич, которые приехали в Минск, чтобы усилить «незалежническое» течение в Раде²²³.

Во II Уставной Грамоте ничего не было сказано о суверенитете БНР и ее отношениях с соседними государствами. Это вызывало недовольство части громадцев - Я.Лёсика, редактора «Вольной Беларуси», А. Прушинского, А. Смолича и др. влиятельных деятелей БСГ. Именно они, вместе с членами Виленской группы, были самыми радикальными националистами (интересно, что Смолич в 1920-е гг. окажется в БССР в числе активных белорусизаторов края – Д.К.), выступили за отделение от России, т.е. в формально-юридическом плане - за непризнание Брестского договора и объявление независимости БНР. По более позднему свидетельству А. Луцкевича, после нескольких совместных заседаний Народного секретариата и виленской делегации была достигнута следующая договоренность: 1) раздел Белоруссии по Брестскому миру не признавать; 2) поскольку Советское правительство не может аннулировать свою подпись, против Брестского мира должны протестовать сами белорусы; 3) с этой целью необходимо объявить независимость БНР²²⁴. Луцкевич писал, что решающее значение в принятии этого документа сыграло мнение левых из БСГ, имевших большинство в Раде БНР, а правые – Минское белорусское представительство во главе с Р. Скирмунтом – присоединились к позиции виленских «незалежников» лишь спустя два месяца²²⁵.

24 марта 1918 г. Рада БНР большинством всего в несколько голосов приняла III Уставную грамоту²²⁶, в которой объявила БНР независимым государством. Члены Рады БНР объясняли это решение тем, что не видели

²²³ Ладысеў У., Брыгадзін П. На пераломе эпох... С. 36.

²²⁴ Луцкевіч А.. За дваццаць пяць гадоў. Вільня, 1928. С. 47-48.

²²⁵ Там же. С.51.

²²⁶ III Уставная грамота Рады БНР от 25 марта 1918 г. // АБНР. С.62.

иной возможности защитить интересы своей страны перед войсками Советской России, Германии и частями 1-го польского корпуса Довбор-Мусницкого, занявшими значительные территории даже восточной части Белоруссии – Витебской и Могилевской губерний²²⁷.

Белорусские деятели восточной ориентации, оставшиеся в Москве и Петрограде, назвали этот акт предательским²²⁸. По мнению современных исследователей²²⁹, инициаторы процесса отделения Белоруссии от России, во-первых, отошли от решений Всебелорусского съезда (которые требовали федерации с Россией), тем самым лишив себя легитимности, а во-вторых, совершили стратегическую ошибку, дорого стоившую затем белорусскому национально-освободительному движению. Разорвав связь с Советской Россией, руководство Рады БНР, как позднее констатировал А. Луцкевич, все свои надежды возложило на немецкую оккупационную администрацию, стремясь заключить «союз с ней в той или иной форме»²³⁰.

В апреле 1918 г. в составе и политической деятельности Рады произошел ряд важных изменений. 3 апреля состоялись переговоры о вхождении в Раду БНР представителей Польской рады в Минске – т.е. польских помещиков, ранее политических противников самой идеи белорусского самоопределения. Тогда же было принято решение включить в состав Рады БНР вместо ушедших эсеров 10 депутатов от Минского белорусского представительства²³¹ – убежденных «незалежников», связанных с Виленской белорусской радой, возглавляемой А. Луцкевичем. По замыслу последнего, Минское представительство должно было повернуть Раду в сторону немецкой ориентации (прежний Народный секретариат, в основном состоявший из социалистов, отвергал какие-либо «ориентации», кроме федерации с Россией), к сотрудничеству с немецкими оккупационными властями. Необходимость

²²⁷ Канчер Е. С. Указ. соч. С.80.

²²⁸ Там же. С. 81.

²²⁹ Ладзеў У., Брыгадзін П. На пераломе эпох... С.37.

²³⁰ Луцкевіч А. За дваццаць пяць гадоў. Вільня, 1928. С. 49.

²³¹ V заседание Рады БНР, 12 апреля 1918 г. // АБНР. С.91.

этого маневра Луцкевич мотивировал следующим образом: «Дело в том, что оккупационные власти относятся к идее независимости Белоруссии, в общем, благосклонно. Сейчас речь идет о том, как будет решен вопрос с Лифляндией и Эстляндией. Если эти последние будут связаны с Германией, то, конечно, и белорусский вопрос будет решен в нужном нам направлении... Идет речь только о том, чтобы найти элементы, которые бы твердо стояли на позиции белорусской государственности. Немцы не совсем уверены, что такие элементы в белорусском обществе есть... В этом направлении и следует двигаться. Вы, как понимающие в политических вопросах больше, чем кто-либо еще, можете внести новый дух в Раду Республики – дух европейской дипломатии»²³².

Платой за стремление Рады БНР и Народного секретариата заручиться поддержкой немецкой оккупационной администрации и проведение ими антипольской и антироссийской политики²³³ стала их чрезвычайно низкая котировка в общественном мнении самих белорусов. В сознании белорусского крестьянства, именно в этот период пробуждавшегося к политической активности, они ассоциировались с немецкими оккупационными войсками, с чужой властью²³⁴. И это при том, что немцы относились к белорусским институциям весьма сдержанно. Нередкими были конфликты, например, аресты членов кабинета, занятие помещений Народного секретариата оккупационными властями²³⁵ и т.п.

Поэтому часть радикально настроенных белорусских деятелей решила вообще отмежеваться от каких-либо «ориентаций». Эта группа во главе с Т. Грибом и П. Бодуновой в мае 1918 г. заявила о создании Белорусской партии социалистов-революционеров (БПСР, белорусские эсеры). Ее руководящее ядро составили также выходцы из БСГ: И. Мамонько, С. Некрашевич, А.

²³² Из письма А. Луцкевича членам Минского белорусского представительства 7 апр.1918г. // АБНР. С.88.

²³³ Tomaszewski J. Rzeczpospolita wielu narodów. W-wa, 1985. S.110.

²³⁴ Ibid. S. 207.

²³⁵ Канцер Е. С. Указ. соч. С.90.

Карач, Н. Шило, М. Пашкевич, Ф. Шантыр, В. Русак, М. Маркевич, Е. Ладнов, Л. Заяц, Е. Трофимов, Я. Черепук и др. Позже к ним присоединились В. Ластовский и А. Цвикевич – видные деятели и идеологи белорусского национального движения²³⁶. Но пронемецкий курс Рады БНР белорусские эсеры изменить не смогли, т.к. были в меньшинстве.

* * *

Сторонников идеи национальной самобытности Белоруссии было немного, и им приходилось противостоять значительно более сильному влиянию русской и польской культур. Первоначально белорусское движение было представлено главным образом культурно-просветительским течением, которое формировали выходцы из среды местной интеллигенции. Довольно долго оно оставалось делом одиночек, чьи призывы не становились слышны широким массам белорусского населения. Организационно-политическое оформление белорусского национального движения, как и сколько-нибудь заметная агитация датируется только началом XX в.

Первая мировая война способствовала всплеску сепаратистских настроений на западных окраинах Российской империи. Белорусский вопрос, так же, как и украинский и литовский, был вынесен, стараниями ряда белорусских политиков, на международную арену. Однако в силу слабости и запоздалости национального возрождения вопрос образования национального государства превратился в конце концов в спор более сильных соседей за право обладать белорусскими землями.

Планы ряда польских политиков, жителей Литвы, по воссозданию Литовско-белорусского государства, где доминировала бы польская культура, но уважались бы и права белорусского и литовского населения, были фактически похоронены немецко-польским противостоянием. Российская

²³⁶ Октябрь 1917 и судьбы политической оппозиции. Ч.2: У истоков политического противостояния. Материалы и документы по истории общественных движений и политических партий Республики Беларусь. Гомель, 1993. С.17

Февральская революция способствовала росту влияния автономистских идей, однако одновременно усилила и пророссийское направление, т.к. вселяла надежды на демократическое решение национального вопроса. Попытки создания всебелорусского представительства, как отклик на идею Всероссийского учредительного собрания, которое должно было определить как будущее внутреннего устройства, так и внешнеполитические отношения края, однако, удалось реализовать только после Октябрьской революции. Созыв Всебелорусского съезда уже не мог стать решающим для судьбы края, поскольку к тому времени существовала реальная, поддерживаемая вооруженными силами на территории края, Советская власть, которая своих завоеваний не пожелала бы уступить явно недружественным себе силам. Поэтому, несмотря на договоренности, достигнутые И. Сталиным с одним из организаторов съезда, его реальное направление было слишком близко идее учредительного собрания и явно не шло в русле решений РКП(б). Разогнать это совещание удалось столь же просто, как и спустя месяц Российское учредительное собрание.

Немецкое командование использовало это событие, чтобы обвинить российскую делегацию на переговорах в Бресте в неискренности лозунга о самоопределении народов. Однако Германия также не была заинтересована в создании какого-либо белорусского государственного образования. В договоре Белоруссия вовсе не была упомянута, а ее территория, хотя и практически полностью оказалась занята немецкой армией, в отличие от Литвы и Украины, не только не была объединена в единое целое и наделена даже условной автономией, но подверглись разделу между этими квазисамостоятельными государствами. Убежденность немецких властей в полном отсутствии у белорусского населения национального самосознания заставляла их видеть в белорусском движении скорее польскую интригу, которая, однако, в силу отсутствия каких-либо признаков ее поддержки со стороны местного населения (чему доказательством, в частности, могла

служить неспособность белорусских политиков найти финансы для своей деятельности и организовать хотя бы небольшие вооруженные отряды) не стоила даже борьбы с ней. Поэтому белорусов попросту игнорировали.

Белорусское движение в 1918 г. не было в состоянии оказать влияние на ситуацию в крае, чего не изменило даже провозглашение независимости Белорусской народной республики. Попытки привлечь на свою сторону русских и поляков из числа жителей края, имели очень непродолжительный успех из-за того, что, шарахаясь из стороны в сторону, оно принимало решения, непопулярные у обеих групп, тем самым ослабляя себя еще больше. Советская Россия после вполне успешного установления своей власти в Минске в ноябре 1917 г. доброжелательно поначалу отнеслась к левым белорусским группировкам, но затем жестко пресекла их попытки выйти из-под контроля.

Польские политики – сторонники Ю. Пилсудского, формируя свои программы по вопросу о восточной границе, сначала ориентировались на возобновление исторического союза с Литвой, подразумевая под ней и белорусские территории, во всяком случае, западную их часть. Национальные демократы во главе с Р. Дмовским рассматривали главным образом экономические выгоды от присоединения Белоруссии и возможности ассимиляции католического населения. Оба эти проекта подразумевали фактический раздел белорусских земель и игнорировали возможность самостоятельного выступления белорусов как субъекта международных отношений, зато делали практически неизбежным столкновение будущей Польши с Советской Россией.

Глава II. СОВЕТСКИЙ И ПОЛЬСКИЙ ФАКТОРЫ В СУДЬБЕ БЕЛОРУССКОГО ВОПРОСА В 1919 ГОДУ

II.1. Складывание внешнеполитических условий для образования белорусского советского государства на рубеже 1918-1919 годов

«Запаздывание» мировой революции, начавшаяся в 1918 г. гражданская война, сопровождавшаяся активным иностранным вмешательством, в ходе которой и белые, и красные активно использовали для дискредитации противника обвинения в торговле широко понимаемыми русскими территориями, и др. факторы убедили большевистское руководство в необходимости фактического отказа от дооктябрьского лозунга о праве наций России на самоопределение вплоть до отделения. Сохраняя его в своем пропагандистском арсенале для заграницы, они взяли курс на фактическое обеспечение целостности России. Для Великороссии инструментом сохранения ее целостности стала административно-территориальная перестройка на основе национальной автономии. Автономия, будучи одной из форм государственности, позволяла, по мнению большевистского руководства, совмещать интересы России как целого и ее национальных областей. Этот же принцип пытались применить и по отношению к окраинным районам бывшей Российской империи, в которых идеи независимости и отделения от России пустили достаточно глубокие корни.

Выступая на III Всероссийском съезде Советов 15 (28) января 1918 г., И.В. Сталин достаточно четко определил позицию советского руководства по этой проблеме: «Один из вопросов... который особенно волнует в настоящее

время Россию, - это вопрос национальный... только Советская власть открыто провозгласила право всех народностей на самоопределение вплоть до полного отделения от России. Новая власть оказалась более радикальной в этом отношении, чем даже национальные группы внутри некоторых народностей.

И тем не менее, возник целый ряд конфликтов между Советом Народных Комиссаров и окраинами. Корень всех конфликтов, возникших между окраинами и центральной Советской властью, лежит в вопросе о власти. И если буржуазные круги тех или иных областей стараются придать национальную окраску этим конфликтам, то только потому, что им это выгодно, что удобно за национальным костюмом скрыть борьбу с властью трудовых масс в пределах своей области....

Все это указывает на необходимость ограничения принципа самоопределения правом на самоопределение не буржуазии, а трудовых масс. Принцип самоопределения должен быть средством борьбы за социализм и должен быть подчинен принципам социализма...»²³⁷.

Помимо внутривластных, были также экономические причины борьбы за целостность России. Большевики не могли отказаться от национальных окраин, на которых были сосредоточены большая часть разведанных на тот момент природных ресурсов и промышленности довоенной Российской империи. Об этом достаточно откровенно писал И.В.Сталин в 1920 г., суммируя уже имеющийся опыт советского «самоопределения»: «Может показаться странным, что статья (о национальном вопросе. – Д.К.) решительно отвергает требование об отделении окраин от России, как контрреволюционную затею. Но по существу в этом нет ничего странного. Мы за отделение Индии, Аравии, Египта, Марокко и прочих колоний от Антанты, ибо отделение в этом случае означает освобождение этих угнетенных стран от империализма, ослабление позиций империализма, усиление позиций революции. Мы *против* отделения окраин

²³⁷ «Известия». 16(29) января 1918. № 11.

от России, ибо отделение в этом случае означает империалистическую кабалу для окраин, ослабление революционной мощи России, усиление позиции империализма. Именно поэтому Антанта, борясь против отделения Индии, Египта, Аравии и прочих колоний, борется вместе с тем за отделение окраин от России. Именно поэтому коммунисты, борясь за отделение колоний от Антанты, не могут вместе с тем не бороться против отделения окраин от России. Очевидно, вопрос об отделении решается в зависимости от конкретных международных условий, в зависимости от интересов революции...»²³⁸.

Национальные движения рассматривались как враждебные Советам, поэтому задача созданного большевиками Народного комиссариата по делам национальностей заключалась в том, чтобы перехватить у националистов влияние на массы. Отдельные же национальные комиссариаты (их было создано, помимо белорусского, еще три - польский, литовский и еврейский) задумывались, прежде всего, как информационные отделы при Наркомнаце, а не как самостоятельные учреждения по работе с нациями и национальным вопросом.

Решение центральной власти о создании специального органа по белорусским делам при Наркомнаце было вынесено 31 января, а соответствующий декрет СНК был опубликован 2(15) февраля 1918 г. С этого момента начинается существование и деятельность Белорусского национального комиссариата (Белнацкома). Это было первое центральное большевистское учреждение с характеристикой «Белорусский» в своем названии. Его главной задачей было осуществление информационной связи правительства Советской России с Белоруссией в ее национальном аспекте, причем посредниками в этой связи стали белорусские большевики и их союзники - БСГ и левые эсеры из Белорусского областного комитета при

²³⁸ От автора. Предисловие к сборнику статей по национальному вопросу, изданному в 1920 году. // Сталин И.В. Сочинения. Т.4. М., 1947. С. 373.

Всероссийском Совете крестьянских депутатов. Группа Белнацкома представляла себе государственное устройство Белоруссии в форме Белорусской Советской Республики в федерации с Советской Россией, или Белорусской коммуны²³⁹.

В эмигрантской белорусской историографии существует мнение, что акт образования Белнацкома имел первостепенное значение для белорусского движения, т.к. означал признание Советским правительством не только значимости белорусского национального вопроса, но и факта существования самой белорусской нации, которое до той поры ставилось под сомнение и правыми, и большевиками²⁴⁰. К тому же это был шаг к признанию Белоруссии отдельным национальным регионом и образованию белорусского краевого управления.

В течение всего 1918 г. Белнацком вел активную агитационную и пропагандистскую деятельность. Первым шагом в этой деятельности явился II съезд Советов Западной области, созванный ее руководителями сразу после того, как из-за немецкого наступления им пришлось покинуть Минск. Съезд состоялся в Смоленске 14 апреля 1918 г. и принял резолюцию, направленную против «контрреволюционной деятельности Белорусской Рады»²⁴¹. Однако, несмотря на то, что деятельность Белнацкома была санкционирована СНК РСФСР и в целом не выходила за рамки линии партии, местные власти в Белоруссии в лице Облискомзапа и СНК Западной области видели в ней проявление буржуазного национализма и сепаратизма, что провоцировало конфликты между ними.

Поражение Центральных держав в мировой войне не облегчило радикальным образом проведения советским правительством политики на белорусском направлении. Вместо Германии, отводившей Белоруссии определенную роль в реализации проекта возведения барьера против России

²³⁹ Канчер Е.С. Указ.соч. С.99

²⁴⁰ См., напр.: Запруднік Я. Беларусь на гістарычных скрыжаваннях. Мінск, 1996. с.85.

²⁴¹ Недасек Н. Камунізм і «беларускі нацыяналізм». // Спадчына. 2000. № 1. С.21

(Mitteleuropa), в ноябре 1918 г. появился новый конкурент – Польша. И Временное правительство, и СНК РСФСР признавали право польского народа на независимость²⁴², однако вопрос о границе с возрожденной Польшей считали возможным решать лишь с учетом интересов России.

Вне всякого сомнения, в Москве были известны польские территориальные претензии, как рефрен повторявшиеся политиками разных направлений с момента разделов Речи Посполитой. Эти требования стали приобретать характер практических постулатов с рубежа 1916-1917 гг., когда польский вопрос вошел в стадию трансформации в открытую международную проблему. К 1917 г. все великие державы, включая США, согласились на возрождение Польского государства, и никто уже не сомневался, что после войны в том или ином виде это произойдет. Чего нельзя сказать об их позиции относительно границ этого государства в целом, и восточной в частности. Как Россия и Антанта, так и Четверной союз достаточно определенно высказались относительно того, как должна проходить линия разграничения между Польшей и ее восточными соседями, и все они этой линией считали административную границу Царства Польского с некоторыми корректировками. Возрождение Речи Посполитой в границах 1772 г. ни в чьи планы по разным причинам не входило.

Это было невыгодно Германии, имевшей свои планы относительно будущей судьбы Северо-западного края Российской империи, и польские претензии этот план не учитывал. Это было не слишком выгодно Англии, тоже собиравшейся оказывать непосредственное, а не через поляков, влияние на литовские дела. Франция, основную ставку делавшая на Россию, как своего основного союзника на востоке Европы, не могла поддержать отторжение от нее территорий, которые она традиционно считала не просто ей

²⁴²Важным актом Советского правительства был декрет СНК от 29 августа 1918 г., которым отменялись все договоры о разделе Польши, заключенные Российской империей, Австро-Венгрией и Германией, «ввиду их противоречия принципу самоопределения наций и революционному самосознанию русского народа, признавшего за польским народом неотъемлемое право на самостоятельность и единство». - ДМИСПО. Т.1. С. 418-419.

принадлежавшими, а по праву возвращенными, так как они были населены русскими, пусть и говорящими на диалектах русского языка. Таким образом, теоретически поляки могли надеяться на реализацию своих территориальных проектов только путем создания под их эгидой федерации некогда входивших в Речь Посполитую народов, при условии, что они добьются независимости от России. Ко всему прочему, такое решение могло быть приемлемым и для мирового общественного мнения, серьезно воспринимавшего широко распропагандированный американскими СМИ лозунг права наций на самоопределение²⁴³.

В конце войны, когда Россия оказалась вне группы держав-победительниц и на положении изгоя в мировой политике, у Польши появилась возможность разнообразить набор сценариев решения вопроса восточной границы. Один из них подготовили национальные демократы, создавшие в 1917 г. Польский национальный комитет. Этот орган пользовался благожелательной поддержкой французского правительства. Его членом Станиславом Грабским были сформулированы польские территориальные требования, предназначенные для предстоящей мирной конференции. Восточная граница на белорусском отрезке была начертана практически так, как она была определена согласно Рижскому договору 1921 г. К Польше предлагалось присоединить территории с преобладанием населения, исповедовавшего католицизм. В районах Полесья и на Волыни Грабский проводил границу значительно западнее, т.к. опасался создания православных анклавов на восточных окраинах. После обсуждения проекта в ПНК Грабскому пришлось согласиться с предложенными Дмовским значительно

²⁴³ Весьма показательна оценка программы мира В. Вильсона, данная одним из его биографов в начале 1920-х гг.: «В период экзальтации чувств на заключительной стадии войны народы приняли Вильсона, как настоящего пророка... Он поставил дело союзников на новую, моральную основу. Государственные деятели союзных держав, признавая мощь этой волны идеализма, тут же ухватились за нее как средство унификации и «деморализации», а крупные американские газетные агентства помогли ее популяризации и превращению в легенду. Они даже перестарались. Довели мир до того, что он ожидал слишком многого. На союзные народы это действовало как укрепляющее и усиливающее средство, и одновременно служило подрыву единства Центральных держав, что и было сутью дела... Вся надежда была на Америку. – Bacer R.S. Woodrow Wilson. Kształtowanie losów świata. Pamięniki i dokumenty. T.I. Warszawa, 1924. S. 116.

более выдвинутыми на восток границами: они должны были включать в Белоруссии Полоцк, на Волыни Заслав. Эту карту польские представители использовали в 1919 г. на Парижской мирной конференции²⁴⁴.

Однако на такие границы могли согласиться только правительства, искавшие в Польше сильного союзника в противовес немецкому империализму, т.е. Франция. Поскольку одним из условий французской гегемонии была бы сильная союзная с ней Польша, благодаря которой Франция не так нуждалась бы в английской поддержке против Германии, то польские планы, способствовавшие этому усилению, не находили поддержки в британском Форин Офис. Ллойд Джордж противился этому проекту, чтобы не дать Франции чрезмерно усилиться на континенте²⁴⁵.

Ллойд Джордж не поддержал предложение французов признать ПНК фактическим правительством Польши. В результате комитет лишь смог подать правительствам Антанты меморандум с требованием обеспечить очищение от немецких войск территорий, которые принадлежали Польше до 1772 г., с тем чтобы их могли занять польские войска. Это требование поддержало французское правительство. Маршал Фош на заседании Высшего военного совета Антанты предложил обязать немецкие войска «эвакуировать все территории, входившие в состав Польши до 1772 г». Но министр иностранных дел Великобритании А. Бальфур отверг такую формулировку. Высший военный совет Антанты постановил обязать немецкие войска очистить «территории, которые перед войной входили в состав России».

13 ноября 1918 г. ВЦИК аннулировал Брестский договор с государствами Четверного союза и изложил свое видение судьбы оказавшихся в оккупации народов бывшей Российской империи²⁴⁶: очищение территории их проживания от захватчиков и реализация права на самоопределение, при

²⁴⁴ Grabski S. Pamiętniki. Warszawa, 1989. T. 2. S. 77.

²⁴⁵ Tamże. S. 78.

²⁴⁶ Михутина И.В. Кто готовил советизацию Польши в 1918 году? // Революционная Россия и польский вопрос: новые источники, новые взгляды. Сборник статей. Под ред. М.Волоса и А.Орехова. М., 2009. С. 272.

революционной солидарности трудящихся и поддержке Российской советской республикой рабочих и крестьян «в их борьбе за установление на их землях социалистической власти». То есть Кремль не собирался добровольно отказываться от западных окраин бывшей империи. В том, что подобная программа не только выражала цели кремлевских политиков, но и отвечала пожеланиям самих народов, тогда не сомневались даже многие противники большевиков²⁴⁷.

В момент конституирования II Польской республики, в которой Пилсудский имел достаточно сильные позиции, наибольшие шансы стать основой восточной политики получила близкая ему по духу федеративная концепция. Правда, при ее реализации следовало действовать с оглядкой на страны Антанты, учитывать хотя бы на словах их интересы²⁴⁸. Дело в том, что только они могли предоставить Польше все необходимое для создания мощной армии как инструмента реализации федеративного проекта, предполагавшего установление польского контроля над территориями, выходящими даже за пределы границ 1772 г. В числе этих территорий были и белорусские земли.

Учитывая, что большевики 13 ноября 1918 г. широко оповестили мировое сообщество о намерении сохранить этот регион под своим контролем, столкновение с Польшей становилось практически неизбежной и весьма близкой перспективой. Следует подчеркнуть, что Москва конфликта серьезно опасалась, поскольку основные силы Красной Армии были сосредоточены на борьбе с белыми армиями. Это хорошо видно по тому, как Красная армия занимала оставляемые немцами территории. Так, 25 ноября начальник Полевого штаба Верховного главнокомандования Ф.В. Костяев распорядился занимать населенные пункты исключительно по договоренности с германским командованием²⁴⁹. Силу Западной армии, защищавшей Москву на фронте от

²⁴⁷ Михутина И.В. Указ. соч. С. 273.

²⁴⁸ Rychłowski B. Granice odrodzonej Polski – ich kształtowanie i gwarancje.//Polityka zagraniczna odrodzonej Polski 1918-1988. Warszawa, 1989. S. 11.

²⁴⁹ Михутина И.В. Указ. соч. С. 273.

Пскова до Рогачева, командование исчисляло всего в 8 тыс. человек. В освобождаемых областях была масса желающих вступить в Красную армию – десятки тысяч человек, но не хватало обмундирования и снаряжения. И не было шансов на скорое изменение к лучшему. Поэтому большевистское руководство решило использовать войска на западном направлении лишь для восстановления влияния в близлежащих оставляемых немецкой армией областях бывшей Российской империи. Ленин писал зампреду РВСР Э.М. Склянскому 15 декабря: «паки и паки: ничего на запад, немного на восток, всё (почти) на юг»²⁵⁰. В этих условиях задачей советской стороны становилось оттянуть сколь возможно долго столкновение с Польшей.

Советские опасения, что поляки стремятся к конфликту, получили подтверждение очень скоро. Варшава под надуманными предложениями отказалась от предложений Москвы обменяться дипломатическими представителями, сделанными 28 ноября, 12 и 15 декабря 1918 г.²⁵¹, назвав одной из причин своего решения то, что на территории Белоруссии и Литвы находились части Красной армии²⁵². В Москве это заявление расценили как лишенную всяких оснований попытку предъявить права на не принадлежащие Варшаве территории. В ответ Польше было указано на полную несостоятельность этого довода, так как ни один солдат Красной армии не ступил на территорию, которую можно было бы рассматривать, как принадлежащую Польше²⁵³.

В отношении же этнической Польши кремлевские политики фактически взяли курс, объявленный еще Временным правительством: «признание независимого польского государства из всех земель, населенных в большинстве польским народом». Об этом свидетельствовало и уже упоминавшееся распоряжение Ленина Главному командованию от 29 ноября

²⁵⁰ Михутина И.В. Указ. соч. С. 274.

²⁵¹ Документы внешней политики СССР. Т.1.М., 1957. С.579, 607-609, 610.

²⁵² ДМИСПО. Т.II. С. 49.

²⁵³ Ольшанский П.Н. Рижский мир. Из истории борьбы Советского правительства за установление мирных отношений с Польшей (конец 1918-март 1921 г.). М., 1969. С.23.

о военной поддержке советских правительств в Прибалтике и на Украине. В нем не было и намека на подобное содействие сторонникам революции в Польше.

Иной настрой сохранили польские коммунисты в России, осуществлявшие политическое руководство Западной дивизией, созданной в период, когда в Москве еще верили в скорую пролетарскую революцию в Европе. Они разработали детальный план по перегруппировке и стягиванию со всех фронтов на западное направление больших и малых польских частей, чтобы с их помощью революционизировать Польшу²⁵⁴. Однако советское командование с согласия Троцкого в декабре пресекло попытку комиссара Западной дивизии С. Бобиньского реализовать этот план с помощью направления на Южный фронт агитаторов, чтобы добиться передислокации на запад польских, белорусских и литовских национальных частей²⁵⁵. А 10 января 1919 г. РВСР вывел Бобиньского из РВС Западной армии.

Не дали результата попытки С. Бобиньского, И. Уншлихта (председатель Центральной коллегии по делам военнопленных и беженцев), Ю. Мархлевского и др. заручиться поддержкой своего плана у В.Ленина, И.Сталина и Л.Троцкого²⁵⁶. В условиях непрерывно ухудшавшегося положения на главных фронтах гражданской войны большевистское руководство не было готово допустить возникновения новых военных очагов на внешней границе, тем более что ситуация в Польше не обещала легкой победы революционных сил. Поэтому кремлевские политики предпочитали принять новое государство на своей западной границе как геополитическую данность и выстраивать с ним мирные отношения.

В контексте проводимой в тот момент политики «буферизма»* (так ее называл Г.В.Чичерин) оптимальным средством предотвращения российско-

²⁵⁴ Михутина И.В. Указ. соч. С. 274.

²⁵⁵ Там же. С. 275.

²⁵⁶ Там же. С. 276.

* Ее суть сводилась к созданию формально независимых национальных советских государств. Советские республики по периметру РСФСР должны были стать ее своеобразным «буфером», отделяющим территорию Великороссии, охваченную гражданской войной, от главных источников внешней угрозы,

польской войны могло стать только создание формально независимого от Москвы белорусского советского государства. Его образование лишало бы Варшаву таких важных аргументов в пользу права на переход под ее власть белорусских земель, как: 1) ссылка на необходимость исправления исторической несправедливости, допущенной при разделах Речи Посполитой в XVIII в., и 2) что большевики отказывают белорусам в праве на национальное самоопределение.

Только так можно трактовать следующую директиву Ленина, отданную от имени СНК РСФСР командованию Красной армии в конце ноября 1918 г., когда Германия стала выводить свои войска с территорий Обер-Оста: «С продвижением наших войск на запад и на Украину создаются областные временные советские правительства, призванные укрепить Советы на местах. Это обстоятельство имеет ту хорошую сторону, что отнимает возможность шовинистам Украины, Литвы, Эстляндии рассматривать движение наших частей для оккупации и создает благоприятную атмосферу для дальнейшего продвижения наших войск. Без этого обстоятельства в оккупированных областях войска стали бы в невозможное положение, и население не встречало бы их как освободителей.

В виду этого просим указания о том, чтобы наши войска всячески поддерживали временные советские правительства Латвии, Эстляндии, Украины, Литвы, но, разумеется, только Советские правительства»²⁵⁷.

II.2. Создание ССРБ и ее объединение с Советской Литвой

С июня 1917 г. неоккупированная Центральными державами территория Белоруссии входила в состав Западной области с центром в Минске. После Октябрьской революции 1917 г. она включала в свой состав Виленскую,

которыми были как державы Антанты, так и сопредельные Польша, Румыния, буржуазные Литва, Латвия, Эстония и Финляндия, претендовавшие на территории, от которых советская Россия не собиралась отказываться.

²⁵⁷ РГАСПИ. Ф. 71. Оп. 35. Д. 863. Л. 10-11.

Витебскую, Могилевскую и Минскую губернии. В связи с расширением зоны оккупации в Белоруссии немецкими войсками в феврале 1918 г. центр области был перенесен в Смоленск. В апреле 1918 г. в состав Западной области включили Смоленскую губернию, а в сентябре 1918 г. область переименовали в Западную коммуну с центром в Смоленске.

Вопрос о создании Белорусской советской республики решался в России, и стал результатом договоренности руководителей Белорусского комиссариата при Наркомате по делам национальностей и белорусских секций РКП(б), с одной стороны, и ЦК РКП(б), с другой. Для руководителей Облискозапа это решение стало неприятным сюрпризом²⁵⁸.

В условиях фактической, а затем и юридически закрепленной Брестским миром оккупации Белоруссии немецкой армией, происходило быстрое расхождение правого (условно, т.к. это тоже социалисты - пока), находящегося в зоне немецкой оккупации, и левого, российского, течений белорусского возрождения. Левая (петроградская) БСГ сблизилась с БСДРП(б), а вскоре перестала существовать, влившись в ряды партии большевиков. Левые резко осудили акт провозглашения независимости БНР, сочтя его грубым нарушением воли I Всебелорусского конгресса и всего населения Белоруссии. Кроме того, в марте 1918 г. левая (петроградская) БСГ приняла резолюцию, в которой объявляла «беспощадную войну самозванным белорусским радам»²⁵⁹.

После слияния петроградской БСГ с БСДРП(б) последняя пополнила свой преимущественно рабочий состав некоторым количеством белорусской интеллигенции, в т.ч. старыми деятелями национального движения – Д. Жилуновичем, В. Фальским, И. Дыло. В это же время произошла и реорганизация (а фактически роспуск) самой БСДРП(б), ставшей в конце марта 1918 г. Белорусской секцией РКП(б) в Петрограде. В результате

²⁵⁸ Разговор И.Сталина с А.Мясниковым 25 декабря 1918 г. - Национальный архив Республики Беларусь (НАРБ). Ф.4п. Оп.1. Д.14. Л.10-11.

²⁵⁹ Недасек Н. Указ.соч. С.18.

снижения статуса БСДРП(б) Белнацком стал главным центром деятельности белорусских национал-большевиков.

Комиссаром Белнацкома до мая 1918 г. являлся А. Червяков. Белнацком имел филиалы в Петрограде, Витебске, Саратове и Смоленске. Вместе с белорусскими секциями РКП(б) Белнацком вел политическую (агитационную) и культурно-просветительскую работу среди белорусов, проживавших на территории Советской России, и беженцев, открывал белорусские школы и клубы, издавал литературу на русском и белорусском языках²⁶⁰.

Созванный по инициативе Белнацкома Всероссийский съезд беженцев из Белоруссии, проходивший в Москве 15-21 июля 1918 г., высказался за «свободную единую рабоче-крестьянскую Белоруссию в тесном братском единстве с Российской Советской республикой». Через месяц, 23-24 августа 1918 г. в Петрограде по инициативе Петроградского отделения Белнацкома была организована I конференция белорусских советских организаций и партий, в которой приняли участие представители всех местных отделов Белнацкома, моряков Балтфлота, рабочих Петрограда и Кронштадта, Петроградской белорусской секции РКП(б), социал-демократов – интернационалистов и эсеров. Конференция приняла единодушное решение, что «Белоруссия должна быть широкоавтономной государственной единицей и ... войти в великий федеративный Российский союз равноправным членом»²⁶¹. Стремления к образованию Белорусской республики - хотя бы и на автономных началах в составе России или в федеративном союзе с ней – полностью отвергались руководством Северо-западного комитета РКП(б) и Облискомзапа на протяжении всего 1918 г. Исходя из концепции «областничества», их руководители, в отличие от Белнацкома, не считали нужным создание советской белорусской государственности в противовес БНР. Облискомзап не признавал даже и начальную форму национальной государственности Белоруссии – областную автономию, предложенную

²⁶⁰ Ладысеў У., Брыгадзін П. На пераломе эпох... С.49

²⁶¹ Турук Ф. Указ.соч. С.52

Белнацкомом²⁶². Эти стремления Ландер и Мясников рассматривали как проявления сепаратизма и буржуазного национализма.

Однако сам ход событий в ближайшие месяцы привел к существенному расширению функций Белнацкома и росту его значения. Во-первых, это были события на Западном фронте: мирные переговоры Троцкого с немцами в Бресте и последовавшее за ними стремительное наступление германской армии. На первый план вышли вопросы безопасности «социалистической родины».

21-23 декабря 1918 г. в Москве прошла конференция белорусских секций РКП(б). Она признала необходимость создания Временного рабоче-крестьянского правительства Белоруссии и избрала Центральное бюро белорусских секций РКП(б) из 5 человек: председатель - Д. Жилунович, члены – Ф. Балбека, И. Ненецкий, М. Драка–Дракон, А. Червяков и кандидат – И. Дыло. Центральному бюро было поручено после VI Северо-западной областной конференции РКП(б) (назначенной на 27 декабря) созвать Всебелорусский съезд коммунистов и образовать национальный партийный центр, который взял бы под свой контроль не только секции, но и местные городские организации, в том числе те, которые действовали на территории оккупированной Белоруссии в подполье.

24 декабря 1918 г. вопрос о белорусской советской государственности рассматривался на заседании ЦК РКП(б), а на следующий день состоялась беседа Сталина с членами руководства Белнацкома. Стороны пришли к решению, «по причине современных международных отношений и в целях укрепления и расширения завоеваний социалистической революции во всемирном масштабе», провозгласить «Белоруссию, как самостоятельную во всех отношениях нацию, независимой Советской Социалистической Республикой»²⁶³. Сталин предложил собеседникам составить список

²⁶² Ладысеў У., Брыгадзін П. На пераломе эпох... С.49

²⁶³ Коршук В., Платонов Р. и др. Государственность Беларуси... С.61

кандидатов на замещение должностей во Временном правительстве Белорусской Советской республики.

27 декабря 1918 г. Сталин провел в Москве совещание с Мясниковым и Калмановичем, представителями Исполнительного комитета Западной области и фронта. На нем были приняты так называемые «шесть условий об образовании БССР»:

1. правительство Белорусской республики состоит из председателя и 15 членов правительства.

2. Для очередных дел существует президиум из 3 лиц: председателя правительства и 2 членов из его состава.

3. В состав Республики входят губернии: Гродненская, Минская, Могилевская, Витебская, Смоленская (последняя спорно: по усмотрению местных товарищей).

4. Обком партии Северо-западной области превращается в ЦБ КП(б) Белоруссии.

5. Председатель ЦБ партии должен быть представителем ЦК партии и правительства.

6. Права ЦБ партии и отделов правительства остаются такими же, как бывшего Обкома партии и Облискомзапа²⁶⁴.

Таким образом, условия определяли территорию республики, состав правительства и его полномочия, передавали Виленскую и Ковенскую губернии Литовской Советской республике, Смоленск фактически – РСФСР. Отношения БССР с Россией четко оговаривались последним пунктом: ЦБ КП(б)Б и правительство БССР исполняли те же функции, что и СНК Западной области и Облискомзап, и тем самым должны были подчиняться центральной власти. Так что независимость БССР должна была иметь чисто формальный характер.

²⁶⁴ Круталевич В.А. Рождение Белорусской Советской республики (ноябрь 1918- февраль 1919г.). Минск, 1979. С.138

30 декабря 1918 г. в Смоленске начала свою работу VI Северо-западная конференция РКП(б). В ней приняли участие 187 делегатов. Поскольку на конференции были представлены все коммунистические организации, действующие на территории Белоруссии, ее постановили провозгласить I съездом Коммунистической партии Белоруссии. Согласно директиве ЦК РКП(б), в доклад А. Мясникова по вопросу «Текущий момент» был включен пункт «Белорусская Советская республика». В нем содержалось предложение объявить Западную область «самостоятельной Советской Социалистической республикой Белоруссия» (ССРБ). В качестве аргумента в пользу такого шага назывался международный фактор – необходимость «замкнуть цепь советски–самоопределившихся образований». Делегаты приняли резолюцию о провозглашении ССРБ без обсуждения.

В тот же день 30 декабря отдельное постановление было принято по вопросу о территории ССРБ: в ее состав были включены Минская, Смоленская, Могилевская, Витебская и Гродненская губернии с прилегающими к ним местностями соседних губерний, населенных преимущественно белорусами.

Постановления I съезда КП(б)Б не устранили противоречий между ЦБ КП(б)Б, где большинство составили сторонники А. Мясникова и В. Кнорина, считавшие провозглашение ССРБ временным явлением, и белорусскими секциями РКП(б).

В состав избранного I съездом Центрального бюро КП(б)Б от белорусских секций вошли Д. Жилунович и И. Лагун. На первом заседании ЦБ КП(б)Б 31 декабря 1918 г. Д. Жилунович предложил объединить на паритетных правах Центральное бюро белорусских коммунистических секций, избранное на Московской конференции 21-23 декабря, с Центральным бюро, избранным съездом в Смоленске. Предложение было отклонено.

ЦБ КП(б)Б приняло постановление о ликвидации Центрального бюро белорусских секций РКП(б), а белорусским секциям, действующим за

пределами республики, было дано право работать под руководством ЦБ КП(б)Б. Д. Жилунович отверг такой вариант, вместе с И. Лагуном заявил о выходе из ЦБ КП(б)Б и потребовал сделать перерыв для переговоров с центром. Ему в этом отказали, указав при этом на нарушение им партийной дисциплины.

Чтобы не допустить дальнейшего углубления конфликта, в него на стороне А. Мясникова вмешался Сталин. Он объяснил, что «Белорусское правительство получает директивы непосредственно от ЦК партии через Мясникова как представителя последнего», потребовал срочного выезда временного белорусского правительства в Минск и опубликования манифеста. По словам В. Круталевича, предпочтение, отданное Сталиным группе А. Мясникова, объясняется лучшим пониманием последним общей политической ситуации вокруг образования ССРБ и замкнутостью Жилуновича и его сторонников на национальном вопросе, игравшем в тот период второстепенную роль при принятии соответствующих решений центром²⁶⁵.

Временное рабоче-крестьянское правительство ССРБ было сформировано из двух групп: из членов ЦБ белорусских секций РКП(б) и из ответственных деятелей и партработников Западной области. Большинство постов, включая и ключевые (НКВД, национальных дел, земледелия, путей сообщения и финансов), заняли представители руководства Западной области – фактически противники создания белорусской национальной государственности. Белнацкому оставили представительские функции и чисто декоративные в условиях войны и разрухи должности, например, наркомат иностранных дел (Фальский). Даже должность председателя правительства (Жилунович) в таких условиях не обеспечивала преобладающих позиций – ведь полномочным представителем центра был А. Мясников, занимавший в белорусском правительстве пост наркома по военным делам.

²⁶⁵ Круталевич В.А. Рождение Белорусской Советской республики ... С. 142.

Манифест об образовании ССРБ был подписан 1 января 1919 г. Д. Жилуновичем, А. Мясниковым, Ивановым, А. Червяковым и Рейнгольдом и опубликован в ночь с 1 на 2 января 1919 г. Он стал важным политическим документом конституционного значения. Манифест объявлял власть Белорусской рады²⁶⁶ свергнутой и несуществующей, а Белоруссию торжественно провозглашал «свободной, независимой Социалистической Советской республикой», власть в которой принадлежит рабочим, крестьянским, батрацким и красноармейским депутатам, живущим в Белоруссии. Земля, недра, леса и воды, железные дороги и пути сообщения, почтовые, телеграфные и телефонные сети, фабрики, заводы и банки становились достоянием рабочих и бедного крестьянства Белоруссии, повсеместно вводился 8-часовой рабочий день. Упразднялось всякое сословное и национальное неравенство, правительство обещало навести «революционный порядок», под которым понималась и «беспощадная кара» всех контрреволюционных выступлений²⁶⁷.

Название республики в первое время было неустоявшимся: в манифесте она именовалась «Белорусской советской республикой» и «Белорусской социалистической советской трудовой республикой». Название Советская Социалистическая республика Белоруссия было закреплено лишь 4 февраля 1919 г. в принятой на I съезде Советов Белоруссии Конституции²⁶⁸.

В связи с провозглашением ССРБ Облискомзап 3 января 1919 г. принял постановление о самороспуске и о переходе всей власти к Временному революционному рабоче-крестьянскому правительству Белоруссии. Это постановление было утверждено Президиумом ВЦИК 11 января 1919 г. 5 января 1919 г. правительство ССРБ переехало из Смоленска в Минск²⁶⁹.

Таким образом, на переломе 1918-1919 гг. Кремль, столкнувшись с реальной опасностью польской территориальной экспансии в Белоруссии,

²⁶⁶Т.е. Рады БНР.

²⁶⁷ Турук Ф. Указ. соч. Прил. 27. С.129

²⁶⁸ Круталевич В.А. Рождение Белорусской Советской республики ... С.149.

²⁶⁹ Коршук В., Платонов Р. и др. Государственность Беларуси... С. 64.

принял и провел в жизнь решение о создании ССРБ. Это решение не было подготовлено предшествующим развитием белорусского национального движения, не стало результатом широкого массового движения. Поэтому его вполне можно считать тактическим, а не стратегическим шагом, продиктованным складывавшимися международными обстоятельствами. Вместе с тем нельзя не указать на то, что принятое во многом ad hoc решение вело к ряду побочных последствий. Позитивным для власти можно считать затруднение им деятельности лагеря Белорусской народной республики, в создании которой, как отмечалось выше, внешний фактор также сыграл далеко не последнюю роль. А вот расширение социальной базы советской власти в Белоруссии за счет тех групп населения, которых не удовлетворяли одни только проведенные и обещанные большевиками социальные преобразования, таило в себе как позитивные, так и негативные моменты, особенно с точки зрения ортодоксальных марксистов, последовательных противников всего, что было связано с национальными моментами.

Нет ничего удивительного в неоднозначности первой реакции белорусского общества на провозглашение ССРБ. Эта акция не обсуждалась предварительно ни на страницах печати, ни в местных Советах. Советскими работниками государственная самостоятельность отождествлялась с политической и экономической изоляцией, ослаблением хозяйственных связей с Россией, заигрыванием с националистами. Местными Советами принимались резолюции о нежелании создавать белорусские государственные органы, организовывать самостоятельное государство. Об этом, в частности, сообщали Чичерину в начале января 1919 г. представители НКВД в Белоруссии Машицкий и Литве Д.Ю. Гопнер. Если первый сделал акцент на продемонстрированное делегатами минского съезда, провозгласившего создание ССРБ, опасение перед ростом национализма²⁷⁰, то Гопнер отметил такой очень важный момент, что причиной согласия участников совещания

²⁷⁰ АВП РФ. Ф.151. Оп.2. П.2. Д.10. Л.41.

ответственных партийных работников в Витебске проводить в жизнь решение Москвы по Белоруссии помимо партийной дисциплины, стало доверие «центру в вопросах международной ориентации»²⁷¹. Создание самостоятельной ССРБ привело также к разногласиям среди белорусских коммунистов. Некоторые из них оспаривали решение ЦБ КП(б)Б о ликвидации национальных белорусских секций и даже пытались создать Белорусскую компартию. ЦБ КП(б) обвинил сторонников этой позиции в ведении националистической пропаганды, в том, что они «поставили целью дезорганизовать коммунистическую и советскую работу на местах и ведут национальную агитацию»²⁷².

Инструментальный, тактический характер решения о создании ССРБ, его обусловленность внешнеполитическими соображениями, нашли подтверждение в принятии 16 января 1919 г. ЦК РКП(б) решения об отделении от ССРБ Витебской, Могилевской и Смоленской губерний и передаче их РСФСР*. На первый взгляд, это было алогичное решение: ведь прошло всего лишь две недели с момента создания ССРБ с вполне определенными границами, и вдруг центр их сужает так существенно, что ни о какой корректировке говорить не приходится. В связи с этим закономерен вопрос, а чем же было продиктовано это решение? Прямого ответа на него в известных нам документах нет, но, судя по последующему развитию событий, помимо противодействия партийных и советских органов этих губерний их

²⁷¹ Там же. Л.4-5.

²⁷² Там же. Л.36.

* Интересно, что решение об отторжении от ССРБ трех губерний было с недоумением встречено и наркомом иностранных дел Чичериным: он считал, что это скомпрометирует саму идею буферных республик. 26 января 1919 г. Чичерин писал Иоффе: «Я знаю, что в некоторой части территорий, включенных в Белорусскую республику, имеется против этого серьезная оппозиция и притом деловым образом обоснованная. Но отделение трех губерний, после которого фактически в распоряжении Белоруссии осталась только Минская губерния, не идет ли слишком далеко?». Чичерин считал, что даже в том «преходящем и скорее формальном виде», который ей предназначен, ССРБ вряд ли сможет существовать в столь усеченном составе. Сам факт отделения сейчас же после включения ставит белорусов в крайне неудобное положение. Еще можно было бы понять некоторую корректировку территории за счет частей Смоленской и Витебской губерний, ошибка же на 75 процентов недопустима». - АВП РФ. Ф.04. Оп.51. П.326. Д.55002. Л.4. Это можно трактовать так, что с ним решение по ССРБ не консультировалось.

включению в состав ССРБ, определенную роль сыграли соображения внешнеполитического характера.

17 января 1919 г. Гопнер телеграфировал Чичерину, что вопрос о границах Белоруссии не будет, вероятнее всего, представлять особых трудностей. Планировавшуюся центром для согласования границ новых республик конференцию представителей советских Белоруссии, Украины, Литвы и Латвии он даже не считал нужным проводить в Москве, достаточно было бы собрать их в Минске или Двинске и решить этот вопрос там при посредничестве самого Гопнера. Для этого он просил сообщить мнение ЦК РКП(б) об окончательном варианте границы, приемлемом для Москвы²⁷³.

Неожиданно для Москвы решение ЦК РКП(б) вызвало противодействие руководителей ССРБ. Д. Жилунович и другие белорусские лидеры (Шантыр, Дыло, Червяков, Пузырев, Кваченок) направили протест в Москву, утверждая, что отделение от ССРБ трех губерний нарушает провозглашенные принципы и пагубно отразится на жизненных интересах белорусского пролетариата и крестьянства. Недовольный их реакцией центр направил в Минск А.А. Иоффе, известного советского специалиста по вопросам внешней политики, наделив его широкими полномочиями. Он должен был убедить белорусских коммунистических лидеров, что решение ЦК РКП(б) пересмотру не подлежит.

22 января 1919 г. вопрос территориальных изменений обсуждался на заседании ЦБ КП(б)Б с участием А. Иоффе. Он напомнил, что решение о создании ССРБ мотивировалось исключительно внешнеполитическими причинами. Отметив необходимость «поставить барьер, который выдержит первый натиск империалистов», Иоффе заметил, что создание самостоятельных национальных республик имеет и свою «опасную сторону – дает возможность развиваться мелкобуржуазному национализму». Чтобы избежать этого, ЦК РКП(б) предложил ССРБ начать переговоры с Советской Россией об объединении. Причем была особо подчеркнута необходимость

²⁷³ АВП РФ. Ф.151. Оп.2. П.2. Д.10.Л.35.

длительных переговоров, т.к. «скорое включение Белорусской республики в Советскую Россию уничтожит все выгоды существования буферов». В заключение Иоффе сообщил об окончательном характере решения ЦК РКП(б) ограничить территорию ССРБ Минской и Гродненской губерниями²⁷⁴. Аргументация центра по этому вопросу была следующей: республика буферная и нужна постольку, поскольку граничит с другими странами. Смоленская, Витебская и Могилевская губернии не граничат с другими странами, поэтому их можно исключить²⁷⁵.

В докладе Свердлову, Ленину, Троцкому и Чичерину от 24 января 1919 г. из Минска Иоффе настаивал на необходимости проявить твердость и не менять принятого решения²⁷⁶. Считая, что и после утверждения решения о разделе Белоруссии ЦБ будет его саботировать, Иоффе предлагал оставить в Минске только часть областников, а остальных убрать и заменить московскими представителями и частично местными работниками, сохранить Западный округ и Западный фронт в неизменном виде, а Реввоенсовет Белорусской республики упразднить, ибо его существование только на руку сепаратистам и националистам. Но поддерживал «возражение всех местных людей», особенно польских коммунистов, что Белоруссию должны защищать местные, а не присланные из центральных русских губерний войска. В пользу тезиса о том, что в советском руководстве считались с большой вероятностью войны с Польшей, служит приведенный Иоффе аргумент, что для разложения белых польских войск как нельзя лучше приспособлены именно польские части РККА. Русские же части лишь будут способствовать росту шовинизма в Польше и в Литве²⁷⁷.

Решение центра об уменьшении территории ССРБ вызвало негативную реакцию не только национал-коммунистов, но и сторонников областной концепции. Те и другие считали, что отделение трех губерний, фактически

²⁷⁴ Коршук В., Платонов Р. и др. Государственность Беларуси... С.66

²⁷⁵ Там же. С.67.

²⁷⁶ АВП РФ. Ф.04. Оп.51. П.326. Д.55001. Л.1.

²⁷⁷ Там же.

половины республики, приведет к усилению позиций буржуазных националистов и расколу в КП(б)Б. Решено было послать в Москву на переговоры с Лениным двух представителей Центрального бюро Коммунистической партии Белоруссии – Рейнгольда и Пикеля. Изменить решения центра они, естественно, не сумели. Но зато на этих переговорах они узнали о новом решении ЦК РКП(б) – объединить Белорусскую и Литовскую советские республики.

Конфликт белорусских коммунистов с фактически правившим в Белоруссии командованием Западного фронта, безусловно имевшим в условиях постоянной военной угрозы большой вес для Москвы, а также подозрения руководителей ССРБ в национализме подтолкнули центр к корректировке своей позиции относительно того, как должны выглядеть буферные республики на бывшей территории Великого княжества Литовского. К тому же Иоффе сигнализировал из Минска, что границы Белоруссии в пределах Минской и Гродненской губерний, полностью совпадают с волей населения Белоруссии, поэтому никаких территориальных споров между ССРБ и РСФСР нет²⁷⁸, зато важную проблему представляли собой спорные между Белоруссией и Польшей Бельский и Белостокский уезды Гродненской губернии. При этом он ссылаясь на опасения польских коммунистов, что продвижение частей Красной армии на польскую территорию, или на территорию, на которую претендует польское правительство, может создать *casus belli*²⁷⁹.

Другой непростой проблемой, с которой столкнулась Москва после создания ССРБ, стало национальное размежевание в Гродненской губернии между Белорусской и Литовской советскими республиками. В декабре 1918 г. части Красной армии, двигаясь вслед за уходившими в Германию немецкими войсками, заняли Гродненскую и Виленскую губернии. Повсеместно стали создаваться советские органы власти. Нелегальное временное революционное

²⁷⁸ АВП РФ. Ф.04. Оп.51. П.326. Д.55001. Л.3.

²⁷⁹ Там же.

правительство Литвы, созданное в Вильно еще 8 декабря 1918 г., 16 декабря издало манифест о провозглашении советской власти в Литве и Западной Белоруссии.

Польское население Литвы и Белоруссии создало систему самообороны – Комитет защиты восточных окраин (КОК, Komitet obrony kresów), который обратился за помощью к Варшаве. Это позволило Пилсудскому обосновать его экспансионистские планы лозунгом защиты поляков. 21 декабря в Вильно местные поляки создали Временную комиссию управления округом Северной Литвы, что, естественно, вызвало негативную реакцию как просоветских, так и националистических литовских властей. Для Варшавы этот шаг стал политическим прикрытием захвата Вильно: такой приказ войска получили еще 19 декабря. 1 января 1919 г. отряды польской самообороны установили контроль над ним. Однако уже 5 января в город вошли части Псковской дивизии Красной армии²⁸⁰.

Представитель НКВД РСФСР Д.Ю. Гопнер, прибывший в Вильно 7 января 1919 г., писал в Москву, что население, причем «не только трудовое», встретило Красную армию «восторженно», красноармейцы Псковской дивизии вели себя образцово, пьянства и мародерства, в отличие от других фронтов, практически не было²⁸¹. Опасения правительства советской Литвы относительно враждебного отношения населения к русским полкам Красной армии Гопнер считал преувеличенными. Напротив, по его наблюдениям, и отношение населения к русским солдатам, и поведение последних в городе было прекрасным. Вильняне были настроены настолько дружелюбно к красноармейцам, что осадное положение было снято уже 11 января²⁸².

Литовские коммунисты практически сразу поставили вопрос о границах между Литовской и Белорусской советскими республиками. Д. Гопнер в телеграмме Чичерину от 3 января 1919 г. пояснял, как они их видят. По

²⁸⁰ АВП РФ. Ф.151. Оп.2. П.2. Д.10. Л.17.

²⁸¹ Там же. Л.18.

²⁸² АВП РФ. Ф.151. Оп.2. П.2. Д.10.Л.18-19.

Сувалкской губернии он не предвидел никаких сложностей: Августовский и Сувалкский уезды литовцы были согласны отдать Польше. Спорным, таким образом, был лишь Сейнский уезд, где, по литовским данным, треть населения составляли поляки. Что касается Белоруссии, то сами литовцы считали, что в Виленской губернии Дисненский уезд следует передать в Минскую губернию, а Вилейский – в Витебскую. Ошмяны также вызывали сомнения в силу своего тяготения к Минску. Гопнер просил разъяснений только по Сокольскому и Бельскому уездам Гродненской губернии: центр требовал их «удержать за литовцами, несмотря на польское в них население, но Гродненская-то губерния отнесена к Белоруссии. Как понять?»²⁸³.

Литовские коммунисты не соглашались с решением гродненской проблемы в пользу Белоруссии. Представитель советского литовского правительства Норвид прямо заявил Чичерину в ходе их встречи, что Литва «самым решительным образом» претендует на Гродненскую губернию или, по крайней мере, на значительную ее часть, как населенную литовцами и экономически тяготеющую к Литве. Литовская республика, даже в преходящем и формальном виде, будет областью с известным внутренним единством и, по словам литовских коммунистов, не сможет обойтись без связи Вильно с Гродно²⁸⁴.

Несомненно, просигнализированная Гопнером территориальная проблема стала одним из весомых аргументов в пользу объединения советских Белоруссии и Литвы.

Вопрос о судьбе Гродненской губернии стал одним из тех, который предполагалось рассмотреть на конференции, посвященной разрешению территориальных споров. Как уже отмечалось выше, перед отъездом Иоффе в Минск НКВД планировал созыв такой конференции литовских, латышских, белорусских и украинских коммунистов. Белорусское руководство предлагало созвать ее в Минске, а не в Москве, как планировалось поначалу. Иоффе

²⁸³ Там же. Л.3.

²⁸⁴ АВП РФ. Ф.04. Оп. 51. П.326. Д. 55002. Л. 4 об.

считал, что место работы этой комиссии безразлично, но следует ее созвать как можно скорее, пригласив туда и представителей польских коммунистов, так как спор с Польшей – это самый важный вопрос. Но при этом следовало иметь в виду, что между Россией и Белоруссией нет спорных областей, что претензии «нынешнего правительства Белоруссии вовсе не соответствуют воле населения, которое вполне согласно с известным решением ЦК РКП»²⁸⁵.

Чичерин соглашался стать посредником в разрешении территориального спора. Он отметил в связи с этим, что его предложение относится к конференции, которую НКВД созывает в Москве после того, как ему будут представлены территориальные требования. Но эти требования, подчеркивал нарком, следовало подкрепить серьезными аргументами, и вообще этот вопрос следовало рассмотреть серьезно, с учетом постановлений местных Советов. Что касается уменьшения Белоруссии на $\frac{3}{4}$, то, хотя Чичерин и согласился с аргументами о необходимости борьбы с национализмом и сепаратизмом, но считал, что нужно было найти какой-то компромисс²⁸⁶.

Иоффе решительно настаивал на правильности отторжения от ССРБ трех губерний: 29 января 1919 г. он сообщал председателю ЦИК Я.Свердлову и Чичерину, что «на месте убедился, что неуклонное проведение известного решения ЦК совершенно необходимо», и потому следует «с наибольшей твердостью» отвергнуть все домогательства областников». Соображения же Чичерина, теоретически совершенно правильные, на практике воплощать в жизнь «ввиду настроения здешних центров прямо опасно». Менять решение по поводу отторжения областей от Белоруссии не следует, «помимо всего прочего также и потому, что, в конце концов, все это серьезно подрывает авторитет ЦК»²⁸⁷.

²⁸⁵ АВП РФ. Ф.04. Оп.51. П.326. Д.55001. Л.8.

²⁸⁶ Там же. Д.55002. Л. 4 об.

²⁸⁷ АВП РФ. Ф.04. Оп.51. П.326. Д.55001. Л.10.

30 января 1919 г. на имя председателя правительства ССРБ Жилуновича пришла телеграмма от Свердлова: «Делегатам ЦБ самым решительным образом отказано в отмене решения Цека, подтверждаю: Витебская, Смоленская, Могилевская губернии отходят, остаются в Белоруссии две губернии – Минская, Гродненская. Добавляю решение Цека провести на съезде Белоруссии объединение с Литвою... В Могилеве линия Цека пройдет несомненно. В Витебске тоже, Смоленск под сомнением, но подчинение будет безусловным, как и на съезде в Минске...»²⁸⁸.

На следующий день, 30 января 1919 г., Иоффе прислал в центр еще один доклад с разъяснением своей позиции, где вновь настаивал на объединении двух республик: Иоффе оговаривался, что никогда не был сторонником такого решения, и даже, как это было известно Чичерину, на заседании ЦК выступал против него, но в Минске ему пришлось убедиться в том, что обе части белорусского правительства (областники и белорусские коммунисты. – *Д.К.*) настроены одинаково опасно. Поэтому ни в коем случае нельзя им дать почувствовать себя «настоящим правительством настоящей республики». Территорию лучше не увеличивать, так как «чем больше будут размеры территории, тем больше также станут размеры их собственного величия в их собственных глазах. Поэтому, хотя принципиально Вы совершенно правы, но на практике приходится особенно стараться избегать тех опасностей, которые создаются при проведении в жизнь этой быть может все же не совсем удачной политики создания буферных государств».

Плюсом в решении о создании Литбела Иоффе считал то, что «если удастся устроить унию, то и Белорусский и Литовский национализмы будут в значительной степени друг друга нейтрализовать и потому я и считаю это наиболее счастливым решением вопроса». Литовские коммунисты, сообщал он, пришли в восторг от этого плана. Комиссию в Москве по территориальным спорам, по мнению Иоффе, создать было необходимо, и он, как только

²⁸⁸ Коршук В., Платонов Р. и др. Государственность Беларуси... С.70.

определился состав руководства «здешней республики», обещал прислать туда ее представителя. Иоффе считал к тому же необходимым включить в состав комиссии польского делегата²⁸⁹.

1 февраля 1919 г. состоялось расширенное заседание ЦБ КП(б)Б с участием Я. Свердлова и членов Литовской и Польской компартий. Обсуждался вопрос объединения Литвы и Белоруссии, создания объединенного правительства, месте его пребывания, новых границ партийной работы и подготовки партийного съезда.

2 февраля 1919 г. в Минске начал свою работу I Всебелорусский съезд Советов. Он постановил удовлетворить ходатайство Советов Смоленской, Витебской и Могилевской губерний о выходе из ССРБ, начать переговоры с РСФСР об установлении федеративной связи между ней и ССРБ. Делегаты обратились ко всем независимым братским социалистическим республикам с предложением последовать их примеру и приступить к переговорам об установлении федеративной связи между собой и с РСФСР.

Согласно декларации об объединении советских республик, I Всебелорусский съезд Советов, учитывая общность политических и экономических интересов Белоруссии и Литвы, выступление «единым контрреволюционным фронтом» Литовской Тарибы и Белорусской рады, а также «сознавая необходимость скорейшего разгрома белогвардейского белорусско-литовского правительства», постановил: «Признать необходимым немедленное слияние Белорусской Советской республики с Литовской Советской республикой, поручив проведение в жизнь слияния и организацию единого правительства органу власти, выделенному съездом»²⁹⁰.

Одновременно со съездом Советов Белоруссии в Вильно проходила II конференция Компартии Литвы и Белоруссии. Конференция приняла следующую декларацию: «Принимая во внимание, что 1) целью коммунистического движения является не разъединение, а объединение

²⁸⁹ АВП РФ. Ф.04. Оп.51. П.326. Д.55001.Л.13.

²⁹⁰ Коршук В., Платонов Р. и др. Государственность Беларуси... С.69.

пролетарских масс разных стран и народов, 2) что Литва и Белоруссия как по своим хозяйственным условиям, так и по национальному составу представляют много сходств, 3) что общая борьба с надвигающейся со стороны буржуазной Польши контрреволюционной опасностью требует создания единого фронта, – II конференция Коммунистической партии Литвы и Белоруссии считает унию Литвы с Белоруссией в высшей степени желательной»²⁹¹.

Слияние республик одобрил затем и I съезд Советов Литвы, состоявшийся 18-20 февраля 1919 г. Он же и провозгласил официально образование Литовско-Белорусской Советской социалистической республики²⁹². В состав Литбела вошли Виленская, Минская, части Гродненской и Ковенской губерний, общей площадью около 207 тыс. км² и с населением около 4 млн. человек.

Для защиты советских республик Литвы и Белоруссии 12 февраля 1919 г. был создан Западный фронт в составе трех армий – 7-й, Латвийской и Западной (с марта – Белорусско-литовской)²⁹³.

27 февраля 1919 г. был избран общий ЦИК ЛитБела во главе с К. Циховским и создано ее правительство - СНК – во главе с В. Мицкевичем-Капсукасом. В начале марта 1919 г. в Вильно состоялся объединительный съезд компартий Белоруссии и Литвы, который постановил образовать единую КПЛиБ и избрал ее Центральный комитет²⁹⁴.

Несомненно, главной причиной изменений в статусе «буферных» республик Белоруссии и Литвы был внешнеполитический фактор. Однако, судя по проанализированным выше документам, помимо военных соображений, важную роль в объединении Белоруссии с Литвой играли и опасения перед усилением националистических настроений в руководстве

²⁹¹ История Беларуси. Под ред. А.Кохановского, О.Яновского. Минск, 2001. С. 277.

²⁹² Там же. С. 279.

²⁹³ Польско-советская война 1919-1920 г. Не опубликованные ранее документы и материалы. Ч.1. С. 7.

²⁹⁴ Там же. С. 8.

только что провозглашенных республик, питательной почвой для которого мог стать территориальный спор между ними.

II.3. Место Советской Белоруссии в западном направлении внешней политики Москвы в 1919 году

В начале февраля 1919 г. на первый план на западном направлении советской политики вышло предотвращение угрозы военного столкновения с Польшей. НКИД форсировал свои попытки начать официальные переговоры о мире. Получив 7 февраля ноту польского министра иностранных дел И. Падеревского с сообщением о направлении в Москву для переговоров спецпосланника польского правительства Александра Венцковского, Чичерин уже 10 февраля 1919 г. направил в Варшаву ответную ноту, в которой подчеркивалась добрая воля Советской России к возвращению Польше ее имущества, культурных ценностей, к устранению причин конфликтов и установлению нормальных отношений. Но что касается территориальных вопросов, то он предлагал разрешать их непосредственно с Литовской и Белорусской советскими республиками, обещая со стороны Москвы лишь дипломатическое посредничество²⁹⁵. Таким образом, Москва недвусмысленно давала понять, что именно она стоит за спиной этих республик и не допустит силовых захватов.

В НКИД опасения вызывало поведение польских коммунистов, крайне враждебных варшавскому правительству и способных, по мнению Чичерина, сорвать планируемые переговоры. 8 февраля 1919 г. нарком, обеспокоенный настроениями польских коммунистов в Москве, просил представителя Кремля в Вильно А. Иоффе принять все меры, чтобы удержать Польскую дивизию или каких-либо польских повстанцев от вторжения с подконтрольной Советам литовской территории в этнические польские земли, «каковыми являются

²⁹⁵ ДМИСПО. Т. II. М., 1964. С.98-100.

губернии Царства Польского, иначе говоря, конгрессовка». Чичерин опасался, что такие действия спровоцируют польское правительство на войну против Советской России, причем полагал, что, если таких провокаций не будет, то войны удастся избежать. Так же следовало поступать и по отношению к таривовской Литве²⁹⁶.

Иоффе считал необходимым использовать будущие переговоры в Москве для того, чтобы добиться от Варшавы согласия на прямые переговоры с Литовско-Белорусской советской республикой. 14 февраля 1919 г. он писал Чичерину из Вильно, что в переговорах о границе с Польшей лучше всего указывать, что Россия с Польшей не граничит, и этот вопрос она должна разрешить с Литвой и Белоруссией. Он также указывал, что в этническую Польшу никто из виленских коммунистов вторгаться не думает, но вот «Белосток вызывает здесь серьезные сомнения». Однако эти сомнения, по их мнению, следовало разрешить путем переговоров между советским руководством и польскими лидерами.

По этому поводу Иоффе просили направить полякам ноту, проект которой он прилагал к своему письму. В нем сообщалось о готовящемся объединении советских республик Литвы и Белоруссии; заявлялось об их миролюбии по отношению к Польше; содержался протест против вторжения польских войск в Гродненскую губ., в частности, в Белосток, который «чувствует свою неразрывную связь с Советскими республиками Литвы и Белоруссии»²⁹⁷. От имени Временного рабоче-крестьянского правительства Литвы и Белоруссии выражалась готовность полюбовно разрешить все пограничные споры, для чего предлагалось создать смешанную комиссию из представителей Литвы, Белоруссии и Польши²⁹⁸.

Однако не все в Вильно разделяли эту примирительную позицию. Польские коммунисты не доверяли сведениям о готовящихся мирных

²⁹⁶ АВП РФ. Ф. 04. Оп.51. П.326. Д.55002. Л.11.

²⁹⁷ АВП РФ. Ф.04. Оп.51. П.326. Д.55001. Л.18.

²⁹⁸ Там же. Л.19.

переговорах, не верили в мирные намерения польского правительства, и потому желали ускорения открытой конфронтации, чтобы не быть застигнутыми врасплох²⁹⁹. Как показали дальнейшие события, они вернее оценивали намерения руководства возрожденного Польского государства, чьи территориальные амбиции были значительно обширнее, чем только Белостокский округ.

5 февраля 1919 г. под давлением Франции было подписано германо-польское соглашение об эвакуации германских войск из Литвы и Белоруссии и их замены польскими войсками. 9-14 февраля германские войска пропустили польские части через свои порядки до линии р. Неман до Скиделя – р. Зельвянка – р. Ружанка – Пружаны – Кобрин. Затем поляки заняли Белосток, откуда ушли германские части. С февраля 1919 г. возник сплошной советско-польский фронт от р. Неман до р. Припять. 18 февраля под нажимом Франции было подписано германо-польское перемирие в Познани, что позволило полякам перебросить войска на восток. 2 марта польские части ген. С. Шептицкого заняли Слоним, 5 марта части ген. А. Листовского – Пинск. Советские войска были вынуждены отходить, поскольку 4 марта началось наступление войска Колчака на Восточном фронте и туда стали перебрасываться части с запада. Положение ЗФ осложнилось³⁰⁰.

15 февраля 1919 г. Чичерин, обеспокоенный долгим отсутствием ответа о маршруте следования Венцковского в Москву, писал Иоффе о своих подозрениях по поводу польских коммунистов, вошедших в литовское правительство (Уншлихта, Лещинского и Бобинского): «Это узкие люди с приходскими интересами, они готовы втянуть нас в войну с Польшей ... Среди здешних п.с.д.-ков говорят, что польские коммунисты решили по дороге арестовать Венцковского».

²⁹⁹ Там же. Л.15-16.

³⁰⁰ Мельтюхов М.И. Советско-польские войны: военно-политическое противостояние 1918-1939 гг. М., 2001. С. 21.

Требуя «держать в руках» польских коммунистов и их безоговорочного подчинения директивам ЦК, Чичерин напоминал, что решение принять Венцковского было продиктовано желанием «не создать себе нового фронта». Опасения, писал он, что война может начаться из-за любого пустяка, очень сильны: маршал Фош 25 января потребовал от Германии пропуска польских войск для борьбы против большевиков. В связи с этим Ленин даже пригрозил, что если польские коммунисты не будут пропускать Венцковского, то из Москвы пришлют отряд, чтобы открыть ему путь. Чичерин прямо указывал, что главное в данный момент – обеспечить безопасный проезд Венцковского в Москву³⁰¹.

Тревожное письмо Чичерина вызвало недоумение Иоффе, считавшего необоснованными подозрения в несоблюдении польскими коммунистами партийной дисциплины и интересов государственного строительства новых республик. В письме Чичерину от 18 февраля 1919 г. он пытался развеять предубеждение наркома на этот счет, сообщая, что польские коммунисты в литовском правительстве не только не хотят «нас втянуть в войну, но наоборот, требуют гораздо большей уступчивости, чем, по-моему, следует. Они все время требовали, чтобы мы сейчас постановили, что Белостокский и Бельский уезды должны быть отнесены к Польше, и с большим трудом мне удалось в отношении Белостокского уезда провести другую точку зрения, выраженную в присланной Вам ноте Польше»³⁰².

22 февраля 1919 г. Иоффе в докладе Свердлову, Ленину, Троцкому и Чичерину просил ускорить решение вопроса о создании отдельного военного округа в границах Литбел и сообщал, что военное положение в регионе «почти безнадежно... поляки освобождают свои силы подо Львовом и перебрасывают их сюда. По-видимому, имеют строжайший приказ Антанты наступать на нас...»³⁰³.

³⁰¹ АВП РФ. Ф.04. Оп.51. П.326. Д.55002. Л.18.

³⁰² Там же. Д.55001. Л.20.

³⁰³ АВП РФ. Ф.04. Оп.51. П.326. Д.55001. Л.24-25.

Накануне приезда А. Венцковского в Москву имел место весьма важный для советской стороны международный контакт. 13 марта 1919 г. Чичерин «под величайшим секретом» сообщал Иоффе о том, что на несколько дней уезжал в Петроград для встречи с начальником политического информационного отдела американской мирной делегации в Париже У. Буллитом³⁰⁴. Он был доверенным представителем В. Вильсона и Д. Ллойд Джорджа, которые без ведома Франции хотели обсудить с большевистским руководством приемлемое для обеих сторон соглашение по территориальному вопросу. О цели этих переговоров Чичерин сообщал Иоффе следующее: «Ультимативно требуется [от нас], чтобы было приостановление военных действий, но он согласен, чтобы оно началось перед самой конференцией, и чтобы конференция продолжалась определенное короткое время». Американский представитель заявил, что его руководство хочет, чтобы правительства продолжали владеть тем, чем они владели на момент перемирия, пока само население не сменит это правительство голосованием или восстанием».

В ответ Чичерин потребовал, чтобы на конференции было отдельно оговорено, чем будет владеть каждое правительство. Антанта соглашалась вывести свои войска из России при условии уменьшения численности советских войск, что нарком отверг и вступил в дискуссию, чем можно заменить такое условие³⁰⁵.

В итоге, 12 марта, после принятия Буллитом поправок, признанных им вполне приемлемыми, был выработан проект окончательного соглашения, который Советское правительство обязывалось принять, если он будет предложен до 10 апреля³⁰⁶. Проект предполагал созыв специальной конференции для заключения соглашения на основе определенных, заранее установленных принципов, а именно: воюющие стороны в России перестают

³⁰⁴ Документы внешней политики СССР. Т.2. М., 1958. С.602.

³⁰⁵ АВП РФ. Ф. 04. Оп.51. П.326. Д.55002. Л.28.

³⁰⁶ Документы внешней политики СССР. Т.2. М., 1958. С.602.

стремиться свергать друг друга силой, сохраняют в своем распоряжении занимаемые ими территории, за исключением изменений, которые были бы произведены этой конференцией, причем само население этих территорий могло бы вслед за тем изменить у себя политический строй; блокада снимается, и Советская Россия получает свободу товарообмена и сношений с другими странами; Антанта обязуется прекратить оказание какой бы то ни было помощи борющимся против Советского правительства группировкам; все воюющие стороны проводят у себя политическую амнистию; между Советскими республиками и государствами Антанты восстанавливаются дипломатические сношения³⁰⁷.

Несмотря на то, что далеко идущих последствий эта встреча не имела (учитывая благоприятные для белых изменения на фронтах гражданской войны, в частности, успехи Колчака на Восточном фронте, английское руководство отказалось от соглашения), она в тот момент позволяла советским лидерам полагать, что в принципе Англия и США не против признания Советской России при благоприятных условиях.

Кроме того, в свете петроградских переговоров, у Москвы могло создаться впечатление, что начавшееся в феврале 1919 г. польское наступление могло быть и следствием осведомленности польского руководства о позиции Великобритании и США по поводу «де-факто правительств». Поэтому оно старалось занять как можно большие территории на востоке, рассчитывая, что в текущей ситуации Антанта вероятнее всего признает эти завоевания. У Москвы, таким образом, оставался только моральный козырь: нужно было всеми силами демонстрировать свои мирные стремления и стараться как можно скорее установить дипломатические отношения с Польшей, вступив с ней в переговоры по территориальному вопросу.

³⁰⁷ Там же. С.603.

15 марта 1919 г. Иоффе писал Чичерину в ответ на его «конспиративное письмо по поводу поездки в Питер», что, если принимать предложенное соглашение, то делать это надо как можно скорее, т.к. «фактические территории быстро меняются: вчера взят Слоним, угрожают Барановичам, взят Шавеш, угрожают Поневежу, наконец со дня на день ожидается наступление немцев из Ковно на Вильну. Если кончат, то нам очень важно было бы, чтобы занимаемая нами теперь часть Литвы и Белоруссии оставалась за нами. Я бы советовал форсировать это»³⁰⁸. Иоффе также выражал надежду, что в переговорах с Венцковским НКВД будет «отклонять всякие переговоры о Литве и Белоруссии, ссылаясь на самостоятельность этой республики. В противном случае ведь не имело смысла играть всю эту комедию»³⁰⁹.

Таким образом, несмотря на уже начавшееся польское наступление, советское руководство надеялось удержать за собой хотя бы часть белорусских и литовских территорий до того момента, когда дипломатическим путем, с помощью Антанты, удастся закрепить территориальный статус-кво. Самостоятельный статус Литовско-Белорусской советской республики должен был при этом позволить исключить вопрос о судьбе этих территорий из круга обсуждаемых в Москве проблем.

Одновременно советская сторона пыталась создать морально неблагоприятную атмосферу для нападения Польши на территории, которые она считала принадлежащими ей как по историческому праву, так и вследствие доминирующего польского культурного и экономического влияния на этих землях. В то же время Польше давали понять, что она может рассчитывать на часть спорных территорий, в частности, Белостокский округ, если согласится мирно урегулировать конфликт и признать новые советские республики. В этом отношении очень характерна нота, направленная виленским коммунистическим правительством МИД Польши от 16 февраля 1919 г. В ноте говорилось, что «трудовые массы Белостокского уезда

³⁰⁸ АВП РФ. Ф. 04. Оп.51. П.326. Д.55001. Л.29.

³⁰⁹ Там же.

чувствуют свою неразрывную связь с Советскими республиками Литвы и Белоруссии, несмотря на все затруднения, существовавшие для них при германской и польской оккупации, представители от рабочих и крестьян этого уезда принимали участие во всех съездах, имевших место за последнее время в Литве и Белоруссии. Эта связь с указанными республиками подтверждается также этнографическим составом населения этого уезда, где польский элемент составляет только меньшинство». И, тем не менее, авторы ноты предлагали Польше принять участие в намечавшейся в Москве конференции по территориальной проблеме. Литбел соглашался уступить Белосток на основании мирного урегулирования, но протестовал против насильственных действий поляков в Белоруссии, настаивая на состоявшемся самоопределении края³¹⁰.

Основной задачей советского руководства на переговорах с Венцковским было заставить Польшу согласиться на мирные переговоры, взамен на это оно было готово на территориальные уступки. Однако польский делегат не соглашался на равноправные переговоры. Польша, обладавшая достаточной военной мощью для захвата восточных территорий, склонялась к силовым действиям, чтобы быть обязанной своим международным положением и влиянием только самой себе и своей армии.

Кроме того, переговоры с Венцковским тормозились «бесконечными препирательствами»³¹¹ по второстепенной по сравнению с вопросом о мире проблеме – освобождении членов миссии Регентского совета, арестованных как заложники за расстрелянную в Польше советскую краснокрестную миссию. Чтобы преодолеть это затруднение, советское руководство согласилось их освободить, но не готово было выпустить их в Польшу, пока не будет поставлена точка в деле о внесудебной расправе над членами миссии советского Красного Креста. Венцковский же имел «императивную инструкцию» не начинать переговоров по существу, пока эти сотрудники не

³¹⁰ ДМИСПО. Т.П.М., 1964. С.105-106.

³¹¹ АВП РФ. Ф.04. Оп.51. П.326. Д.55002. Л.31.

получат разрешения вернуться в Польшу, что можно было понять только как нежелание польского руководства вступать в мирные переговоры с советской стороной. В связи с этим по общим вопросам имели место лишь предварительные дискуссии.

23 марта, чтобы придать переговорам новый импульс, Москва решила уступить в вопросе о судьбе членов миссии Регентского совета, но и после этого характер переговоров не изменился. На заявление Чичерина, что официальные переговоры о польско-литовской границе (имея в виду и белорусскую часть) должны вестись между Польшей и советской Литвой, а Москва лишь готова оказать в этом свое содействие, Венцковский ответил, что «если мы (большевики. – Д.К.) стоим за Литвой, то Антанта стоит за Польшей, и нужно будет участие представителя Антанты», в связи с чем, полагал он, может появиться возможность «для возобновления контакта между Вами и Антантой», поскольку «Нуланс очень интересуется моей поездкой»³¹².

26 марта 1919 г. Чичерин информировал Иоффе о дальнейшем ходе переговоров с Венцковским. Польский эмиссар особо интересовался формальным положением Литвы. Чичерин разъяснил ему, что это вполне самостоятельное государство, федерация которого с Россией «есть резолюция, пока еще не осуществленная», «самостоятельная Литва существует, это не московская оккупация, но занять ее как отдельное от нас государство и сказать нам «это вас не касается» поляки тоже не могут»³¹³.

6 апреля 1919 г. Чичерин сообщил Иоффе, что курьер Венцковского, выехавший в Варшаву, должен был привезти ответ Польского правительства на «основные вопросы», обсуждавшиеся в ходе переговоров в Москве³¹⁴. Но курьер так и не приехал, 19 апреля 1919 г. польская армия захватила Вильно. А вскоре и Венцковский покинул Москву и выехал в Польшу через Финляндию.

³¹² АВП РФ. Ф.04. Оп.51. П.326. Д.55002. Л.31.

³¹³ АВП РФ. Ф.04. Оп.51. П.326. Д.55002. Л.33.

³¹⁴ Там же. Л.49.

Попытка дипломатическим путем остановить польскую экспансию провалилась, в результате чего Литовско-Белорусская советская республика фактически перестала существовать. В июне 1919 г. ВЦИК РСФСР постановил образовать военно-политический союз в составе советских России, Литвы и Белоруссии, Латвии, Украины для «борьбы с международным империализмом».

Тогда же советские дипломаты предложили польскому правительству, для исчерпания конфликта, вывести как Красную армию, так и Войско Польское с территории Литвы и провести там плебисцит трудящихся по поводу государственной принадлежности и строя края. Из Белоруссии они предложили войска не выводить, а определить границу по линии фронта³¹⁵. Поляки на эти предложения не ответили, продолжая развивать наступление.

Органы власти ЛитБел переехали в Двинск, затем в Минск. В июле 1919 г. была проведена реорганизация правительства ЛитБел «согласно требованиям текущего момента и указаниям ЦК РКП». Как сообщал 21 июля 1919 г. Мицкевич-Капсукас Чичерину, «Сталин хотел уничтожить даже формальное существование нашей республики. Большинство ЦК (КП(б)ЛиБ. – Д.К.) с этим не согласилось; нас поддержал ЦК РКП». Посетив Минск в качестве члена Реввоенсовета Западного фронта, Сталин потребовал распустить центральные органы власти Литбел, в чем, по мнению С. Хомича, была своя целесообразность: к середине лета 1919 г. польская армия оккупировала большую часть республики³¹⁶. Мицкевичу-Капсукасу и ряду других членов ЦК КП(б) ЛиБ была поручена работа в тылу польских войск³¹⁷. 8 августа 1919 г. поляки заняли Минск. Красная армия была вынуждена отойти за р. Березину, где фронт стабилизировался осенью 1919 г.³¹⁸. Однако формальную ликвидацию Литбел руководство КПЛиБ, а вслед за тем и Оргбюро ЦК РКП(б) сочли нецелесообразной с международной точки зрения.

³¹⁵ Польско-советская война 1919-1920г. Ранее не опубликованные ... Ч.1. С.8.

³¹⁶ Гісторыя беларускай дзяржаўнасці ... С. 418.

³¹⁷ АВП РФ. Ф.04. Оп.51. П.326. Д.55002. Л.56.

³¹⁸ Польско-советская война 1919-1920г. Ранее не опубликованные ... Ч.1. С.7.

Был распущен Совет обороны республики, а правительство, хотя и только на бумаге, продолжало существовать. ЦК КП(б)ЛиБ переехал в Смоленск и оттуда руководил коммунистическим подпольем на территории Литвы и Белоруссии. Было организовано Бюро нелегальной работы, занимавшееся формированием партизанских отрядов и агитацией.

Таким образом, первая попытка советского руководства создать буфер между РСФСР и Польшей с помощью ССРБ, а затем ЛитБела не дала ожидаемого результата, прежде всего из-за нежелания Варшавы признавать эти, как там считали, искусственные образования. Но и после занятия Вильно и Минска польскими войсками Москва не пошла на ликвидацию проекта буферной зоны в этом регионе, сохранив на территории РСФСР советские и партийные органы Литовско-Белорусской Советской республики.

II.4. Белорусский аспект польской восточной политики в 1919 году

Вопрос о том, как понимал проблему бывших восточных окраин Речи Посполитой и путях ее решения Пилсудский, представляется довольно неоднозначным. В советской, а также в польской послевоенной марксистской историографии наиболее распространенной была точка зрения, что маршал, первоначально поддерживая федеративную концепцию, постепенно переходил на позиции правых, сближаясь с Р.Дмовским и его Национальным комитетом в Париже. Современная историография Польши, создавая зачастую апологию маршала, говорит о его безоговорочной постоянной поддержке сторонников федерации, считая даже победный для Польши Рижский мирный договор поражением Пилсудского, поскольку верх одержали сторонники инкорпорации³¹⁹.

Польский историк А. Новак считает, что «на самом деле, судя по записям проектов самого Пилсудского и их дальнейшей практической реализации, он

³¹⁹. Polska – Białoruś /1918-1945/. Zbiór studiów i materiałów. Pod red. W. Balceraka. Warszawa, 1994.

не считал федеративную и инкорпоративную модели взаимоисключающими. В беседе с В.Барановским, решительным противником эндеции, маршал выразил это очень четко: «На Востоке есть двери, которые открываются и закрываются, и все зависит от того, кто и как широко силой их откроет». В зависимости от внешне- и внутривнутриполитических условий, Пилсудский был готов включить в повестку дня инкорпоративную концепцию, а если бы появилась возможность – проводил бы более амбициозную, дающую, по его мнению, большие возможности Польше, федеративную политику»³²⁰.

Весьма показательна дискуссия эндеков и пилсудчиков на заседаниях Польского национального комитета в Париже 23 февраля – 2 марта 1919 г. Сторонники федеративного проекта увязывали создание федерации «от моря до моря» с ее антироссийской направленностью. Пилсудчики считали необходимым «отодвинуть» Россию от польской границы, т.е. создать между ней и Польшей пояс буферных государств, находящихся, разумеется, в дружбе с Польшей. Ключевыми для этой программы странами были Украина и историческая Литва, включавшая в себя и белорусские земли.

Кроме того, польскому руководству следовало учитывать и настроения белорусских поляков. Под влиянием коммунистической агитации, которая умело использовала бедственное положение крестьян и земельный голод, чтобы посеять ненависть между деревней и «панам», в Белоруссии начались нападения на польские дворы, грабежи и убийства польского населения³²¹. Польские же владения на территории, занятой Красной армией, были национализированы и переданы в управление местным – волостным и фольварочным советам³²². Поэтому федеративная идея находила в этих кругах

³²⁰ Nowak A. Polska i trzy Rosje. Kraków, 2001. S. 221.

³²¹ Krótki zarys zagadnienia białoruskiego. Warszawa, 1928. S. 79.

³²² Раздела земли между крестьянами большевики не произвели, и это было их ошибкой. В национализированных имениях создавали коллективные хозяйства, в чьем распоряжении и были отобранные у поляков владения, и которые должны были сообща ее обрабатывать. Белорусские крестьяне стремились хоть небольшой участок земли, но получить в свою собственность. Среди них пошли слухи, что большевики не дают делить землю, потому что хотят ее сохранить в целостности, чтобы вернуть потом полякам. Не добавляли доверия к коммунистам и постоянные реквизиции, к которым они были вынуждены прибегать, продолжая военные действия на и так уже разоренной войной территории. Результатом стало разочарование крестьянства

горячих сторонников. Их аргументацию можно проследить по прессе и литературе. Оспаривая мнение, что земли, входившие в состав Российской империи, должны быть возвращены (кроме Польши и Финляндии) новой России, польские авторы доказывали право Польши на обладание литовско-белорусскими территориями. Они заботились о сохранении польского землевладения и польского культурного влияния на белорусских землях и требовали от польской делегации в Париже поддержки своих требований.

Как пример можно привести мемориал «Политическое положение Белоруссии», поданный представителем Национальных польских советов графом Леоном Лубеньским 10 декабря 1918 г. премьер-министру И. Падеревскому. Он доказывал неспособность Литвы и Белоруссии к самостоятельному политическому существованию в качестве отдельных государств и предлагал добиваться на конференции их объединения в границах исторической Литвы, тесно связанной военно-политическим союзом с Польшей. Такое объединение, по его мнению, обеспечило бы как интересы национального развития литовцев и белорусов, так и положение польского населения³²³. Включая в себя полностью и литовские, и белорусские территории, оно снимало бы вопрос пограничных споров в этой части Европы, а персональная автономия и союз с Польшей полностью бы удовлетворили требования местных поляков³²⁴. Главное же, как писал тот же Лубеньский в пояснениях к своему мемориалу уже 25 апреля 1919 г., что таким образом эти территории переставали быть частью сферы российского влияния³²⁵.

В небольшом издании В. Лютославского белорусы названы «населением, переходным между поляками и москвитами». Их язык, продолжал автор, похож на язык русинов (украинский), но ближе к польскому, чем к русскому. Белорусы легко понимают польский, а поляки – белорусский

в коммунистах, которых сначала встретили с большим энтузиазмом. - Raport wojskowy informacyjny z dnia 16 stycznia 1919 r. //РГВА. Ф. 308. Оп. 9. Д.1105. Л.107.

³²³ AAN. Zespół Archiwum I. Paderewskiego. T. 946. S. 26-37.

³²⁴ AAN. Zespół Archiwum I. Paderewskiego. T.946. S. 36.

³²⁵ Ibidem. S. 38.

язык, причем белорусы-католики часто и в повседневной жизни используют польский³²⁶. Повторяя обычные фразы о национальной неразвитости белорусов, автор подводил к мысли об органичности присоединения белорусских земель к польскому государству. Эта идея подкреплялась утверждениями о цивилизаторской миссии польского населения на востоке Европы, о том, что Польша несет европейский порядок и законы на территории, которые иначе подпадут под азиатское и варварское влияние «москвитов»³²⁷. Кроме того, автор доказывал, что для великих держав необходимо, чтобы Польша была именно таким многонациональным государством-мостом между Россией и Германией, не позволяя усилиться ни той, ни другой, что позволит ей стать надежной союзницей Франции и Англии на востоке³²⁸.

Примерно той же аргументации придерживался Ст. Кутшеба. От имени польской делегации в Париже он выпустил брошюру, в которой оспаривал права России, независимо от того, кто победит в гражданской войне, на литовско-белорусские земли. Исторически, заявил он, Белоруссия стала частью России в результате насильственного раздела Польского государства; белорусские земли никогда прежде конца XVIII века не были под властью Москвы³²⁹. Он отрицал даже этническую близость белорусов к русским; это распространенное мнение, по его словам, являлось отчасти недоразумением: в русском языке нет различия между понятиями «русский» (Russe) и «руський» (Ruthene). Тем временем, наречие белорусов, так же, как и их обычаи и образ жизни доказывают их близость к полякам. Кутшеба приводит пример пикардийцев, которые в повседневной жизни пользуются местным диалектом, приберегая литературный французский для более торжественных моментов. Таким же образом, по его мнению, обстояли дела и с соотношением белорусского и польского языков в жизни населения Литовско-Белорусского

³²⁶ Lutosławski W. Lithuania and White Ruthenia. Paris, 1919. P. 6.

³²⁷ Ibidem. P. 8.

³²⁸ Ibidem. P. 12-13.

³²⁹ Kutrzeba St. Droits de la Russie sur la Lithuanie et sur la Ruthenie-Blanche. Paris, 1919. P. 4-5.

края. Русский же язык, навязанный администрацией края, местные жители воспринимали как иностранный³³⁰.

Для западных союзников выдвигался главным образом актуальный аргумент борьбы с большевистской опасностью, однако в тесном кругу единомышленников говорилось о неизбежности борьбы против России как таковой, независимо от того, будет она «белой» или «красной», так как Россия – главное препятствие на пути превращения Польши в самостоятельного игрока на международной арене. По мнению Пилсудского, с началом гражданской войны в России наступил самый благоприятный момент для того, чтобы создать наиболее благоприятные условия для существования Польши и провести восточные границы самостоятельно и по своему усмотрению³³¹.

Известна фраза Пилсудского, показывающая его точку зрения на эту проблему в 1919 г.: «Сейчас такой неоценимый момент, такая прекрасная возможность для нас совершить на востоке великие дела, занять место России. России я не боюсь. Если бы я хотел, то мог бы идти хоть до Москвы, и никто не смог бы меня остановить, нужно, однако, для этого точно знать, чего мы хотим и к чему стремимся»³³². Оттеснение России на восток, таким образом, была главной задачей его политики, создание же федерации – лишь средством ее решения³³³.

Р. Дмовский обращал внимание на то, что изолированная от западных союзников Россия вполне может вступить в союз с Германией, что было бы уже реальной угрозой самому существованию Польского государства. При разработке своей политической программы лидер национальных демократов учитывал следующие моменты: готовность западных держав поддержать сильную Польшу в качестве «контролера» Германии, все еще представляющей собой угрозу, особенно для Франции, слабость России в дипломатических

³³⁰ Ibidem. P. 7.

³³¹ Garlicki A. Józef Piłsudski, 1867-1935. Warszawa, 1989. S. 221.

³³² Беседа с М. Коссаковским, июль 1919 г. – цит. по: Lewandowski J. Imperializm słabości. Warszawa, 1967 S.50.

³³³ Nowak A. Polska i trzy Rosje. Kraków, 2001. S.250.

играх Антанты, отсутствие гарантий, что Россия, независимо от того, кому достанется власть, не сблизится с Германией, наконец, мнение Запада о неготовности Украины и Литвы к созданию самостоятельных стабильных государств. Все это, по мнению Дмовского, скорее склонило бы Запад к принятию его инкорпоративной концепции.

Федералистская концепция не могла пройти, по его мнению, еще и потому, что для ее осуществления в данных странах у Польши просто не было союзников. Поэтому Р.Дмовский предлагал такую границу с Россией, при которой земли первого раздела и большинство земель второго раздела Речи Посполитой оставались вне польских территорий. При этом он, как и Пилсудский, считал, что г. Вильно безусловно должен принадлежать Польше. Защищаясь от нападок как представителей начальника государства в польской делегации на мирной конференции, так и собственной «кресово-помещичьей фронды», он выдвинул характерный, и очень убедительный аргумент: «Разумеется, хорошо бы все получить, но нельзя. Не будем совершать той же ошибки, которая погубила Российское государство. Отличительной чертой Российского государства было то, что у него был сильный аппетит, но слабый желудок. Оно много захватило, будучи не в состоянии этого переварить. Я знаю, что у нас большой аппетит, но мы все-таки западный народ, и сможем придержать собственные аппетиты. Это надо сделать, иначе мы создадим для будущих поколений такую родину, которой они не выдержат, как не выдержали русские России»³³⁴.

Общей целью и для Ю. Пилсудского, и для Р. Дмовского, и для И. Падеревского была сильная Польша. Полярное противопоставление федералистской концепции Ю. Пилсудского и инкорпоративной Р. Дмовского было следствием только заострения позиций во время дискуссии. На самом деле они взаимоисключающими не были, и Пилсудский был готов отказаться от идеи федерации ради соглашения с Дмовским³³⁵. Федерация была для

³³⁴ Цит. по: Nowak A. Polska i trzy Rosje. S. 251.

³³⁵ Ibidem. S. 253.

пилсудчиков только лучшим орудием, которое к тому же защитило бы и от того, чего опасался и Дмовский – преобладания в государстве польского элемента.

Федерация давала возможность с наименьшими проблемами решить вопрос территорий с белорусским населением. Сам Дмовский видел тут слабое место собственной концепции: он требовал включения в состав Польши земель, населенных компактно проживающим польским населением, тем самым не только ослабляя силу собственной аргументации перед западными союзниками, но и уменьшая основной, с его точки зрения, показатель – процентное преобладание польского элемента в будущем государстве. Однако белорусские земли (западная и центральная части) были, по его мнению, необходимы с геополитической точки зрения: «Если мы хотим владеть с одной стороны Вильно, а с другой – Галицией, то не можем допустить, чтобы чужие территории вклинивались в наши вплоть до Буга». Кроме того, Дмовский был уверен в том, что католическое в большинстве западнобелорусское население будет легко ассимилировано, войдя в состав Польского государства. В итоге, 2 марта 1919 г. ПНК поддержал позицию Р. Дмовского.

Современные российские историки придерживаются мнения, что конфликт Советской России с Польшей из-за литовско-белорусских земель был неизбежен. Чтобы иметь возможность вести самостоятельную политику на международной арене, а не быть лишь номинальным образованием (а именно к этому стремились польские лидеры), нужно было обеспечить достаточно значительные территориальные приращения. Восточное направление было в этом смысле предпочтительным еще и потому, что Антанта, надеясь на победу «белой» России, оставила вопрос о восточной границе Польши открытым. Тем не менее, прямо объявить о присоединении этих земель к Польше было бы невыгодно. Европейское общественное мнение трактовало бы такой акт однозначно как агрессию. Федеративный проект позволял «сохранить лицо», поскольку в этом случае польское наступление

было бы воспринято как агрессия только сторонниками большевиков и белых³³⁶.

У федеративной концепции, однако, были и серьезные недочеты: для нее не было партнеров на востоке, не было и достаточной поддержки общественного мнения в самой Польше³³⁷.

В сложившихся в начале 1919 г. военно-политических условиях и вследствие изначальной слабости и непопулярности Рады БНР в белорусском обществе, самостоятельные акции для нее были по-прежнему невозможны. Речь могла идти исключительно об изменении политической ориентации. Естественным союзником, в силу такой же пронемецкой ориентации в прошлом и во многом сходной общей ситуации, для белорусов была Тариба – националистическое правительство Литвы. Уже в ноябре 1918 г. были достигнуты соглашения Виленской белорусской рады с президиумом Тарибы об образовании при ней министерства белорусских дел, автономии Белоруссии в составе Литвы и защите Тарибой западных белорусских границ. Белорусский язык становился государственным наряду с литовским³³⁸.

А. Луцкевич и другие члены Рады переехали из Гродно в Берлин с целью добиться защиты и помощи со стороны Германии, открыли на Западе кампанию в защиту интересов белорусского народа, основали в Берлине Белорусскую миссию. Она начала выдавать белорусские загранпаспорта, приступила к выпуску на немецком языке бюллетеня «Известия Белорусского пресс-бюро» и на белорусском языке газеты для военнопленных белорусов «З роднаго краю»³³⁹.

В январе 1919 г. в Париж на мирную конференцию была направлена белорусская делегация, с целью информировать Антанту о состоянии белорусского вопроса и просить защиты против соседей-оккупантов. 22 января 1919 г. Луцкевич подписал мемориал белорусского правительства

³³⁶ Матвеев Г.Ф. Начало. // Белые пятна, черные пятна. М., 2010. С. 29.

³³⁷ Nowak A. Op.cit. S.254.

³³⁸ Турук Ф. Указ.соч. Прил.24. С.122.

³³⁹ Турук Ф. Указ.соч. С. 52.

председателю Парижской мирной конференции, в котором обосновывал права белорусского народа на независимость, представил этапы формирования белорусской государственности, а также просил помочь Белоруссии и допустить ее представителей на конференцию «для защиты интересов белорусского народа и предоставления необходимых сведений». Меморандум взялся отвезти генерал Киприан Кондратович – главнокомандующий так и не созданного белорусского войска³⁴⁰.

В марте 1919 г. по распоряжению маршала Фоша германская армия была выведена из Гродно и вообще из Западной Белоруссии, и ее место заняли польские легионы. На территории Белоруссии начались столкновения польских войск с Красной армией, а поляки стали вводить на занятых ими территориях Западной Белоруссии собственную военную и гражданскую администрацию³⁴¹. Не имея возможности противостоять этому, министерство белорусских дел при Тарибе переехало из Гродно в Ковно, где находилось и литовское правительство, после чего выступило с литовцами единым фронтом против поляков: направило вместе с Советом министров Литвы специальную миссию в Варшаву с требованием признания независимого литовского государства.

Белорусским лидерам катастрофически не хватало денег и кадров. Литовское правительство, на которое, как на союзника, они рассчитывали, отказалось дать кредит, по мнению Г. Лазько, не только потому, что не располагало средствами, но и не желая спонсировать соперника в борьбе за Виленщину и Гродненщину. Кондратович собирался поехать в Париж за свой счет, что несказанно обрадовало Луцкевича. Полный состав делегации был утвержден только 21 марта 1919 г. Кроме ее главы Луцкевича, в ее состав должны были войти А. Цвикевич, советники К. Кондратович, Ознобишин (бывший депутат IV Государственной думы от Гродненской губернии), Р.

³⁴⁰ Лазько Р.Р. Антон Луцкевич у Парыжы летам 1919 г. // Крыніцазнаўства і спецыяльныя дысцыпліны. Навуковы зборнік. Вып. 5. Мінск, 2009. С.104.

³⁴¹ Турук Ф. Указ.соч. С.53.

Скирмунт, атташе Ю. Янковский, Л. Барков и А. Головинский. Но в Париж, и то только спустя месяц, сумели выехать только трое – Кондратович, Ознобишин и Барков. Луцкевич присоединился к ним только в конце мая и уже на месте включил в состав делегации новоиспеченного полковника Е. Ладнова, члена белорусского кружка в Одессе. В Париже А.Луцкевич и Е. Ладнов, в будущем министр иностранных дел БНР, подали председателю мирной конференции манифест³⁴² с просьбой допустить белорусскую делегацию на конференцию и решить вопрос с белорусской государственностью³⁴³.

Мирная конференция к тому моменту работала уже пятый месяц и успела принять к рассмотрению меморандумы правительств Польши и Литвы и заслушать их делегации; принять решение о восточной границе Польши, в котором ее окончательное решение было поставлено в зависимость от формирования в России демократического правительства, которое получит признание Запада; установить связь с правительством Колчака и вскоре фактически признать его. При этом западные державы заявили о признании независимости только Польши и готовности передать вопрос о национальной автономии других народов будущему Российскому учредительному собранию. Украинского и белорусского вопросов перед правительством Колчака представители Антанты даже не ставили³⁴⁴.

Поэтому многие белорусские политики стали в 1919 г. ориентироваться на союз с Польшей, чьи интересы представлял начальник государства Пилсудский и лагерь его сторонников, декларировавший концепцию федеративного объединения Украины, Белоруссии и Литвы под эгидой Польши³⁴⁵. В апреле 1919 г. польские войска заняли Вильно, в августе – Минск

³⁴² Меморандум белорусского правительства председателю Парижской мирной конференции 22 января 1919 г. // АБНР. С.321.

³⁴³ Турук Ф. Указ.соч. С. 59.

³⁴⁴ Лазько Р.Р. Антон Луцкевич у Парыжы ... С.105.

³⁴⁵ Lewandowski J. Federalizm. Litwa i Białoruś w polityce obozu belwederskiego (1918-1920). S.207.

и Бобруйск. Основная масса белорусских деятелей, оказавшихся в Вильно, поддержали польские войска³⁴⁶.

Надежды на то, что поляки будут считаться с белорусами «как равные с равными» были связаны с «Воззванием к жителям бывшего Великого княжества Литовского» от 22 апреля 1919 г., оглашенным Ю. Пилсудским в занятом польскими войсками Вильно. Пилсудский обещал, что судьба «этой несчастной земли» будет решена самими ее жителями, и что польские власти не будут вмешиваться в ее внутренние дела. В доказательство он заявил о создании для контроля над этими территориями со стороны Польши не военного, а гражданского управления. Задачи этого управления, обозначенные в воззвании, были следующие: организация выборов народных представителей Литовско-белорусских земель путем прямых, тайных, всеобщих выборов. Эти представители, по мысли автора воззвания, должны были определить будущую судьбу этих территорий. Кроме того, Гражданское управление восточными землями (ГУВЗ) должно было обеспечить мир и порядок на занятых Войском Польским территориях, а также помочь нуждающимся без различия вероисповедания и национальности³⁴⁷.

После вступления польских войск в Вильно Виленская белорусская рада (председатель Б. Тарашкевич, члены П. Алексюк, Коханович, Кушнев³⁴⁸), с энтузиазмом принявшая воззвание Пилсудского, направила ему мемориал о готовности сотрудничать с польскими властями на его основе. ВБР просила Пилсудского о том, чтобы:

1. Во всех делах, касающихся Белоруссии, обращаться только к Раде,
2. Дать Раде возможность свободного сообщения с провинциальными радами,

³⁴⁶ См., напр., протест белорусского представительства при Тарибе против ущемления прав белорусского населения при подготовке закона о выборах в Учредительное собрание в июне 1919 г. // АБНР. С.366.

³⁴⁷ II RP. Wybór dokumentów. S. 33-34

³⁴⁸ Lewandowski J. Op. cit. S. 236.

3. Дать возможность созвать распущенную большевиками Раду БНР, которой, после того как будет созвано Всебелорусское учредительное собрание, должна будет принадлежать вся власть на территории Белоруссии³⁴⁹.

По мнению Ю. Левандовского, мемориал отражает слабость этого белорусского представительства, которое признавало ее и не ставило условий: объединение Белоруссии должно было, по мысли авторов мемориала, стать делом Пилсудского. Просьба о том, чтобы обращаться к Раде по всем вопросам, связанным с Белоруссией, была продиктована опасением, что польские власти могут опереться на какую-либо конкурирующую группу, например, Белорусский комитет Романа Сकिрумунта. В реализацию последнего пункта мемориала авторы, похоже, сами не очень-то верили, раз поместили его на последнем месте, после второстепенных требований³⁵⁰.

Гражданское управление восточными землями со штаб-квартирой в Вильно, получившее административную власть на занятых польской армией территориях, находилось в непосредственном подчинении у Ю. Пилсудского как главнокомандующего. По мнению Ю. Левандовского, такое решение было связано с тем, что Пилсудский не хотел сразу устанавливать тип связи этих земель с Польским государством, для того, чтобы получить свободу маневра на мирной конференции и поддержать хотя бы видимость того, что судьба этих территорий будет решена согласно федеративной концепции³⁵¹.

Во главе ГУВЗ встал Ежи Осмоловский, либеральный помещик из Полесья. Его заместителем и представителем в Варшаве стал близкий к эндекам граф Станислав Михал Коссаковский, а главой Минского округа – представитель т.н. «кресовых зубров», т.е. крупных землевладельцев, Владислав Рачкевич. Это во многом предопределило дальнейшую линию поведения польских властей по отношению к белорусам. Желание решить

³⁴⁹ Ibidem. S. 209.

³⁵⁰ Ibidem. S. 210.

³⁵¹ Lewandowski J. Op. cit. S.211.

проблему малоземелья в Польше за счет колонизации якобы свободных земель в Белоруссии становится достаточно очевидным для белорусских лидеров, а для белорусского населения тем более уже в 1919 г³⁵².

Для Пилсудского главной целью восточной политики в начале 1919 г. было договориться с литовцами. Программой максимум было восстановление Великого княжества Литовского в границах 1772 г. в федерации с Польшей, а программой минимум, для осуществления которой он был готов на значительный риск для только-только возродившегося Польского государства – удержание Виленщины и западных частей Белоруссии, занятых польскими войсками до конца мая 1919 г³⁵³. Для этого нужно было найти хоть какую-то видимость поддержки федерации с Польшей у литовских националистов. Однако те категорически отменяли всякую возможность посягательства на суверенитет Литвы. Пилсудский считал, что эта позиция временная: как только немцы примут условия Версальского договора, тем самым отказавшись от роли патрона национальных государств Восточной Европы, литовцы, лишившись опоры, согласятся на союз с Польшей.

Действовал он двояко: с одной стороны, посредством Леона Василевского, своего ближайшего соратника, в 1918-1919 гг. министра иностранных дел, главного эксперта польского правительства по проблемам восточных «кресов», с другой – нажимал на сейм, чтобы тот признал независимость соседних с Литвой прибалтийских государств, чтобы привлечь их к сотрудничеству с Польшей. Тем самым создавалась бы небезопасная ситуация для изолированной Литвы, что могло вынудить ее к союзу с Польшей. Захват Вильно, однако, не смягчил позиции Тарибы, напротив, она заняла еще более жесткую позицию.

Политика в отношении белорусов была для Пилсудского способом дополнительного нажима на литовцев. Реализовать эту политику должен был генеральный комиссар Гражданского управления восточными землями Е.

³⁵² Луцкевич А. Польская акупацыя Беларусі. Вильня, 1920. С.18-19.

³⁵³ Nowak A. Op. cit. S. 287.

Осмоловский, горячий сторонник союза всей Белоруссии – а не только Виленщины и Гродненщины, находившейся в руках поляков, со II Речью Посполитой на основе федеративной связи. После захвата Вильно и бесед с Осмоловским о возможностях и стремлениях белорусского движения, Пилсудский пришел к выводу, что значительно более слабое, по сравнению с литовским, и не так сильно настроенное против Польши белорусское национальное движение в лице Виленской белорусской рады во главе с П.Алексюком и Б.Тарашкевичем (они не скрывали своих полонофильских настроений) было бы удобным орудием, чтобы убедить неуступчивых литовцев согласиться на федерацию.

6-7 июня 1919 г. в Вильно состоялся съезд белорусских представителей Гродненщины и Виленщины. По словам одного из организаторов съезда и председательствующего на его заседаниях, П. Алексюка, задачей его единомышленников было немедленное создание независимого, но связанного союзом с Польшей, белорусского национального правительства. Он утверждал, что в этом намерении их безоговорочно поддерживали польские демократические группировки (т.е. пилсудчики). Эти партии во время подготовки к белорусскому съезду вели борьбу за то, чтобы он «четко высказался, без всяких недомолвок и предварительных условий за тесный союз Белоруссии с Польшей. ПСЛ «Вызволене» и другие левые партии из лагеря Пилсудского даже прислали своих делегатов³⁵⁴.

П. Алексюк заявил, что надеется на улучшение отношений с поляками на основе Виленского воззвания Ю. Пилсудского. Съезд выступил против раздела территории Белоруссии, за восстановление литовско-белорусского государства, одобрил воззвание Пилсудского и выразил надежду на то, что установятся дружеские отношения с Польшей³⁵⁵. Но уклончивая формулировка окончательной резолюции съезда свидетельствовала скорее о сближении белорусов с литовцами, пропагандировавшими создание Великой

³⁵⁴ Lewandowski J. Op. cit. S. 235.

³⁵⁵ Ibidem. S. 235.

Литвы, которая должна была включать и западнобелорусские земли. Тем не менее, оставалась почва и для договоренности на основе концепции тех из «федералистов», которые предлагали трехступенчатую федерацию, т.е. союз Польши и Великого княжества Литовского, состоящего из Белоруссии и Литвы³⁵⁶.

Немаловажным успехом для сторонников сближения с Польшей стало избрание на съезде Центрального белорусского совета Виленщины и Гродненщины (ЦБСВиГ) во главе с Б. Тарашкевичем. Эта организация стала единственной, признаваемой польскими властями в качестве белорусского национального представительства³⁵⁷. Была она признана таковой и лидерами белорусского движения в Берлине (хотя они и не были полностью согласны с позицией ЦБСВиГ, но считали этот шаг необходимым для сохранения связи между разрозненными частями белорусского движения³⁵⁸).

Кроме того, летом 1919 г. у белорусских лидеров появилась надежда заключить соглашение с польской делегацией на Парижской мирной конференции. 11 июля Луцкевич предложил ПНК, надеясь на благосклонность к белорусским требованиям премьер-министра И. Падеревского³⁵⁹, проект договора между БНР и Польской республикой об образовании равноправного союза. При этом обе стороны оставались «суверенными и независимыми, управляемыми во всех сферах своей государственной жизни собственными законодательными и исполнительными органами»³⁶⁰ государствами. Соглашение предусматривало заключение военной и таможенной конвенций, установление равенства и гарантий национальных прав граждан польской национальности на территории БНР и граждан белорусской национальности на территории Польши.

³⁵⁶ Ibidem. S. 236.

³⁵⁷ S. Wojewódzki przed sądem marszałkowskim. S. 99.

³⁵⁸ Протокол заседания Рады народных министров БНР в Берлине 27 июня 1919г.// АБНР. С.364.

³⁵⁹ Ладысеў У.Ф., Брыгадзін П.І. Паміж Усходам і Захадам: Станаўленне дзяржаўнасці і тэрытарыяльнай цэласнасці Беларусі (1917-1939 гг.). Мінск, 2003. С. 121.

³⁶⁰ AAN. Zespol MSZ. T. 6672a. A.13.

Границы между государствами, согласно проекту, должны были быть установлены совместным решением двух стран, принципы которого предстояло определить отдельной конвенцией. Разграничение, как уточнялось в дополнительном договоре, должно было проводиться согласно этническому принципу с поправками экономического характера и на основе взаимной компенсации. В случае, если бы полюбовно договориться о разграничении не удалось, следовало провести плебисцит при посредничестве Пограничной комиссии при Мирной конференции³⁶¹.

Луцкевич также предложил проект дополнительного договора о помощи польской армии в организации белорусских вооруженных сил; белорусская армия должна была находиться в оперативном подчинении польского Генштаба. П.4 дополнительного договора предусматривал, что «Польское правительство и подчиненная ему администрация сотрудничают с Правительством БНР при установлении власти Правительства БНР на Белорусских землях и при созыве Учредительного сейма»³⁶². По сути, полякам предлагалось завоевать власть для белорусского правительства, после чего перестать вмешиваться во внутренние дела БНР.

Решение должен был принять начальник государства. По договоренности с Падеревским Луцкевич 1 сентября выехал в Варшаву. Однако обещанной встречи с Пилсудским ему пришлось ждать еще два месяца³⁶³.

Глава белорусской делегации в Париже полковник Е. Ладнов повел активную деятельность с целью добиться признания БНР, в частности, встречался с представителями английской, французской и восточноевропейских (латвийской, литовской и др.) делегаций³⁶⁴, чтобы заручиться их поддержкой. Некоторых успехов он добился: осенью 1919 г. Литва, Латвия и Эстония признали независимость БНР. При латвийском и

³⁶¹ Ibidem. А.14.

³⁶² Ibidem.

³⁶³ Ладысеў У.Ф., Брыгадзін П.І. Паміж Усходам і Захадам... С. 121.

³⁶⁴ Меморандумы Мирной конференции в Париже, июнь 1919 г. // АБНР. С.352, 356, 361.

эстонском правительствах в октябре 1919 г. удалось аккредитовать военно-дипломатическую миссию во главе с К. Езовитовым. В Литве было образовано чрезвычайное представительство БНР, возглавленное П. Кречевским, секретарем Рады БНР³⁶⁵. Однако, что касается главной цели – признания Антанты – то белорусы ее не достигли. Никаких официальных заявлений по белорусскому вопросу представители великих держав так и не сделали³⁶⁶.

В июле 1919 г. Пилсудский принял делегацию ЦБСВиГ (в т.ч. Алексюка и Тарашкевича), которая обратилась к нему с просьбой оказать помощь в создании белорусских вооруженных сил. Была создана Белорусская военная комиссия во главе с П. Алексюком. Однако оснований для оптимизма у белорусских политиков не было. Ю. Пилсудский, первоначально согласившийся на договоренности с белорусами, т.к. этого требовала международная ситуация, со временем высказывался все более скептически относительно «белорусской фикции». Согласие на создание Военной комиссии было дано, но рекрутировать добровольцев довольно долго не разрешалось. На практике эта линия означала, что, сохраняя видимость существования белорусского национального представительства, польские власти в действительности не позволяли превратить это представительство в самостоятельно действующую организацию³⁶⁷. Единственной задачей Белорусской военной комиссии Пилсудский считал вербовку добровольцев в белорусские отряды при Войске Польском для борьбы с Красной армией, т.е. придавал ей исключительно военное, а не политическое значение³⁶⁸ (как того хотели белорусы³⁶⁹).

Сдержанность Пилсудского в отношении белорусов была связана с общей неудачей федеративной идеи среди восточных соседей Польши. 20 ноября 1919 г. Луцкевич наконец получил возможность встретиться с

³⁶⁵ Турук Ф. Указ. соч. С. 63.

³⁶⁶ Письмо А. Луцкевича (Париж) Дипл. миссии БНР в Берлине. 25 июня 1919 г. // АБНР. С. 363.

³⁶⁷ Lewandowski J. Op.cit. S. 229.

³⁶⁸ S. Wojewódzki przed sądem marszałkowskim. S. 49.

³⁶⁹ Ibidem. S. 100.

Пилсудским. Между ними состоялся разговор, содержание которого свелось, по свидетельству самого А. Луцкевича³⁷⁰, к следующему: судьба Белоруссии зависит от того, как будут решены вопросы украинский и литовский. В литовском вопросе белорусские деятели могли бы помочь, поддержав поляков в споре о Вильно. Кроме того, поскольку Антанта не признает БНР, для «освобождения Белоруссии от власти большевиков» есть лишь один способ – признать границу Польши 1772 г., т.е. присоединить Белоруссию к Польше³⁷¹. Он предложил А. Луцкевичу лишь создание скромных пока что основ «белорусского Пьемонта» при Польше (на территории Виленщины и Гродненщины), укрепление белорусской образовательной (школьной) системы, подготовку к выборам местных органов самоуправления³⁷².

Требования Луцкевича, изложенные им в июльском проекте белорусско-польского союзного договора, приняты не были, а через некоторое время Рада БНР приказом ГУВЗ была объявлена распущенной, а сам А. Луцкевич интернирован в Варшаве польским правительством³⁷³. Фактически он отошел от дел, хотя и остался официальным главой правительства в эмиграции.

Причиной такого положения было то, что пилсудчики, смыкаясь в белорусском вопросе с эндеками, понимали, что белорусские националисты обладают очень незначительным влиянием среди своих соотечественников, и потому не было смысла их поддерживать³⁷⁴.

Такая «осторожность» в отношении белорусского движения приводила к разочарованию и недовольству белорусских деятелей, в том числе таких в то время последовательных полонофилов, как Б. Тарашкевич. Однако многие, даже разочаровавшиеся в польской политике белорусские деятели, не решались на разрыв с Польшей, считая этот шаг губительным для всего движения³⁷⁵.

³⁷⁰ Луцкевіч А. Польская акупацыя ў Беларусі. С. 3

³⁷¹ Турук Ф. Указ.соч. С. 59.

³⁷² Nowak A. Op.cit. S. 332.

³⁷³ Турук Ф. Указ.соч. С. 60.

³⁷⁴ Lewandowski J. Op.cit. S.231.

³⁷⁵ S. Wojewódzki przed sądem marszałkowskim .S.100.

В то же время эсеры и другие левые попытались занять лидирующие позиции в Военной комиссии, возглавляемой П. Алексюком, чтобы использовать ее для подготовки антипольского восстания. Ряд эмиссаров Белорусской военной комиссии, которые должны были вербовать добровольцев в белорусские части, сталкивались с откровенно враждебными настроениями в самой комиссии. Эти люди отстаивали необходимость вооруженной борьбы с польской армией, рассматривали ее как оккупационную. С. Воевудский, будучи уполномоченным Генштаба польской армии, поддерживал членов комиссии, разделявших эти оппозиционные взгляды³⁷⁶, провоцируя столкновение с польскими властями и раскол комиссии.

Действительно, полонофильские настроения в Белоруссии долго не продлились. На ухудшение отношений повлияли в первую очередь неумелые действия самих польских властей³⁷⁷. Они вели себя, вопреки заверениям в уважении к национальным чувствам белорусов, как в покоренной стране, не считались с интересами местного населения, и, в конце концов, так и не выработали последовательной национальной политики.

Е. Осмолковский, ставший генеральным комиссаром на литовско-белорусских землях, не сумел привлечь к себе симпатий белорусов. Практически все посты в администрации, даже на самых низовых должностях, таких, как войты в гминах, заняли главным образом поляки, и, во всяком случае, это были только католики, часто местные помещики. Многие из них, желая рассчитаться с крестьянами за уничтожение своих имений и прочие обиды, превышали свои полномочия и злоупотребляли своим должностным положением. Тем самым они дискредитировали вообще всю польскую администрацию. Кроме того, крестьяне, при большевиках захватившие, хотя и не в личную, а коллективную собственность, помещичьи земли, теперь вынуждены были их – уже обработанные - возвращать прежним владельцам.

³⁷⁶ Ibidem. S.103.

³⁷⁷ Krótki zarys zagadnienia białoruskiego. Warszawa, 1928. S. 85.

А самоуправство войск и снова реквизиции и введенные новые трудовые повинности, которые власти никак не ограничивали, и вовсе погасили первую симпатию к полякам, возникшую было в первый момент после «Воззвания» Пилсудского³⁷⁸.

Страж кресова и Комитеты защиты кресов вели слишком явную пропаганду присоединения Белоруссии к Польше. В брошюрах, выпускавшихся в 1919-1920 гг., их авторы писали о невозможности для белорусов создать в ближайшее время собственное государство в силу непросвещенности и слабого национального самосознания населения края, о «людоедской» сущности большевистской России и превосходстве над ней польской культуры³⁷⁹. Дополнительно и совершенно бессмысленно польские власти раздражили и религиозные чувства православных белорусов, поспешно и грубо отбирая у них некогда католические и униатские церкви³⁸⁰.

По мнению руководителя Белорусской войсковой комиссии П. Алексюка, ни В. Рачкевич, комиссар ГУВЗ, ни С. Воевудский, уполномоченный по белорусским делам 2-го отдела штаба Верховного главнокомандования Польши, не ориентировались в достаточной мере в проблемах и различных течениях белорусского национального движения. С. Воевудский поддерживал крайние, радикальные партии белорусов, в том числе БПСР и другие близкие коммунистам группировки³⁸¹. В. Рачкевич, напротив, стоял на позициях польского национализма. Нелояльные Польше группировки сразу ставились Рачкевичем вне закона.

*

*

*

³⁷⁸ Krótki zarys zagadnienia białoruskiego. Warszawa, 1928. S. 86.

³⁷⁹ Bronowski Sz. Państwo Polskie a kwestia białoruska. Warszawa-Lublin-Łódź-Kraków, 1919; Ołędzki K. Polska czy Rosja? Warszawa-Kraków, 1920.

³⁸⁰ Krótki zarys zagadnienia białoruskiego. Warszawa, 1928. S. 87.

³⁸¹ S. Wojewódzki przed sądem marszałkowskim. S. 103.

Жителям Белоруссии, известным своей апатичностью в политике, проект национального государственного образования советского типа казался подозрительным, не вызывал он энтузиазма и у военных властей. Большинство склонялось к прямому объединению с Советской Россией, например, в качестве ее Западной коммуны. Проявлением этих настроений стали съезды Советов, которые в спешном порядке по распоряжению СНК РСФСР были проведены в Смоленске, Витебске и Могилеве. Наблюдатели отмечали резкую неприязнь делегатов к самой идее создания национальной республики, которая ассоциировалась у них с буржуазными проектами и Белорусской радой, продавшейся немцам и полякам. Голосование «за» создание ССРБ было буквально продавлено московскими представителями, ссылавшимися на авторитет ЦК и лично Ленина. Зато с энтузиазмом было встречено последовавшее затем решение об уменьшении территории Белорусской республики и передаче Смоленской, Витебской и Могилевской губерний в состав РСФСР. Тем не менее, советская Белорусская республика была создана.

Однако ее существование было недолгим, нарастание угрозы агрессии со стороны Польши потребовало ее объединения с советской Литвой в единую республику. Помимо всего прочего, Литбел должен был стать противовесом польской политике объединения вокруг себя всех новых граничащих с Россией республик на основе федерации. Советская Россия решила создать такую федерацию первой, что ей было сделать проще, так как не было нужды искать компромисс с националистическими силами, каждая из которых также имела немалые территориальные аппетиты и державные амбиции. Во всяком случае, взаимные территориальные претензии удовлетворить было бы слишком сложно. Пример Виленщины был очень показателен: на Вильно претендовали и поляки, и литовцы, и белорусское движение. То же касалось и западнорусских областей – в частности, Гродненской губернии и ее промышленного района - Белостокского уезда.

Дополнительной проблемой, не получившей развития только в силу внешней угрозы и слишком быстро менявшейся обстановке в крае, были территориальные споры только что созданных советских правительств Украины, Белоруссии и Литвы по поводу принадлежности приграничных районов.

Польская оккупация не привела к качественным изменениям в судьбе белорусского вопроса. Декларация уважения к национальным чаяниям белорусов и литовцев в «Воззвании к жителям Великого княжества Литовского», пробудившая надежды белорусских политиков на помощь и признание Польши, оказалась фиктивной. Пилсудский, практически единолично руководивший польской восточной политикой, не видел в белорусах реального союзника в борьбе с советской Россией, но и не хотел отталкивать их от себя, чтобы не усиливать враждебный полякам лагерь. Результатом колеблющейся политики Варшавы стало углубление разногласий среди поборников идеи суверенной Белоруссии. Часть из них пыталась добиться признания БНР Антантой, лидеры другой надеялись на помощь Польши, в чем очень скоро им пришлось разочароваться. В рядах эсеров, одной из сильнейших белорусских партий, наметилась тенденция к соглашению с белорусскими коммунистами, а тем самым и к ориентации на РСФСР. Польское же руководство к концу 1919 г. окончательно сделало ставку на силовые методы установления восточной границы, в чем белорусские организации были скорее помехой.

Глава III. БЕЛОРУССИЯ В ПОЛЬСКИХ И СОВЕТСКИХ ВНЕШНЕПОЛИТИЧЕСКИХ ПЛАНАХ В КОНЦЕ 1919 – 1920 ГОДУ

III.1. Польское решение белорусского вопроса (декабрь 1919-июль 1920)

7 декабря 1919 г., с санкции И. Падеревского³⁸² и разрешения С. Воевудского, в Минске собралась, впервые после окончания немецкой оккупации, Рада БНР. Польские власти, разрешив собрание, надеялись на то, что лояльные Польше белорусские политики сумеют добиться принятия постановления об унии с Польшей. Однако в большинстве оказались непримиримо настроенные деятели, вернувшиеся из эмиграции и увидевшие «старый произвол и угнетение белорусского народа, да плюс к нему незаконно объявленный поляками плебисцит в Белоруссии, конечно, с той целью, что под штыками жандармов Белоруссия выскажется за присоединение к Польше»³⁸³.

На первом же заседании большинство Рады выразило недовольство соглашательской политикой полонофилов. Меньшая же ее часть (37 человек из 87, присутствовавших на заседании), во главе со Смоличем и Терещенко, поддержали эту политику. В результате большинством Рады БНР 13 декабря 1919 г. был избран новый президиум Рады – П. Кречевский (БПСФ), П. Бодунова (БПСР), В. Захарко (БПСФ), И. Мамонько (БПСР). Формирование нового правительства было поручено главе БПСР В. Ластовскому³⁸⁴. В него

³⁸² Турук Ф. Указ. соч. С. 60.

³⁸³ Там же. С. 61.

³⁸⁴ Nowak A. Op. cit. S. 260.

были включены и некоторые члены старого правительства А. Луцкевича, настроенные против сотрудничества с Польшей – Е. Ладнов, А. Цвикевич, Т. Гриб, Л. Заяц. Меньшинство Рады избрало Наивысшую раду (вместо старого президиума Рады БНР) в составе: Серета (беспартийный), Лесик (с-д), Рак-Михайловский (с-д), Власов и Терещенко (беспартийные) и подтвердило полномочия правительства А. Луцкевича³⁸⁵.

Таким образом, различное отношение к союзу с Польшей привело к расколу в белорусском национальном лагере. В декабре 1919 г. В. Ластовский и его сторонники, не признавшие польских притязаний, по приказу В. Рачкевича были арестованы, но вскоре отпущены. После этого они переехали в Латвию, а затем, в конце 1920 г., в Литву и образовали там эмигрантское правительство.

Правительство А. Луцкевича, занимавшее пропольскую позицию, зависело от В. Рачкевича и практически не вело самостоятельной деятельности³⁸⁶.

Хотя РСФСР и находилась в состоянии необъявленной войны с Польшей, но с октября 1919 г. по 25 апреля 1920 она не вела активных военных действий на Западном фронте. Главным в тот момент для нее был окончательный разгром Деникина. К тому же советское руководство было связано устным соглашением с поляками, достигнутым в ноябре 1919 г. в Микашевичах, о неведении крупных наступательных операций. Поэтому в Белоруссии ему оставалась только поддержка движения Сопrotивления польским оккупантам. Этому способствовал рост недовольства белорусского крестьянства проводившейся оккупантами политикой возвращения помещикам конфискованной у них земельной собственности. С осени 1919 г. активизировалась деятельность коммунистического подполья и связанного с ним партизанского движения в Литве и Белоруссии. Общие интересы, заключавшиеся в необходимости изгнания поляков из Белоруссии,

³⁸⁵ Турук Ф. Указ.соч. С.62.

³⁸⁶ S. Wojewódzki przed sądem marszałkowskim. S. 98-109.

подталкивали коммунистические организации края к сотрудничеству с другими партиями и движениями. Наиболее тесные отношения сложились между коммунистами Литвы и Белоруссии и белорусскими эсерами. В декабре 1919 г. по инициативе ЦК КП(б) Литвы и Белоруссии в Смоленске состоялись переговоры с представителями БПСР, итогом которых стало соглашение о совместной борьбе за восстановление белорусской государственности. Вопрос о форме и социальном строе будущего государства в тот момент не ставился и не обсуждался, однако участники переговоров сошлись на необходимости защиты социальных интересов белорусского трудового народа. От белорусских эсеров соглашение подписали П. Бодунова, И. Мамонько, А. Трофимов, М. Осветимский и Ф. Шантыр³⁸⁷.

19 января 1920 г. ЦК КП(б) ЛиБ, заслушав доклад В. Кнорина, принял тезисы, в которых ставилась задача подготовки ко всеобщему вооруженному восстанию в Литве и Белоруссии. В тезисах указывалось, что коммунистические организации Литвы и Белоруссии должны действовать с учетом тесной зависимости победы коммунистической революции в их странах от хода революционной борьбы в России, Польше и Германии. В случае продвижения Красной армии на территорию Литвы и Белоруссии коммунистические организации должны были захватить власть и ждать прибытия советских войск. В случае победы коммунистической революции в Польше они также должны были начать борьбу за власть и не дать возможности польской контрреволюции превратить Литву и Белоруссию в своего рода Вандею. В случае победы революции в Германии рабочим Литвы и Белоруссии следовало поднять восстание, чтобы не дать польской контрреволюции задушить революционное движение в Германии, а также способствовать распространению революции на Польшу и связанные с ней страны. Вместе с тем руководители компартии Литвы и Белоруссии выступали против неотложного начала восстания, т.к. считали, что условия для

³⁸⁷ Ціхаміраў А.В. Беларусь у сістэме міжнародных адносін перыяду пасляваеннага ўладкавання Еўропы польска-савецкай вайны (1918-1921гг.). Мінск, 2003. С. 204.

успешного захвата власти еще не сложились. В связи с этим всем коммунистам Литвы и Белоруссии предписывалось ждать «условий для победного выступления в государственном масштабе» и ограничиться организацией «революционного выступления и частичных захватов власти»³⁸⁸.

Однако в начале 1920 г. внешнеполитические задачи были центральным советским руководством в очередной раз скорректированы. Положение Советской России было уже не столь критическим. Деникин был разбит, на Украине восстановлена советская власть. Однако остатки Добровольческой армии представляли еще значительную опасность, для ликвидации которой требовались серьезные силы. Другой опасностью была польская группировка в Белоруссии. Советское руководство ожидало, что Пилсудский в любой момент может возобновить боевые действия на литовско-белорусском фронте, учитывая его отказ от мирных переговоров. К тому же в декабре 1919 г. в Польше пришел к власти кабинет Л. Скульского, которого в Москве считали сторонником помощи белому движению и координации с ним военных действий против большевиков. Поэтому нужно было вывести Польшу из игры, но не военными, а мирными средствами. Уже к концу декабря было принято решение обратиться к Польше с мирными предложениями. Так началось советское «мирное наступление» конца 1919 – начала 1920 г.

22 декабря 1919 г. советское правительство обратилось к Польше с нотой, в которой предлагало начать мирные переговоры. Выразив удивление, что В. Скшиньский, выступая в сейме, заявил, что Россия никогда не обращалась к Польше с мирными предложениями, а, напротив, угрожала ей вторжением, советское правительство предлагало немедленно начать переговоры о заключении мирного договора между двумя государствами. Польское правительство оставило эту ноту без ответа.

28 января 1920 г. СНК (Ленин, как председатель Совнаркома, Чичерин, как глава НКВД, и Троцкий, как народный комиссар по военным делам)

³⁸⁸ Ціхаміраў А.В. Беларусь у сістэме міжнародных адносін ... С.203.

выступил с публичным обращением к правительству и народу Польши, в котором заявил, что советская Россия признает и всегда признавала независимость Польской республики; что подтверждает свою готовность начать мирные переговоры, а Красная армия не перейдет линии фронта, проходящей по линии Дрисса-Дисна-Полоцк-Борисов-Птич-Белокоровичи; что, если речь идет о реальных интересах Польши и России, то нет такого вопроса, ни в сфере территориальной, ни экономической, ни в какой-либо иной, который не мог бы быть решен мирным путем при помощи переговоров и компромиссов. 2 февраля эту декларацию подтвердил ВЦИК во главе с Калининым³⁸⁹. Таким образом, советское руководство ради мира с Польшей было готово отказаться не только от спорных Виленщины и Гродненщины, но и от Минска.

В феврале 1920 г. в ответ на ясно выраженное желание Советской стороны начать мирные переговоры польское правительство, после некоторых проволочек, назначило для их подготовки специальную комиссию. 8 марта состоялось закрытое заседание кабинета для выработки требований к советской стороне. Программа-максимум предполагала восстановление границ 1772 г., программа-минимум имела целью обеспечение Польше «линии безопасности», проходившей между границей 1772 г. и актуальной линией фронта. По согласованию с Пилсудским правительство отказалось от создания союзного с Польшей белорусского государства. Гродненщина и Виленщина должны были отойти к Польше, а на территории Минского округа и «других приобретенных территориях, расположенных восточнее его», планировалось сделать белорусам уступки «в области самоуправления и культуры», т.е. фактически речь шла лишь о некоторых элементах автономии для земель, расположенных между инкорпорированными в состав Польши белорусско-литовскими землями и советской Россией. Польское правительство, таким образом, взяло на вооружение федеративный проект Пилсудского,

³⁸⁹ Dański J. Pokój ryski. Wspomnienia, pertraktacje, tajne układy z Joffem, listy. Warszawa, 1931. S. 15.

модифицированный с учетом невозможности создания союзного с Польшей литовско-белорусского государства³⁹⁰.

6 марта 1920 г. Чичерин направил польскому правительству очередную ноту, в которой сожалел, что Польша, вопреки советским мирным инициативам, не только не решилась до сих пор сесть за стол переговоров, но и начала масштабное наступление на Украине, что вынуждало Советскую Россию продолжать войну. Несмотря на польскую агрессию, Чичерин в этой ноте подтвердил, что советские войска не перейдут линии, указанной в декларации СНК ни на Украине, ни на севере, если только не будут атакованы польской армией³⁹¹.

В ноте от 27 марта 1920 г. Патеком уведомял Чичерина, что польское правительство готово начать переговоры с советскими представителями, начиная с 10 апреля 1920 г. Переговоры предлагалось провести в белорусском Борисове, находившемся на польской стороне фронта. Если российская сторона согласилась бы принять эти условия, Польша обязалась приостановить боевые действия на этом участке фронта³⁹².

Участия в переговорах стали активно добиваться Национальные польские рады Белорусских земель и Инфлянт - организации польского населения, избранные в 1917 г. на окружных или приходских съездах. Их делегаты должны были защищать политические, культурные и экономические права местных поляков. После того, как Белоруссия и Литва были заняты большевиками, руководство Рад переехало в Варшаву и там отстаивало свою позицию перед правительством, сеймом и обществом. Одним из членов Минской Рады был, в частности, Владислав Рачкевич, глава Минского округа и, по оценке Обезерского, «несомненно беспристрастный знаток белорусского вопроса»³⁹³.

³⁹⁰ Матвеев Г.Ф. Начало // Белые пятна – черные пятна...С.36.

³⁹¹ Dański J. Op. cit. S. 17.

³⁹² Ibidem.

³⁹³ Obieziński M. Wspomnienia z polsko-rosyjskiej konferencji pokojowej ryskiej dla ułożenia preliminarjów pokojowych (wrzesień-paźdz. 1920 r). Warszawa, 1938. S. 3.

Рады потребовали, чтобы в состав мирной делегации был включен представитель кресовых поляков, неважно, в качестве ли эксперта или члена делегации. С. Патек, в то время глава дипломатического ведомства, назначил членом делегации упомянутого В. Рачкевича.

28 марта Чичерин сообщил, что советское правительство согласно начать переговоры 10 апреля, однако выразил недоумение, что польская сторона предлагает только локальное перемирие. Советское руководство, писал он, считает необходимым перемирие на всем протяжении советско-польского фронта, и предлагает провести мирную конференцию в какой-либо из нейтральных стран, например, в Эстонии³⁹⁴. В результате из-за протестов большевиков, не желавших вести переговоры в зоне боевых действий (а, по удобному для поляков мнению, недовольных отсутствием там возможностей для широкой агитации³⁹⁵) переговоры в апреле 1920 г. не состоялись.

Таким образом, в начале 1920 г., несмотря на некоторые шаги польской стороны в белорусском вопросе, в его судьбе, по сути, не произошло ничего, что предвещало бы скорые перемены к лучшему. Поэтому главное внимание белорусских партий по-прежнему было сосредоточено на создании благоприятных условий для его решения в будущем, на уточнении своих позиций относительно характера будущей государственности, путей ее достижения и союзников, в том числе и на международной арене.

Так, нелегальный съезд БПСР в Минске 4 марта 1920 г. поддержал курс на установление в республике «диктатуры трудового народа» Им была поставлена задача борьбы за независимость Белорусской рабочей социалистической республики как части федерации свободных народов, которая возникнет в результате победы мировой революции. Объективно, это создавало предпосылки для того, чтобы обратиться к РСФСР как к возможному союзнику в борьбе белорусов за национальное государство, поскольку советское руководство в своей пропаганде активно обращалось к

³⁹⁴ Dański J. Op.cit. S. 18.

³⁹⁵ M. Obieziński. Op. cit. S. 3.

идеологемам «мировая революция» и «право наций на самоопределение» (однако не стоило ожидать от Советского государства поддержки реальной самостоятельности будущей Белоруссии). В пользу этого свидетельствовало и исключение съездом из рядов партии группировки сторонников сотрудничества с поляками во главе с К. Терещенко и А. Якубовским, поскольку поляки отказались признавать белорусскую независимость.

Ускорению освобождения Белоруссии из-под польской оккупации объективно способствовал союз коммунистов с белорусскими эсерами, имевшими разветвленную сеть партизанских отрядов³⁹⁶. Однако полного взаимопонимания между белорусскими коммунистами и эсерами не сложилось. Не без участия белорусских коммунистов от БПСР отошла часть ее сторонников (в т.ч. В. Игнатовский, А. Сташевский, С. Булат, М. Кудзелька (Михась Чарот)). 1 января 1920 г. на нелегальном съезде в Минске они объявили о создании организационного центра Белорусской коммунистической организации (БКО), который временно взял на себя обязанности ЦК БКО и заявил о признании программы и тактики РКП(б). В программном документе, написанном Игнатовским и принятом в феврале 1920 г., говорилось, что организация «добивается создания Советской Белорусской республики, надеясь на помощь Советской России, с которой находится в федеративной связи». В марте 1920 г. численность БКО достигла 2000 чел.

Разногласия между белорусскими коммунистами и белорусскими эсерами подтолкнули последних к попытке установить прямые контакты с руководством РКП(б). 6 апреля 1920 г. в Москву выехала делегация БПСР во главе с членом ЦК БПСР Палутой Бодуновой. 8 апреля в Москве начались переговоры между членами ЦК РКП(б) И.В. Сталиным и Н.Н. Крестинским и представителями ЦК БПСР. Во время переговоров П. Бодунова обратила внимание собеседников на ошибки коммунистов Белоруссии в 1919 г., сделав

³⁹⁶ Ціхаміраў А.В. Указ.соч. С.204.

особый акцент на недопустимости направления в Белоруссию работников, «совершенно чуждых белорусским трудовым массам». Она выразила желание тесно сотрудничать с российскими коммунистами. От имени БПСР Бодунова предложила руководству РКП(б) признать правительство БНР, созданное 12 декабря 1919 г. (т.е. эсеровское правительство Ластовского), и допустить его представителей на мирные переговоры с Польшей; восстановить Белоруссию в ее этнографических границах, вернув в ее состав Витебскую, Гомельскую и части Смоленской и Черниговской губерний с преимущественно белорусским населением; организовать белорусские «красные» войска и сконцентрировать их на территории Советской Белоруссии; способствовать национальной культурно-просветительской работе в Советской Белоруссии; освободить всех членов БПСР, арестованных органами Советской власти; оказать материальную помощь всем организациям БПСР на оккупированной поляками территории Белоруссии, в том числе военным организациям.

Выполнение этих требований означало серьезные политические уступки белорусским эсерам. Члены ЦК РКП(б) сомневались. Сотрудничество с «мелкобуржуазными» партиями на бывших окраинах Российской империи имело большое значение для борьбы с поляками, но, по мнению руководства РСФСР, белорусские эсеры просили слишком много. В результате было решено запросить по поводу сотрудничества с БПСР ЦК КП(б) Литвы и Белоруссии. В его ответе от 28 апреля 1920 г., подписанном В.Кнориным, отчетливо проводилась мысль о нецелесообразности дальнейшего сотрудничества. Кнорин критиковал белорусских эсеров за «национализм», при этом в очередной раз доказывал, что белорусского национального движения не существует, а ЦК КП(б) ЛиБ поддерживает фикцию такого движения только в связи с требованиями международного положения³⁹⁷.

Другой взгляд высказало руководство Западного фронта. Так, глава Реввоенсовета фронта И. Уншлихт доводил до сведения ЦК РКП(б), что

³⁹⁷ Ціхаміраў А.В. Беларусь у сістэме міжнародных адносін ...С.203.

партизанское движение, руководимое белорусскими эсерами, «принимает активное участие в организации действий повстанцев в местностях, занятых неприятелем», хотя считал целесообразным расставить на его ключевых постах коммунистов³⁹⁸.

Ознакомившись с позицией руководителей КП(б) ЛиБ и Западного фронта, ЦК РКП(б) решил выполнить отдельные требования представителей БПСР (освободить арестованных белорусских эсеров, разрешить вести белорусскую работу в Витебской, Гомельской и Смоленской губерниях). 29 апреля 1920 г. ЦК КП(б) ЛиБ по распоряжению ЦК РКП(б) ввел своих представителей Б. Тышкевича и В. Шаранговича в Белорусский повстанческий комитет, который белорусские эсеры создали в марте 1920 г. для руководства партизанским движением. Вместе с тем руководство РСФСР воздержалось от рассмотрения вопроса о возрождении белорусской советской государственности, сославшись на сложное положение на Западном фронте. Белорусским эсерам было обещано вернуться к вопросу о создании Белорусского государства при изменении положения на фронте³⁹⁹.

Иной ориентации придерживалась часть белорусских эсеров и их сторонников, входивших в Раду и правительство БНР во главе с В. Ластовским. Они считали возможным возрождение белорусской государственности при поддержке не Польши и России, претендовавших на владение белорусскими землями, а ведущих держав Запада и новых независимых государств, образовавшихся на территории бывшей Российской империи (особенно прибалтийских стран). Поэтому Ластовский главным образом делал упор на развитии связей с этими странами и старался держать дистанцию в отношениях с основными участниками конфликта в Восточной Европе – Польшей и Россией. Он придавал большое значение деятельности

³⁹⁸ Там же. С. 205.

³⁹⁹ Там же.

зарубежных представительств БНР, требовал от них активной защиты белорусских интересов⁴⁰⁰.

Уже весной 1920 г. представители Рады БНР также выразили желание принять участие в ожидавшихся в скором времени мирных переговорах между РСФСР и Польшей. 10 апреля 1920 г. Рада направила ноты руководителям Польши, Советской России и Совету Послов Антанты в Париже с требованием допустить белорусских представителей на эти переговоры. Эти ноты заинтересованные стороны проигнорировали.

Одновременно Ластовский не отказывался и от попыток установить прямой контакт с руководством РСФСР. Первые такие попытки были предприняты в апреле 1920 г. 23 апреля уполномоченный военно-дипломатической миссии БНР в Латвии и Эстонии М. Маркевич передал в советское полпредство в Эстонии предложение начать переговоры при условии признания РСФСР «независимой Белорусской народной республикой в ее этнографических и исторических границах до начала переговоров»⁴⁰¹. Советский представитель в Эстонии И.Э. Гуковский по поручению НКВД ответил, что «наше отношение к белорусскому правительству выяснится по мере того, как с развитием борьбы в Белоруссии станет ясною действительная сила тех или других элементов, и теперь заранее нам невозможно сказать, в какой степени мы будем иметь возможность рассматривать белорусское правительство, как выразителя белорусских масс. Этот уклончивый ответ не удовлетворил белорусов, и их представитель в Ревеле усиленно добивается от Гуковского начатия с нами переговоров и, в частности, разрешения на приезд в Москву»⁴⁰².

Тем временем положение как на фронте (поляки 25 апреля 1920 г. начали широкомасштабное успешное наступление на Украине), так и на международной арене (державы Антанты с настороженностью отнеслись к

⁴⁰⁰ Ціхаміраў А.В. Указ. соч. С. 209

⁴⁰¹ РГАСПИ. Ф.159. Оп.2. Д.8. Л. 36

⁴⁰² Там же. Л. 37

польскому наступлению и не торопились с его поддержкой) способствовало тому, что польская политика в отношении белорусских националистов стала более благожелательной. В мае 1920 г. польское правительство подписало соглашение о сотрудничестве с белорусской Наивысшей радой (группа А. Луцкевича), однако обошло в нем стороной вопрос об участии белорусских представителей в будущих переговорах с Советской Россией.

Явное сближение позиций части белорусских националистов с польскими властями встревожило российский НКВД. В записке в политбюро ЦК РКП(б) от 24 мая 1920 г. Г.В. Чичерин высказывал следующие соображения: «Нам надо быть крайне осторожными по отношению к белорусскому так называемому правительству, так как оно имеет возможность в европейском масштабе создавать нам дипломатические неприятности. Мы считаем поэтому своевременным исполнить, наконец, желание ожидающего в Ревеле белорусского представителя и дать ему возможность приехать в Москву, что поведет к переговорам, несомненно, затяжным по своему характеру. Необходимо было бы с целью привлечения белорусов на нашу сторону и с целью воспрепятствования польскому правительству перетянуть их на свою сторону путем подачек, разрешить белорусскому представителю в Ревеле приехать к нам для переговоров, причем установить краткий срок и поставить его в условия, делающие его приезд безопасным. Нужно, однако, нечто большее: нужно начать действительную политику предоставления белорусам возможности национального развития, т.е. создания сети белорусских школ и признания белорусских обществ. Ввиду крупных задач, предстоящих нам по отношению к Белоруссии, мы считаем в высшей степени своевременным и желательным восстановить при Наркомнаце белорусский комиссариат»⁴⁰³. Таким образом, белорусский вопрос, по мнению наркома, вновь должен был приобрести самостоятельное звучание в советской внешней

⁴⁰³ РГАСПИ. Ф.159. Оп.2. Д.8. Л. 37-37об.

политике и выйти за рамки отношений только между РКП(б) и белорусскими коммунистами.

Изменению позиции Чичерина способствовало и содержание советско-литовской мирной конференции, начавшейся в мае 1920 г. в Москве. Отказавшись от идеи создания в прибалтийских республиках советских правительств и превращения их в буфер для защиты Советской России от агрессии держав Антанты, т.к. военное продвижение революционной идеи в обстоятельствах 1919 г. было практически невозможно, Москва постановила добиться сближения – или, по крайней мере, иллюзии сближения с «буржуазными» правительствами этих республик. Этим советское руководство добивалось решения сразу нескольких задач: разрывался «санитарный кордон» из государств-лимитрофов, вбивался клин между Польшей и ее потенциальными союзниками, а кроме того, заключение мирного договора с признанными мировым сообществом республиками означало, что Советская Россия начинала возвращаться в «концерт держав», ее международная изоляция заканчивается. Ради этого советское правительство было готово, хотя и не без колебаний, пожертвовать некоторыми спорными территориями. Достаточно быстро были заключены договора с Латвией (к ней отошли несколько уездов Витебской губернии) и Эстонией, переговоры же с Литвой затянулись.

31 марта 1920 г. литовское правительство выразило желание и готовность заключить мирный договор с РСФСР при условии признания независимости Литвы в ее этнографических границах со столицей в Вильно⁴⁰⁴. Переговоры начались 7 мая 1920 г. Поскольку Россия и Литва не вели военных действий друг с другом, советские дипломаты рассчитывали на скорое заключение договора, так как обе стороны были заинтересованы в нем. Литве нужно было признание России, России – союзник против Польши на Западном фронте. Однако переговоры оказались непростыми.

⁴⁰⁴ Ціхаміраў А.В. Указ. соч. С. 236.

Литовская делегация настаивала на том, чтобы, прежде чем начать обсуждать статьи будущего мирного договора, Россия отдельным актом признала независимость Литовской республики. Российская делегация опасалась, что после такого акта Литва может прервать переговоры, добившись своей главной цели. Поэтому она отвергла это требование, сославшись, во-первых, на декрет о мире, признававший право народов на самоопределение, а во-вторых, на сам факт ведения переговоров с Литвой, что уже означало признание ее суверенитета. По мнению российских дипломатов, вопрос о независимости Литвы должен был бы найти отражение в мирном договоре, как тесно связанный с вопросом о границе, в виде специальной статьи. Согласившись, хотя и не сразу, с этим предложением, литовская делегация огласила свое предложение о границах Литовской Республики.

По этому проекту в состав Литвы включались Ковенская, Виленская, Сувалкская, Гродненская губернии (включая обязательно Бельск и Белосток), Новогрудский уезд Минской, а также части Илукстского и Гробинского уездов Курляндской губернии⁴⁰⁵. Исходя из того, что далеко не все территориальные требования литовской делегации были обоснованы, российская делегация принять их не могла⁴⁰⁶. Если российская делегация настаивала на разграничении по этническому признаку, опираясь при этом на карту и пояснительные записки, составленные экспертами Российской академии наук⁴⁰⁷, то литовцы в своих притязаниях оперировали главным образом историческими аргументами, требуя присоединения территорий, когда-то литовских, но затем потерявших свой литовский национальный характер⁴⁰⁸.

⁴⁰⁵ АВП РФ. Ф.04. Оп.27. П.180а. Д.200. Л.72

⁴⁰⁶ Навицкас К. Литва и Антанта (1918-1920). Вильнюс, 1970. С. 124

⁴⁰⁷ АВП РИ. Ф.135. Оп.474. Д.42. Использовались не только данные всероссийской переписи 1897 г., но и исследования российских (Е.Ф. Карский), польских (Розвадовский, Чиньский, Гринберг) (АВП РФ. Ф.151. Оп.3. П.3. Д.16. Л.25) и литовских (Вольтер, Явнис) ученых, причем статьи последних были выпущены соответственно в 1902 и 1916 гг. - АВП РФ. Ф.151. Оп.3. П.3. Д.16. Л.9.

⁴⁰⁸ Например, российский эксперт Р.Якобсон так отзывался в своей записке о литовских аргументах: «... авторы брошюры «Гродненская губерния» доктор Пурицкис и Симон Розенбаум, которые, анализируя данные переписи 1897 г., находят их соответствующими как лингвистическому принципу, так и принципу субъективному (то есть исходящему из признания свободы индивидуального решения о принадлежности к

В своем ответе на литовские территориальные требования российская делегация указала границы этнографической Литвы, захватывавшие лишь Ковенскую, части Виленской и Сувалкской, а также северный участок Гродненской губернии. Вместе с тем, считаясь с экономическими, культурными и административными интересами Литвы, Россия соглашалась на включение в состав Литвы Вильно и окружающих его уездов Виленской губернии⁴⁰⁹.

На третьем пленарном заседании конференции 9 мая 1920 г. от имени западнобелорусского населения (т.е. населения бывших Виленской и Гродненской губерний) выступил член литовской делегации, министр по белорусским делам литовского правительства (сменивший в апреле 1920 г. на этом посту И. Воронко⁴¹⁰) Д. Семашко. Он поддержал литовские требования, мотивируя это интересами белорусского населения Гродненщины и Виленщины. Декларируя одновременно также поддержку стремления белорусских политиков к независимости БНР, Семашко фактически требовал раздела белорусских территорий. Он заявил следующее: «... Российская Делегация ни в коем случае не может согласиться с тем, что уже самоопределился Белорусский Народ. Естественное право независимости, право человечества, право, на котором строится новая Социалистическая Советская Российская Республика, в глазах Российской делегации не принадлежит Белоруссии. Я не являюсь здесь представителем Белорусской Народной Республики, не моя роль здесь защищать интересы этого государства, но я считаю своим долгом обратить благосклонное внимание Российской делегации, что не в количестве дело и не в силе одной или другой

той или иной национальности), но в противовес этим принципам они выдвигают принцип этнический, разумея под этим решающее значение при определении границ народностей вопроса о происхождении. ... Принцип вскрытия племенной основы явно непригоден в целях установления современной этнографической границы. Ссылаясь на него, можно требовать присоединения к Финляндии доброй половины Великоруссии или доброй половины Германии к славянским землям... Вопрос о происхождении белорусов-католиков Виленской губернии с точки зрения этнографической карты не имеет значения, Климас допускает грубую ошибку, приписывая им всем огульно литовское происхождение» - АВП РФ. Ф.151. Оп.3. П.3. Д.16. Лл.8-10.

⁴⁰⁹ АВП РФ. Ф.151. Оп.3. П.2. Д.7. Л.3.

⁴¹⁰ Ціхаміраў А.В. Указ. соч. С.212.

группы, а в правоте самого дела. Белорус всегда был костью раздора между Россией и Польшей. Белорусь и Литва всегда жили между собой в полном согласии. Литовское правительство никогда не отрекается от того, что, если будет Белорусское Независимое государство и, если интересы Литвы и Белоруссии этого потребуют, оно вступит даже в федеративную связь с этим государством»⁴¹¹.

Прочие высказывания Д. Семашко сводились к утверждению, что Гродненская губерния, чье население носило смешанный характер, экономически и культурно, тем не менее, составляло единое целое с Литвой и потому должна была быть присоединена к этому государству. В качестве аргументов приводились проведенные там выборы в Тарибу, а также решения белорусских организаций Гродненщины и Виленщины об объединении с Литвой⁴¹². С. Розенбаум, член литовской делегации, представлявший интересы еврейского населения, на пленарном заседании 21 мая 1920 г. добавлял к этому, что, в качестве компромисса, Литва может присоединить Гродненщину как автономную область с собственным сеймом, которая может отделиться в любой момент, если будет организовано независимое Белорусское государство и население Гродненщины пожелает к нему присоединиться⁴¹³.

Глава российской делегации А. Иоффе не согласился с утверждением литовской стороны о том, что белорусы Гродненской губернии уже «самоопределились в сторону Литвы», и, следовательно, этот вопрос не может быть предметом дискуссий на конференции⁴¹⁴. В его выступлении говорилось: «Что касается заявления относительно воли белорусского народа, то нам

⁴¹¹ Запись этой реплики имеется только в выписке из стенограммы заседания, находящейся в Архиве БНР в указанном фонде и отсутствует в других, более полных копиях стенограмм заседаний, в частности, ее нет в записи этого заседания, хранящейся в РГАСПИ (РГАСПИ. Ф.159. Оп.2. Д.9. Л.77-80) и в наиболее полном варианте, находящемся в АВП РФ (АВП РФ. Ф.04. Оп.27. Папка 180а. Д.200. Л.47-53). Возможно, впрочем, что эта реплика была произнесена не на заседании мирной конференции, а в смешанной комиссии (заседания комиссий не стенографировались, а протоколировались; из полного текста реплики можно понять и таким образом). – НАРБ. Ф.325. Оп.1. Д.97. Л.10.

⁴¹² АВП РФ. Ф.04. Оп.27. П.180а. Д.200. Л.78.

⁴¹³ Там же. Л.107.

⁴¹⁴ РГАСПИ. Ф.159. Оп.2. Д.9. Л.70.

известен ряд актов и ряд фактов, имеющих чрезвычайно серьезное отношение к этому, так называемому, самоопределению.

Нам известно, например, что существует группа, претендующая на создание независимости и самостоятельности Белоруссии, претендующая наконец на самостоятельные переговоры с Российским Правительством. Нам известно также, что есть др. группы, которые стоят на точке зрения создания Литовско-Белорусской Республики. Наконец, нам известно, что есть и третья группа и, поскольку я могу оперировать тем материалом, который у меня имеется, весьма многочисленная группа, которая вообще не желает выделения Белоруссии из состава Рос.Соц.Фед.Респ. ... Если я не говорил до сего времени о Белоруссии, то именно ввиду тех событий, о которых я только что сообщал, ввиду того фактического положения, при котором громадная масса белорусского населения неоднократно заявляла свою волю остаться в пределах России, а другие части говорили то о создании Литовско-Белорусского Государства, то о создании самостоятельного Белорусского государства. Мы не имеем поэтому до сего времени оснований считать самоопределение белорусского народа совершившимся. Мы не имеем оснований считать, что как раз те группы, которые, быть может, действительно представляет здесь уважаемый член Литовской Делег., г. Семашко, выражают действительную волю всего Белорусского народа».

А. Иоффе настаивал на сохранении за Россией роли арбитра в решении территориального вопроса и отвергал возможность передачи белорусских земель Польше или Литве вопреки воле населения: «Я хотел бы еще подчеркнуть, что уважаемый член Делегации – г. Розенбаум, в своей речи нам доказывал, что, если бы по отношению Гродненской губ. спор шел между Россией и Литвой, то разрешение его и предложения, делаемые тогда Литовской Делегацией, были бы иными, но в действительности спор идет между Литвой и Польшей. Мне думается, что это не так ... хотя вопрос о самоопределении белорусского народа не разрешен, он не может быть так

разрешен, что территория, населенная в большинстве своем не польским народом, должна отойти к Польше. Я должен заявить, что Россия этого не допустит, и что оперировать таким материалом и такими соображениями поэтому не приходится. Я хотел бы только добавить, что поскольку я знаю, Польша претендует только на два уезда Гродненской губ.: Белостокский и Бельский»⁴¹⁵.

В конце мая 1920 г. переговоры зашли в тупик. Иоффе говорил даже о возможности разрыва с литовцами, если они продолжают настаивать на своих требованиях⁴¹⁶. Чичерин выступил категорически против прекращения переговоров, мотивируя это необходимостью создать впечатление сближения с Литвой. В письме Ленину от 22 мая 1920 г. он указывал на возможность территориальных уступок ради военного выступления Литвы против Польши и в целом разрыва «окраинного кордона»; «часть окраинных государств становятся в позу наших друзей, у Польши отнимается позиция окраинного представителя, уничтожается противоположение нам всех окраинных государств. Эта видимость литовской дружбы имеет для нас настолько крупное значение, что вполне стоит потратить немножко более дипломатических маневров товарища Иоффе, чтобы этого достигнуть»⁴¹⁷.

25 мая 1920 г. большая часть литовской делегации, включая председателя Ф. Нарушевича и членов делегации Д. Семашко и С. Розенбаума, выехали в Ковно для консультаций с правительством⁴¹⁸. Но заседания смешанной комиссии по вопросу о границах продолжались⁴¹⁹.

Советско-литовские переговоры о судьбе территорий, права на которые предъявляли белорусские политики, привлекали большое внимание и «самостийников». Деятели БНР, независимо от своей внешнеполитической ориентации, выражали несогласие с перспективой отторжения Литвой

⁴¹⁵ РГАСПИ. Ф.159. Оп.2. Д.9. Л.83

⁴¹⁶ Там же. Л.182

⁴¹⁷ Там же.

⁴¹⁸ АВП РФ. Ф.151. Оп.3. П.2. Д.4. Л.18

⁴¹⁹ Там же. Д.7. Л.5

белорусских земель. В мае 1920 г. В. Ластовский потребовал от Д. Семашко гарантий того, что белорусы получают автономию в составе Литвы и на спорных территориях будет проведен плебисцит об их будущей государственной принадлежности. Не получив таких гарантий, белорусы выступили против включения белорусских территорий в состав Литвы.

В июне 1920 г. руководство РСФСР наконец-то сочло возможным принять миссию правительства БНР. Секретарь военно-дипломатической миссии БНР в Латвии и Эстонии Я. Черепук получил разрешение Г.В. Чичерина прислать в Москву белорусскую делегацию⁴²⁰. 24 июня 1920 г. в Москву выехал член БПСР М. Маркевич, а через некоторое время приехал еще один представитель, В. Захарко. Он встретился с Чичериным и передал ему меморандум, в котором содержались требования признать независимость БНР и способствовать возрождению белорусского народа в политическом, экономическом и национально-культурном отношениях.

Однако переговоры по меморандуму БНР не начались. 4 июля войска Западного фронта под командованием М. Тухачевского перешли в успешное наступление в Белоруссии. Переговоры с БНР, которые можно было использовать для того, чтобы сделать ковенское правительство более уступчивым, утратили свою актуальность. К тому же факт ведения этих переговоров беспокоил белорусских коммунистов, которые потребовали от НКВД РСФСР их прекратить. Таким образом, миссия В. Захарко результатов не дала⁴²¹.

Зато возрос интерес к скорейшему заключению мирного договора с Литвой. Наступление на запад делало для советской стороны актуальным вопрос о безопасности правого фланга Западного фронта, т.е. о позиции Литвы по отношению к Польше⁴²². Заседания российско-литовской мирной

⁴²⁰ Ціхаміраў А.В. Указ. соч. С.272

⁴²¹ Там жа. С.273

⁴²² Это были не напрасные опасения. 4 июля 1920 г. министр иностранных дел Польши Е. Сапега заявил, что польское правительство готово де-факто признать независимость Литвы и установить с ней добрососедские отношения. – Навицкас К. Указ. соч. С. 126.

конференции возобновились 22 июня 1920 г., после возвращения в Москву председателя литовской делегации Ф. Нарушевича и члена делегации С. Розенбаума⁴²³. Белорусский представитель Д. Семашко после перерыва в Москву не вернулся. Тем не менее на первом после перерыва пленарном заседании А. Иоффе огласил полученное к тому времени заявление Центральной Белорусской Рады Гродненщины и Виленщины от 6 мая 1920 г. (эта организация была единственной, признаваемой польскими властями в качестве белорусского национального представительства оккупированных Польшей территорий⁴²⁴) о том, что Д. Семашко не имеет никаких полномочий ни от каких белорусских организаций на то, чтобы представлять интересы этого населения на переговорах⁴²⁵.

Чтобы стимулировать ход переговоров, российская делегация предложила решать вопрос о границах с учетом того, что Гродненская и Виленская губернии были оккупированы польскими войсками⁴²⁶, а среди самих белорусов не было единства мнений относительно их будущего. Было заявлено, что поскольку одновременно существовали четыре течения, «в том числе авторитетное и многочисленное незалежническое течение, и столь же многочисленное и авторитетное пророссийское», то логичнее было бы оставить спорные территории в ведении «единственной законной и естественной» наследницы Российской империи, которой они прежде принадлежали, т.е. Советской России⁴²⁷. Аргументировалось это тем, что Россия является не националистическим государством, а федерацией, в отличие от Литвы, которая выказывает явно империалистические замашки⁴²⁸; Гродненская губерния же скорее пожелала бы присоединиться ко всей Белоруссии, потому надо дождаться ее самоопределения⁴²⁹. В связи с

⁴²³ АВП РФ. Ф.04. Оп.27. П.180а. Д.201. Л.37

⁴²⁴ Sylwester Wojewódzki przed sądem marszałkowskim. S.99

⁴²⁵ НАРБ. Ф.325. Оп.1. Д.97. Л.5

⁴²⁶ АВП РФ. Ф.04. Оп.27. П.180а. Д.201. Л.32

⁴²⁷ Там же.

⁴²⁸ Там же. Л.32об.

⁴²⁹ Там же. Д.200. Л.114

неопределенностью белорусского вопроса советские дипломаты снова заявили о невозможности удовлетворить все территориальные требования Литвы. А. Иоффе был опытным переговорщиком, умело совмещавшим твердость позиции с разумными компромиссами, если они служили достижению генеральной цели. А такой целью в советско-литовских переговорах было предотвращение возможного польско-литовского военного союза.

В начале июля 1920 г. советские дипломаты согласились на включение в состав Литвы Ошмян, Лиды и Гродно. Литовская делегация предложение приняла⁴³⁰. Такое решение территориального вопроса должно было устранить опасность польско-литовского сближения. 12 июля 1920 г. был подписан российско-литовский мирный договор, передававший Литве не только Вильно, но и значительную часть западнобелорусских земель.

Разумеется, это вызвало протесты белорусских националистов. 22 июля 1920 г. правительство Ластовского направило от имени Белорусской народной республики правительствам Советской России, Литвы и стран-участниц мирной конференции в Париже протест против российско-литовского договора. В нем, в частности, заявлялось о готовности белорусского народа «бороться с этой вопиющей несправедливостью всеми доступными ему средствами», высказывалось требование «немедленного пересмотра условий названного мирного договора и признания согласно волеизъявления Белорусского Народа (таким волеизъявлением группа Ластовского считала выборы делегатов на Всебелорусский съезд, состоявшийся в декабре 1917 г. и разогнанный большевистским руководством Западной области. – Д.К.) Его суверенности и политической независимости в этнографических пределах»⁴³¹.

Однако этот протест не имел каких-либо последствий. Созданные под эгидой Польши институты белорусской власти не только не были признаны ни одним правительством, включая польское, но и не пользовались серьезной

⁴³⁰ А.В. Ціхаміраў. Указ. соч. С.239

⁴³¹ РГАСПИ. Ф.159. Оп.2. Д.8. Л.38

поддержкой местного населения. Правительство Луцкевича так и осталось чисто политическим представительством части белорусского политического класса, лишенным возможности влиять на позицию соседних государств – Польши, РСФСР и Литвы, решавших за счет Белоруссии свои текущие и долгосрочные задачи. Оно могло существовать только в условиях польской оккупации, с уходом польских войск под напором Красной армии эта группировка сошла с исторической авансены, уступив место своим политическим конкурентам. Впрочем, мало чем от него в этом отношении отличалось и правительство В. Ластовского, хотя степень свободы действий у него была заметно больше. Успешное наступление Красной армии в Белоруссии вновь сделало более предпочтительными шансы той части белорусского политического класса, которая ориентировалась на советскую Россию.

III.2. Белорусский аспект в польской политике Кремля в июне-августе 1920 года

Белорусский вопрос с весны 1920 г. привлекал внимание не только советского дипломатического ведомства, но и политического руководства страны. Майское 1920 г. наступление советского Западного фронта в Белоруссии, которое в первое время развивалось успешно, реанимировало вопрос о возобновлении там процесса советского национально-государственного строительства, начатого в 1919 г. По инициативе члена РВС Западного фронта А. Червякова стали регулярно собираться заседания инициативных групп коммунистов-белорусов, где рассматривался вопрос о восстановлении советской власти и самоопределении Белоруссии. А. Червяков и его единомышленники (Д. Жилунович, И. Клишевский, А. Гурло, П. Грицкевич, Г. Богданович и др.) настаивали на создании ревкома Белоруссии в качестве «автономного организма Советской России» и отказывались входить в состав Минского ревкома. В своей записке,

направленной в ЦК КПЛиБ 22 мая 1920 г., А. Червяков обосновывал свою точку зрения как положениями программы большевиков по национальному вопросу (принцип самоопределения народов), так и международной обстановкой (необходимость парализовать претензии Литвы на Гродно и Виленскую губернию, которым надо противопоставить суверенитет над этой территорией советской Белоруссии⁴³².

Руководители ЦК КП(б) ЛиБ (В. Кнорин, М. Калманович, Р. Пикель, И. Рейнгольд) считали, что Белоруссия должна остаться в составе РСФСР на правах относительно самостоятельной административно-экономической единицы, а белорусы получить культурно-национальную автономию в рамках Минской губернии.

25 мая 1920 г. этот вопрос рассмотрело политбюро ЦК РКП(б). Поскольку советское наступление захлебнулось, и войска вернулись на исходный рубеж, было решено ограничиться созданием Минского губревкома, т.е. не создавать каких-то особых белорусских органов власти для небольшой территории ЛитБел, оставшейся под советским контролем. Возглавил ревком А. Червяков, в состав вошли В. Кнорин и Хатаевич. В тот же день был назначен новый состав бюро ЦК КП(б) ЛиБ: председатель И. Смилга, члены ЦК З. Алекса-Ангаретис, Я. Долецкий, В. Кнорин, В. Мицкевич-Капсукас, А. Мясников, И. Уншлихт. Бюро ЦК КП(б) ЛиБ получило статус областного бюро РКП(б)⁴³³.

Успехи Красной армии Юго-Западном фронте в июне 1920 г., а в июле и на Западном, вновь актуализировали вопрос о восстановлении белорусской советской государственности, уже вне связи с Литвой, поскольку РСФСР признала литовское правительство в Ковно. 7 июля 1920 г. на освобожденной от польских войск территории был создан Минский губревком, куда вошли А. Червяков (председатель), И. Адамайтис, И. Адамович, А. Вайнштейн (от ЦК Бунда), А. Гетнер, И. Гродзюшко, В. Игнатовский (от БКО), А. Трофимов (от

⁴³² Ціхаміраў А.В. Указ. соч. С. 258

⁴³³ Там же. С. 259

ЦК БПСР) и др. 11 июля Минский губревком объявил о переходе в его руки всей гражданской власти на освобожденной от поляков территории⁴³⁴. Но решения о восстановлении ССРБ в тот момент принято не было.

Триумфальный поход Красной армии на Варшаву поставил Польшу в тяжелейшее положение, заставив ее руководство обратиться за помощью к Антанте. В начале июля премьер-министр Польши Владислав Грабский на конференции Верховного Совета Антанты в бельгийском Спа попросил державы о помощи и поддержке. В ответ премьер-министр Великобритании Ллойд-Джордж посоветовал польскому правительству отказаться от амбициозных федеративных планов и попытаться договориться с большевиками, согласившись на проведение восточной границы Польши на основе этнографического принципа.

11 июля 1920 г. министр иностранных дел Великобритании Дж. Керзон по поручению Верховного Совета Антанты направил ноту Г. В. Чичерину, в которой предложил советским войскам приостановить наступление в 50 км к востоку от линии, определенной Верховным Советом Антанты в декабре 1919 г. (с этого момента условная т.н. «линия Антанты» стала называться «линия Керзона»). Кроме того, Англия заявила о своем намерении сыграть посредническую миссию в польско-советском конфликте. По мнению канадского историка Я. Боженцкого, позиция Антанты, высказанная в Спа, похоронила федеративные идеи Пилсудского, поскольку определенно обозначила, что Польша не получит международной поддержки в своей агрессии на «территориях, принадлежащих исключительно и бесспорно России»⁴³⁵.

16 июля пленум ЦК РКП(б), определявший позицию РСФСР в связи с нотой Керзона, под сильным давлением В.Ленина в числе прочих принял решение «помочь пролетариату и трудящимся массам Польши освободиться

⁴³⁴ Ціхаміраў А.В. Указ. соч. С.260

⁴³⁵ Borzęcki J. The Soviet-Polish Peace of 1921 and the Creation of Interwar Europe. Yale University, 2008. P.78.

от их помещиков и капиталистов»⁴³⁶. На следующий день СНК РСФСР сообщил правительству Великобритании, что он отказывается от предложения о посредничестве и желает получить прямое обращение от Польши с просьбой о перемирии и заключении мира. Руководство РСФСР также выразило готовность обсудить с поляками вопрос о границах и даже установить «более выгодную для польского народа территориальную границу» по сравнению с «линией Керзона».

28 июля части Красной армии заняли Белосток. С этого момента начал реализовываться большой проект по советизации Польши. 30 июля было объявлено об образовании в этом городе Временного революционного комитета Польши (Польревком) во главе с Юлианом Мархлевским. Этот орган революционной власти провозгласил курс на «создание фундамента будущей Польской советской республики» и укрепление союза и дружбы с Советской Россией⁴³⁷.

В тот же день был создан Временный революционный комитет Белорусской республики. Его председателем стал А. Червяков, заместителем – В. Кнорин, секретарем – И. Клишевский, членами – И. Адамович, В. Игнатовский (от БКО), А. Вайнштейн (от Бунда). От БПСР в состав ВРК должен был войти А. Трофимов⁴³⁸.

31 июля 1920 г. на совместном заседании ЦК КП(б) ЛиБ, ЦК БКО, ЦБ профсоюзов Минска и Минской губернии, ЦК Бунда была принята декларация о провозглашении независимости Советской Социалистической Республики Белоруссии. Подписали ее В. Кнорин, А. Червяков, И. Смилга (от ЦК КП(б) ЛиБ), А. Криницкий (от ЦБ профсоюзов), В. Игнатовский (от БКО), А. Вайнштейн (от Бунда). Согласно декларации, до созыва Всебелорусского съезда Советов власть оставалась в руках ВРК ССРБ, провозглашалось равенство в отношениях ССРБ и РСФСР при сохранении единого военного

⁴³⁶ Польско-советская война 1919-1920... Ч.1. С.142.

⁴³⁷ Druga Rzeczpospolita. Wybór dokumentów. Warszawa, 1988.S.75-78

⁴³⁸ Ціхаміраў А.В. Указ. соч. С.261

командования войсками всех советских республик. Границы республики описывались следующим образом: на западе ею должна была стать «этнографическая граница с буржуазными государствами», на востоке и юге ее надлежало определить соответствующими решениями уездных и губернских съездов Советов «в полном согласии с правительствами РСФСР и ССРУ». В итоге в состав Советской Белоруссии должны были войти 11 уездов Минской и Гродненской губерний⁴³⁹.

Процесс повторного провозглашения независимости ССРБ сопровождался обострением политического противостояния между белорусскими коммунистами и белорусскими эсерами. В мае - июле 1920 г. БПСР активно участвовала в борьбе против поляков на территории Белоруссии. Исходя из духа решений мартовского съезда своей партии, о чем говорилось выше, руководители белорусских эсеров потребовали зафиксировать в тексте декларации о независимости ССРБ ряд положений: о созыве Всебелорусского рабочего конгресса для решения вопроса о государственном строе Белоруссии, формировании коалиционного правительства из представителей коммунистов и левых партий национально-демократического толка (прежде всего БПСР), создании белорусской армии, полной независимости ССРБ от РСФСР, расширении территории республики до ее этнографических границ, провозглашении белорусского языка государственным. После легко прогнозируемого отказа ЦК КП(б) ЛиБ удовлетворить эти требования, ЦК БПСР отозвал своих представителей из ВРК и отказался подписывать декларацию о независимости ССРБ. Фамилия А.Трофимова из текста была вычеркнута⁴⁴⁰. Однако это никак не сказалось на дальнейшей судьбе вопроса, поскольку он был решен в Москве как часть возобновленного советского проекта продвижения социализма на запад, отставленного в сторону в конце 1919 – первой половине 1920 г. 12 августа

⁴³⁹ Ціхаміраў А.В. Указ. соч. С. 262

⁴⁴⁰ Там жа. С. 263.

1920 г. ВРК в качестве высшего органа государственной власти в Белоруссии был признан командованием Западного фронта.

Несомненно, что решение о восстановлении ССРБ, как и в конце 1918 г., было связано с областью советско-польских отношений. Только если в первый раз преследовалась цель создания барьера между Великороссией и Польше, то теперь ССРБ должна была продемонстрировать мировому сообществу, прежде всего Великобритании, отсутствие у РСФСР империалистических планов возрождения России в границах Российской империи. Одним из таких действий и стало решение от 31 июля 1920 г. о восстановлении ССРБ, хотя всего за 24 дня до этого доминировало убеждение о целесообразности оставления белорусских территорий в составе РСФСР. В случае успеха ленинского проекта советизации Польши, формально трудно бы было говорить о том, что Россия ее поглотила. Ведь между ними находилась самостоятельная Белоруссия.

Конституирование ССРБ пришлось на момент подготовки Варшавы и Москвы к переговорам о прекращении огня и прелиминарных условиях мира. Как уже говорилось выше, за основу будущей границы по требованию Верховного Совета Антанты надлежало взять линию Керзона. Следовательно, речь шла о судьбе земель, на которые, исходя из этнического принципа, претензии предъявляли и Польша, и ССРБ. Кроме того, польское правительство испытывало сильное давление польского лобби с восточных кресов, особенно крупных землевладельцев, не имевших ни малейших надежд в отношении того, что им удастся сохранить свою собственность в случае потери Польшей этих территорий.

22 июля 1920 г. правительство Польши известило СНК РСФСР о своей готовности начать переговоры, 11 августа утвердило состав делегации во главе с заместителем министра иностранных дел Я. Домбским и инструкции по ведению мирных переговоров⁴⁴¹.

⁴⁴¹ Круталевич В.А., Юхо І.А. Гісторыя дзяржавы і права Беларусі (1917-1945). Мінск, 2000. С. 80.

Новый министр иностранных дел, Е. Сапега, не был слишком благосклонен к нуждам кресовых поляков: представителя Рад Белорусских земель не включили в первый состав делегации. Причиной была как спешка, с которой была сформирована и отправлена делегация, так и нежелание МИД затруднять себе задачу заключения договора. Кресовые поляки явно были бы против тех условий, на которые польское правительство намеревалось согласиться в виду нахождения советских войск в 25 км от Варшавы. В частной беседе с М. Коссаковским Сапега признавался в то время, что, в связи с обескураживающим бегством польской армии, у него не было никакого определенного мнения в вопросе о границах и принадлежности белорусских территорий⁴⁴².

Польская делегация смогла выехать в Минск, где должна была проходить конференция, только 13 августа. Отъезд делегации совпал с переломным моментом в битве за Варшаву. Когда 17 августа 1920 г. в Минске начались мирные переговоры между РСФСР и Польшей, ситуация на фронте уже изменилась в пользу Польши (16 августа польскими войсками был прорван участок фронта, удерживавшийся т.н. Мозырской группой)⁴⁴³. Советская делегация не сразу разобралась в масштабах поражения Красной армии. На втором заседании мирной конференции советская делегация, выступавшая от имени РСФСР и УССР, торжественно заявила о признании советскими республиками независимости и самостоятельности Польской республики, праве польского народа самостоятельно определять форму государственной власти и отказе от каких-либо контрибуций с Польши. Одновременно польской делегации были предъявлены самые невыгодные условия мира, подготовленные в период успешного наступления: разоружение польской армии, сокращение ее численного состава до 50 000 человек, создание вооруженной рабочей милиции. Учитывая факт наличия

⁴⁴² Obieziński M. Wspomnienia z polsko-rosyjskiej konferencji pokojowej ryskiej dla ułożenia preliminarjów pokojowych (wrzesień-paźdz. 1920 r). Warszawa, 1938. S. 6.

⁴⁴³ Круталевич В.А., Юхо І.А. Гісторыя дзяржавы і права Беларусі. С.89.

Польревкома, отказывавшего варшавскому правительству в праве на власть, выполнение этих условий фактически означало бы установление коммунистической власти в Польше. Польская делегация, которая, по утверждению М.Обезерского, привезла с собой в Минск радиостанцию, благодаря чему получала ежедневные сообщения Генерального штаба о положении на фронте и успехах польской армии, решительно эти предложения отвергла, заявив, что мирные предложения Советской России напоминают «условия капитуляции»⁴⁴⁴.

Белорусский вопрос возник на конференции в связи с предложением советской делегации провести восточную польскую границу по линии Керзона, с отступлением в пользу Польши в районе Белостока (в Белоруссии) и Холма (на Украине)⁴⁴⁵. В ответ польская делегация обратила внимание на то, что «польский элемент простирается далеко за линию, предложенную советской делегацией», и что соответствующая линия практически целиком совпадает с линией раздела Речи Посполитой в 1795 г. и поэтому оскорбляет национальные чувства поляков⁴⁴⁶. В развитие дискуссии о судьбе восточных кресов, Я. Домбский подчеркнул факт признания польским руководством в лице Ю. Пилсудского права на самоопределение народов Литвы, Украины и Белоруссии, и это при том, что Польша обладала «несомненными историческими правами» на эти территории и могла бы «просто их присоединить»⁴⁴⁷.

На это председатель советской делегации К. Данишевский ответил, что ссылка польской делегации на «исторические права» означает, что Польша считает себя «наследницей грабежей» шляхетской Польши XV-XVIII веков и желает вновь надеть кандалы на трудящихся Украины, Белоруссии, Литвы и Латгалии, где польское население представлено исключительно помещичьим

⁴⁴⁴ Obieziński M. Wspomnienia z polsko-rosyjskiej konferencji pokojowej ryskiej ... S.4.

⁴⁴⁵ ДВП СССР. Т.3. М., 1959. С.137-139

⁴⁴⁶ AAN. Zespół MSZ. T. 6738. Ark. 15.

⁴⁴⁷ Obieziński M. Op. cit. S.5.

сословием⁴⁴⁸. Тем не менее, Домбский настаивал на том, что интересы польского населения должны быть обязательно учтены при решении судьбы этих территорий, причем напомнил и о февральских обещаниях советской стороны не переходить линии Дрисса-Дисна-Полоцк-Борисов и о тогдашних же заверениях, что большевики «не видят ни одного вопроса, территориального ли, экономического или иного, который не мог бы быть разрешен путем переговоров и взаимных уступок»⁴⁴⁹.

Данишевский ответил, что переход означенной линии был вынужден польским наступлением, начатым вопреки многочисленным советским предложениям о мирных переговорах, в результате чего советская армия должна была по стратегическим соображениям перейти на украинском фронте эту линию⁴⁵⁰. По мнению Обезерского, представителя польских организаций Белоруссии, эта фраза, не упоминая белорусский отрезок, давала польской делегации прекрасный аргумент для того, чтобы настаивать на указанной границе на этом участке фронта и говорить, что даже стратегические соображения не дают Красной армии права переходить обозначенную линию на белорусском фронте⁴⁵¹. Польская делегация не воспользовалась этими аргументами, по его мнению, по невнимательности.

Советские власти, подозревая, и небезосновательно, польскую делегацию в шпионаже, устроили для ее членов и техперсонала невыносимую обстановку, следя за ними и контролируя каждый их шаг. Кроме того, военные власти развесили по Минску плакаты с обвинениями в адрес поляков. Это, а также необходимость консультаций с правительством (возможно, это был лишь благовидный предлог), заставило польскую делегацию прервать переговоры и вернуться в Варшаву. Перед отъездом Домбский предложил перенести переговоры в другое место. Латвия, к тому моменту подписавшая мирный договор с РСФСР, согласилась на просьбу Е. Сапеги дать

⁴⁴⁸ AAN. Zespół MSZ. T. 6738. Ark. 17.

⁴⁴⁹ AAN. Zespół MSZ. T. 6738. Ark. 18.

⁴⁵⁰ Ibidem. Ark. 17.

⁴⁵¹ Obieziński M. Op. cit. S.6.

возможность продолжить советско-польские переговоры в Риге. 25 августа 1920 г. Я. Домбский покинул Минск. Вслед за этим был отозван в Москву и руководитель делегации РСФСР К. Данишевский. На этом первый этап мирных переговоров завершился. Несмотря на отсутствие каких-либо конкретных решений, минские переговоры обозначили позиции сторон по вопросу о разграничении в Белоруссии. Советская делегация была за проведение границы по линии Керзона с некоторыми уступками в пользу Польши, польская сторона конкретной линии не называла, обозначив лишь свои максимальные претензии до т.н. линии Ленина. Это означало, что решение вопроса будет нелегким, поскольку между означенными линиями находилась вся подконтрольная на тот момент минскому советскому правительству территория Белоруссии.

III.3. Белорусский вопрос на мирных переговорах в Риге (сентябрь 1920-март 1921 года)

Сохранение белорусским вопросом открытого характера создавало условия для участия в его решении различных внешних сил. Можно согласиться с мнением, что вряд ли вообще можно было говорить о возможности выступления Белоруссии как субъекта на рижских переговорах, независимо от того, о каком белорусском представительстве шла речь. Как Наивысшая рада, так и Рада БНР, возглавляемая В. Ластовским, или руководство ССРБ, не пользовались серьезной поддержкой в самой Белоруссии и потому могли рассчитывать только на помощь соседних государств: Наивысшая рада – Польши, Рада В. Ластовского – Литвы, белорусские коммунисты – РСФСР⁴⁵².

Из пропольских сил в Белоруссии наиболее облегченный доступ к правительству имели Национальные рады белорусских земель и Инфлянт

⁴⁵² Materski W. Traktat Ryski a Białoruś // Polska – Białoruś (1918-1945). S.91.

(НРБЗИ), сразу же после объявления перерыва в мирных переговорах возобновившие свою бурную деятельность по лоббированию интересов белорусских поляков в МИД. В начале сентября на пленуме руководства этой организации было решено добиваться прежней цели – включения Белоруссии в состав Польши с предоставлением ей широкой автономии, причем земли к западу от линии немецких окопов 1916 г. следовало безоговорочно признать польскими. Делегаты постановили договориться с организацией «Стража кресова», действовавшей на Виленщине и Гродненщине, о совместных усилиях в этом направлении. В это же время была создана Виленско-Гродненская конфедерация (ВГК), объединившая все организации в Варшаве, которые стояли на платформе инкорпорации и раздела восточных территорий.

Обезерский наладил взаимодействие с представителями «Стражи кресовой», последняя взяла на себя инициативу проведения нескольких совместных совещаний с НРБЗИ и ВГК для согласования своих программ⁴⁵³. Однако эти усилия оказались тщетными: уже после нескольких заседаний стало ясно, что сторонники федерации составляли большинство. Поэтому поборники инкорпорации – члены Виленско-Гродненской конфедерации – отказались от дальнейших переговоров. Прочие же участники заседаний – члены Национальных рад белорусских земель и Инфлянт, «Стражи кресовой» и Виленской демократии – составили совместную декларацию о намерениях, которую опубликовали в дружественных журналах, и договорились добиваться от правительства участия своих представителей на мирной конференции⁴⁵⁴.

Участие белорусских поляков в мирных переговорах казалось вполне возможным, тем более что Виленско-Гродненская конфедерация добилась права на участие от ее имени в заседаниях конференции в качестве эксперта городского головы Вильно, бывшего депутата российской Государственной думы Баньковского, а виленские демократы получили обещание, что от их

⁴⁵³ Obieziński M. Op. cit. S.6.

⁴⁵⁴ Ibidem. S.7.

имени будет выступать член делегации и эксперт Бронислав Кшижановский (виленский адвокат, член польского Виленского комитета, в конце 1918 – начале 1919 г. пребывавший во Франции и хорошо знавший ход и результаты Парижской мирной конференции).

Совместное прошение Рад белорусских земель и Инфлянт, Комитета защиты кресов и «Стражи кресовой», направленное князю Сапеге практически накануне отъезда польской мирной делегации в Ригу, о допуске к участию в заседаниях мирной конференции их представителей, министр иностранных дел решил удовлетворить, однако согласился лишь на одного представителя от НРБЗИ⁴⁵⁵. Им стал М. Обезерский, чья кандидатура, за неимением возможности направить собственного делегата, удовлетворила и «Стражу кресову». Он смог выехать в Ригу лишь со второй частью делегации, 26 сентября, и прибыл туда только 2 октября⁴⁵⁶.

Белорусские эсеры попытались заручиться поддержкой Москвы. 16 сентября 1920 г. в Москву из Риги для встречи с Г.Чичериным приехала их делегация. Ее глава, М. Маркевич, сообщил наркому о том, что левые элементы «устранены из белорусского правительства (Ластовского. – Д.К.) и высланы из Латвии, в Риге почти никого не осталось, он один из высланных». Эта группа, по словам М. Маркевича, надеялась восстановить союз с белорусскими коммунистами, для чего намеревалась ехать в Минск. Он объяснял разрыв БПСР с компартией во время подписания декларации о независимости Белоруссии неясностью формулировок последней: в ней не было указания на «конкретное государственное тело», т.е. Белорусскую республику. Маркевич считал еще возможным организовать правительство Белоруссии, стоящее на советской платформе, но сформированное по принципу представительства партий. Он выдвинул следующие предложения: создание независимой Белорусской советской республики, которая затем вступит в федеративную связь с советской Россией, а также участие

⁴⁵⁵ Obieziarski M. Op. cit. S. 7.

⁴⁵⁶ Ibidem. S. 8.

Белоруссии в рижских переговорах в качестве четвертого, помимо РСФСР, УССР и Польши субъекта.

Поляки, по мнению Маркевича, вновь выдвинули лозунг независимости Белоруссии, потому «что не в силах ее завоевать». Но они не найдут среди белорусов союзников, т.к. даже поправевшее правительство Ластовского не пойдет на союз с Польшей, помня «о судьбе Луцкевича, которым пожертвовали сами поляки, ибо он как полонофил оказался без почвы». Чичерин сообщал Иоффе в связи с этой встречей, что ждет приезда В. Игнатовского, представителя белорусского Ревкома, чтобы уточнить степень влияния БПСР в самой Белоруссии и понять, стоит ли в принципе вести с ними дальнейшие переговоры, а также возможно ли противопоставить их польским притязаниям⁴⁵⁷.

Таким образом, в сентябре 1920 г. позиция белорусских эсеров не была монолитной: Ластовский искал опоры в литовских правительственных кругах, в дальнейшем официально став их союзником, другие же белорусские эсеры ориентировались на Советскую Белоруссию, все еще надеясь получить представительство в белорусском советском правительстве⁴⁵⁸. Общей для всех них была враждебность к Польше.

В беседе с Маркевичем Чичерин, не желая связывать себе руки, уклонился от определенного ответа, сообщив лишь, что все контакты с ним и его сторонниками будут вестись через члена ЦК КП(б) ЛиБ И.Смилгу, который осуществлял связь между КП(б) ЛиБ и РКП(б)⁴⁵⁹. Судя по имеющимся в распоряжении исследователей источникам, план Маркевича о примирении эсеров с белорусскими коммунистами и допуске на мирную конференцию результатов не дал.

Что касается белорусских коммунистов, то они во время советско-польских мирных переговоров вели себя довольно пассивно, предоставив

⁴⁵⁷ РГАСПИ. Ф.5. Оп.1. Д.2000. Л.6.

⁴⁵⁸ Ладысеў У.Ф., Брыгадзін П.І. На пераломе эпох... С. 64-67.

⁴⁵⁹ РГАСПИ. Ф.5. Оп.1. Д.2000. Л.6.

Москве все права на решение связанных с судьбой Белоруссии вопросов. С точки зрения международного права это была обоснованная позиция, поскольку правопреемницей Российской империи, как это продемонстрировали все проведенные и проводившиеся в тот момент международные переговоры, считалась РСФСР. Выдача РСФСР от имени ВРК ССРБ 10 сентября 1920 г. «самого широкого мандата на ведение мирных переговоров с Польшей по вопросу главным образом определения границ Белоруссии» вовсе не означала, что руководители советской Белоруссии считали ее субъектом международной сцены. Это решение нужно было советской делегации, во-первых, чтобы без всяких оглядок на политкорректность распоряжаться судьбой белорусских земель, во-вторых, чтобы включить в тексты будущего прелиминарного и окончательного мирного договора упоминания о существовании БССР. В отсутствие признанного Польшей альтернативного белорусского правительства, у советской стороны не было особой надобности добиваться участия делегатов ССРБ в переговорах, как это было в случае с украинскими делегатами.

Это наглядно показала ситуация с направленными Г.В. Чичериным 18 сентября 1920 г. в Ригу представителями ССРБ А. Червяковым и И. Клишевским. Польская делегация категорически отказалась признать их полномочия, охарактеризовав их как «московских чиновников, а не реальных представителей белорусского народа». Кроме того, Домбский указывал на неурегулированность вопроса о восточных границах Белоруссии, отсутствие полноценных представительных органов ССРБ и ее международного представительства. 20 сентября А. Червяков писал из Риги, что его не воспринимают как действительного представителя республики, 29 сентября – о том, что он находится там «инкогнито», не будучи «ни экспертом, ни консультантом...Мне сказали, что надо ждать, и я жду»⁴⁶⁰.

⁴⁶⁰ Ціхаміраў А.В. Указ. соч. С.265.

Таким образом, на возобновленной в Риге мирной конференции не оказалось представителей ни белорусских поляков, ни белорусских эсеров, ни белорусских большевиков. Решение белорусского вопроса, как и прежде, оставалось в руках руководителей Польши и советской России.

Второй раунд советско-польских переговоров о перемирии и прелиминарных условиях мира открылся в Риге 21 сентября 1920 г. На этот раз по решению ЦК РКП(б) от 1 сентября советскую делегацию, составленную из представителей РСФСР и УССР, возглавил А. Иоффе, один из опытейших переговорщиков российского НКВД, в багаже которого на тот момент были успешно завершившиеся мирные переговоры с Центральными державами в Брест-Литовске в 1918 г., Эстонией, Литвой и Латвией в 1920 г. К тому времени политбюро уже приняло «не фиксированное решение...о переходе к политике соглашательского мира с Польшей»⁴⁶¹. Это решение полностью соответствовало намерению Иоффе заключить с поляками «мир соглашения»⁴⁶². Это означало, что советская сторона и ее мирная делегация были готовы к компромиссу, если военное счастье в ближайшее время вновь не улыбнется Красной армии.

Если первоначальные условия перемирия, выдвинутые советской стороной, действительно скорее походили на ультиматум, то после августовско-сентябрьских поражений Красной армии ситуация радикально изменилась. Теперь польская сторона могла попытаться диктовать свои условия. Однако на практике этого не произошло, так как позиция возглавляемой Я. Домбским делегации не была четкой и согласованной. Это не ускользнуло от внимания советской делегации. А.А. Иоффе писал 19 сентября Чичерину, что «поляки хотят тянуть, но не желают, чтобы это было

⁴⁶¹ Польско-советская война 1919-1920. Ранее не опубликованные ... Ч. II. М., 1994. С. 8-9.

⁴⁶² АВП РФ. Ф.04. Оп. 32. П. 205. Д. 25. Л. 41-42. Подробнее об этом см.: Матвеев Г. Тактика А.А.Иоффе на переговорах о прелиминарном мире в Риге 22 сентября – 12 октября 1920 г. // Восточная Европа. Перспективы. 2011. № 2.

понято», а их максимальные требования означают аннексию Украины и Белоруссии, что «совершенно неприемлемо»⁴⁶³.

Около 22 сентября ЦК РКП(б) выработало и направило Иоффе за подписью В. Ленина четко сформулированную инструкцию на переговоры: «Для нас вся суть в том, чтобы иметь в короткое время перемирие, и главное в том, чтобы иметь действительную гарантию мира в 10-дневный срок. Ваша задача обеспечить это и проверить реальность гарантий действительного выполнения. Если Вы обеспечите это, то давайте максимальные уступки вплоть до линии по реке Шара, Огинскому каналу, рекам Ясельде и Стырь, и далее по государственной границе между Россией и Восточной Галицией»⁴⁶⁴. Эта директива ЦК свидетельствует, что советское руководство в четвертый раз за последние неполные два года скорректировало свою позицию по вопросу о судьбе Белоруссии. Теперь ее территория должна была стать предметом торга с Польшей, причем от Иоффе не требовали отстаивать этнографическую границу. На следующий день, 23 сентября, последовало заявление ВЦИК РСФСР по вопросу об основах соглашения между РСФСР и Польшей, явно рассчитанное на международный резонанс. Весьма показательна его заключительная часть. С одной стороны, ВЦИК выразил готовность снять ряд советских условий мира, озвученных в Минске (разоружение, аннексия железной дороги Волковыск-Граево), и согласиться на проведение границы значительно восточнее той, которая была установлена Верховным советом Антанты 3 декабря 1919 г., с оставлением Восточной Галиции к западу от этой линии. Но с другой стороны, ограничил действие этих уступок 10-дневным сроком, пригрозив, что если до 5 октября польская мирная делегация не подпишет прелиминарные условия мира, то Совет народных комиссаров вправе изменить предложенные условия⁴⁶⁵.

⁴⁶³ Телеграмма Г.Чичерину из Риги 19 сентября 1920 г. – РГАСПИ. Ф.159. Оп.2. Д.39. Л.42.

⁴⁶⁴ ДМИСПО. Т. III. М., 1965. С.399.

⁴⁶⁵ Там же. С.399-400. Чичерин писал Иоффе 24 сентября: «Первая половина заявления [ВЦИК] должна была идти наперерез попыткам воскресить политику Пилсудского, вторая половина есть попытка быстрого реального соглашения с Польшей». - АВП РФ. Ф. 04. Оп. 32. П. 205. Л.13. Как отмечает Г.Ф.Матвеев, этот документ, являвшийся плодом специально созданной комиссии и редактировавшийся лично Лениным,

22 сентября Иоффе познакомил Москву с тактическими приемами, с помощью которых он намеревался выполнить на конференции в Риге поставленную перед ним задачу-минимум – в максимально короткие сроки договориться о прекращении огня и прелиминарных условиях мира. Важнейшими условиями успеха Иоффе считал: использование наступательной тактики ведения переговоров на фоне стремления поляков к миру, углубление раскола в рядах польской мирной делегации, жесткий торг по важнейшим для Польши требованиям, особенно территориального характера.

Этот свой замысел он воплотил в оглашенном на первом заседании главной комиссии мирной конференции 28 сентября 1920 г. советском проекте прелиминарного мира⁴⁶⁶. В нем содержались требования признания Польшей независимости Литвы, Украины и Белоруссии и установленного там общественного строя. В ст. 5 была представлена линия будущей государственной границы между БССР и УССР с одной стороны, и Польшей с другой, мало чем отличавшаяся от предлагавшейся Данишевским в августе. Тем самым, проект советской мирной делегации создавал определенный резерв уступок в территориальном вопросе, поскольку продиктованная Лениным Иоффе линия разграничения проходила существенно восточнее.

Проект Иоффе вызвал недовольство Чичерина, настроенного на безусловное выполнение указаний Ленина и ВЦИК. В частности, 30 сентября он раскритиковал проект Иоффе за «изобилие» содержащихся в нем предложений, которое «затрудняет быстрое принятие». Важным было указание наркома относительно решения пограничного вопроса: «Относительно границы не торгуйтесь много, в случае противодействия поляков не бойтесь дойти до максимального предела, указанного в шифровке

должен был определить не только круг вопросов, по которым следовало вести мирные переговоры, но и выбить из рук Варшавы достаточно опасное для Москвы оружие в виде требования соблюдения права наций на самоопределение применительно к населению бывших восточных окраин Речи Посполитой. - Матвеев Г. Тактика А.А. Иоффе на переговорах о прелиминарном мире в Риге... С.45.

⁴⁶⁶ Текст проекта см.: ДМИСПО. Т.III. С. 402-407; Dąbski J. Pokój Ryski. S. 92-96.

плenums ЦК. Это не должно задерживать переговоров. Важнее быстрота, надо поменьше торговли, можно хотя бы сразу дойти до указанного ЦК-ом предела. Нужны приемы ясные и простые, действующие на массы. Если поляки будут сопротивляться относительно границы, перейдите без долгих проволочек к нашему последнему слову и публикуем его как наше последнее слово...»⁴⁶⁷. Затем последовало еще несколько выдержанных в подобном же тоне депеш Чичерина, он явно склонял Иоффе к уступкам в территориальном вопросе, чтобы уложиться в определенный в заявлении ВЦИК срок достижения принципиальной договоренности до 5 октября⁴⁶⁸.

Но Иоффе считал свою тактику удачной и не собирался от нее отказываться. В докладе от 29 сентября он писал, что свое предложение о линии границы он сделал умышленно, не исключая при этом, что окончательно придется сойтись на предложенной пленумом ЦК. Главное, успокаивал он Москву, что «по-видимому, центром дебатов сейчас будет все же граница, несмотря на то, что они старались вначале перевести спор в область теоретических дебатов о самоопределении, а затем о взаимных расчетах. Несомненно, что инициатива выбита из их рук, и то, что они растерялись, наглядное тому доказательство»⁴⁶⁹. Тон доклада свидетельствовал, что Иоффе абсолютно уверен в правильности избранной им тактики переговоров и не откажется от нее под нажимом Чичерина.

В своем докладе Иоффе отметил еще два важных обстоятельства: 1) в польской делегации нет единства; 2) Домбский не хочет гласности. И действительно, польские переговорщики серьезно расходились между собой в вопросе о том, как должна проходить польская восточная граница. В составе делегации отчетливо просматривались две основные группы: 1) депутаты сейма – Ст. Грабский, Н. Балицкий, В. Керник, А. Мечковский, Л. Вашкевич,

⁴⁶⁷ АВП РФ. Ф. 04. Оп. 32. П. 205. Л.32-33об.

⁴⁶⁸ АВП РФ. Ф. 04. Оп. 32. П. 205. Л. 34-35; Польско-советская война 1919-1920... Ч. II. С.81.

⁴⁶⁹ Польско-советская война 1919-1920. Ч. II. С. 66-68. Из-за вкравшихся в текст публикации неточностей, цитирование ведется по архивному тексту документа. – АВП РФ. Ф. 04. Оп. 32. П. 205. Д. 34. Л. 48-48об.

М. Вихлиньский; 2) делегаты МИД – Я. Домбский, А. Ладось, Л. Василевский, В. Каменецкий и представитель военного министерства ген. В. Кулиньский.

Делегаты МИД во главе с Домбским и Василевским были сторонниками федеративной концепции, т.е. высказывались за создание связанной с Польшей тесными узами Белорусской республики, но без Гродненщины и Виленщины, которые должны были войти в границы Польской республики как этнически польские территории. Однако большинство членов делегации, представлявшие крупнейшие партии сейма, склонялись к точке зрения национального демократа Ст. Грабского, что интересам Польши не отвечает создание какого-либо самостоятельного белорусского государства, в связи с чем на востоке следует добиваться границ более широких, чем этнические, но не на столько, чтобы была затруднена достаточно быстрая ассимиляция славянского населения присоединяемых к Польше территорий⁴⁷⁰.

Как позднее заметил Ст. Грабский, важным для делегации вопросом стало определение направления расширения границ страны — на юг и восток, с включением Каменца-Подольского и Минска, или на север, с включением Дисны и Вилейки. Еще до начала переговоров все ее члены сошлись во мнении, что на украинском участке не удастся добиться от большевиков никаких уступок, т.к. вопрос обладания Украиной для них «был вопросом жизни и смерти»⁴⁷¹. Более того, именно киевский поход Пилсудского и развязал эту войну. Что же касается северного участка границы, то там большевики, по его мнению, были готовы на большие уступки. В конечном счете, польская сторона накануне первой доверительной встречи руководителей и секретарей двух делегаций, назначенной на 1 октября 1920 г., постановила отказаться от Украины и Минска и остановилась на варианте

⁴⁷⁰ Pruszyński M. Jak straciliśmy Mińsk i federację z Białą Rusią. (Rozmowa z b. Min. Pełnom. Aleksandrem Ładosiem, b. Sekretarzem Generalnym Delegacji Polskiej na konferencji w Rydze) // Zeszyty historyczne. Paryż, 1976. № 36. S.53.

⁴⁷¹ Pruszyński M. Jak straciliśmy Mińsk i federację z Białą Rusią... S.53.

расширения пределов Польши на севере, поскольку дисненско-вилейский коридор соединял Польшу с Латвией и разделял Литву и Россию⁴⁷².

Глава польской делегации Я. Домбский и ее секретарь А. Ладось оказались перед непростой для них дилеммой: будучи противниками принятого делегацией коллективного решения, они должны были требовать границ, с которыми были сами не согласны. Единственным способом, которым можно было проверить намерения советской делегации, Домбский считал выдвижение федеративной концепции как требования польской делегации. Однако пойти он на это не мог, даже в частной беседе с Иоффе, потому что в случае согласия советской стороны на это требование Домбскому, да и всей делегации, грозили серьезные неприятности, вплоть до отставки.

Выход из этой, казалось бы, патовой ситуации удалось найти благодаря достигнутой примерно 28 сентября по инициативе Иоффе договоренности о решении наиболее важных и сложных проблем на закрытых совещаниях руководителей, после чего они передавались для доработки в соответствующие комиссии. Первое из пяти такого рода совещаний состоялось 1 октября с участием секретарей делегаций А. Ладоса и И. Лоренца. Знакомство с содержанием всех 5 закрытых заседаний председателей и секретарей мирных делегаций показывает, насколько прав был Иоффе, не назвав в проекте прелиминарного договора линию границы, определенную ЦК 22 сентября⁴⁷³. Он точно определил, что именно этот вопрос, а не самоопределение наций будет главным для польской стороны.

В преддверии первого закрытого заседания 1 октября было решено, что Ладось, как лицо куда менее ответственное, выскажет эту позицию как бы от

⁴⁷² Снапкоўскі У. Уздзельнікі польскай дэлегацыі на Рыжскай мірнай канферэнцыі аб перагаворах с расійска-украінскай дэлегацыяй аб вызначэнні мяжы паміж Польшчай і Беларуссю // Проблемы внешней политики и безопасности. Беларусь-Польша: история и перспективы сотрудничества. Минск, 2009. С. 11

⁴⁷³ О том, что он сделал это намеренно, свидетельствует фраза из его доклада Чичерину, Ленину, Троцкому и Крестинскому от 3 октября, уже после ультимативного требования Домбского по вопросу о границе: «Если бы я сразу предложил нашу крайнюю границу, то я сделал бы непоправимую ошибку, ибо мы теперь в польском ультиматуме должны были бы считаться с чем-нибудь вроде границ 72-го года». – Польско-советская война 1919-1920. Ч. II. С. 84.

себя⁴⁷⁴. Ладось действительно совершил эту «разведку боем», сообщив, что у польской делегации есть два варианта границы на севере – непосредственная граница между Россией и Польшей и федеративная, т.е. образование Белорусского государства «как бы под протекторатом Польши». Иоффе многозначительно усмехнулся и ответил, что «рассмотреть можно оба варианта». Однако самостоятельно он такого решения принять не может и должен запросить инструкции своего правительства⁴⁷⁵. Однако совсем исключить из трактата упоминание о Белоруссии он не считал возможным, поскольку это означало бы отказ советского правительства от своих обязательств по отношению к белорусскому народу, что, в свою очередь, серьезно подорвало бы престиж Советской России на международной арене⁴⁷⁶.

Пережив «весьма неприятные 24 часа», Домбский и Ладось на втором закрытом заседании в узком составе 2 октября с облегчением услышали от Иоффе, что советское правительство склоняется скорее к первому предложению⁴⁷⁷. Домбский, ободренный таким исходом дела, в ультимативной форме потребовал провести границу по линии, установленной Советом обороны государства 11 сентября. Иоффе согласился заменить свое предложение от 28 сентября на линию ЦК РКП(б) от 22 сентября, что конечно же не могло устроить польскую делегацию, связанную жесткими инструкциями Варшавы.

В ходе обсуждения польских территориальных претензий на первых двух закрытых заседаниях руководителей делегаций были четко сформулированы позиции сторон по приоритетным для них вопросам

⁴⁷⁴ Pruszyński M. Jak straciliśmy Mińsk i federację z Białą Rusią ... S.54.

⁴⁷⁵ Pruszyński M. Jak straciliśmy Mińsk i federację z Białą Rusią ... S.55.

⁴⁷⁶ Dąbski J. Pokój ryski. Op. cit. S. 106-197.

⁴⁷⁷ А. Ладось спустя шестнадцать лет делал из этого вывод, что поскольку советская сторона не отвергла федеративной концепции категорично, то было вполне возможным ее проведение в жизнь. Но этого не случилось, потому что альтернативное предложение было сформулировано поляками очень неясно, основной упор делался на вариант непосредственной границы с Россией. Ладось принимал за чистую монету комплименты Иоффе Домбскому, и повторил утверждение главы российской делегации, что эта корректировка границы была его «личным подарком Домбскому – сам Иоффе, который очень любил и ценил Домбского, так это назвал. Поэтому в ответ на Ваш вопрос, могли ли мы получить более выгодную границу в Риге, достаточно будет ответить так: мы получили в Риге все, чего потребовала польская делегация. И даже больше...» - Pruszyński M. Jak straciliśmy Mińsk i federację z Białą Rusią ... S. 55-56.

(территориальным, признания Польшей УССР и БССР как граничащих с ней советских республик, невмешательства во внутренние дела друг друга). С этими позициями председатели ознакомили других полномочных членов делегаций и экспертов. Важным для судеб прелиминарного мира стал день 4 октября, когда состоялась третья закрытая встреча председателей мирных делегаций. Именно тогда Иоффе наконец-то согласился на линию границы, которой добивался Домбский, но без Брацлавского коридора, отделявшего РСФСР от Литвы. И это притом, что Ленин уже 2 октября согласился на польские территориальные требования, о чем сообщил членам политбюро ЦК РКП(б)⁴⁷⁸.

Добравшийся до Риги 2 октября М. Обезерский попытался помешать неблагоприятному, с точки зрения интересов белорусских поляков, решению белорусского вопроса. 4 октября он подал Домбскому письменное прошение об участии в заседаниях с правом совещательного голоса в вопросах, касающихся кресов. За несколько дней до этого подобные прошения подали Баньковский и Кшижановский, но безуспешно. Домбский сообщил Обезерскому, что их, несомненно, вызовут, когда будут осуждаться непосредственно касающиеся их вопросы, пока же дискуссия велась в основном по вопросам тактическим, и их присутствие в данный момент нецелесообразно.

Во вторник 5 октября, на общем завтраке польской делегации, Обезерскому и Ккшижановскому удалось пообщаться с Грабским. Он заявил им, что, в общем, действительно, белорусский вопрос решен не в их пользу: польская делегация не будет настаивать на присоединении Белоруссии в границах 1772 г., хотя бы потому, что не хочет вызвать обвинений в империализме. Но она также не поставит вопрос о действительном, не формальном самоопределении Белоруссии, поскольку, по мнению Ст. Грабского, поляки не смогли бы провести плебисцит только под своим

⁴⁷⁸ АВП РФ. Ф.04. Оп. 32. П. 204. Д. 23. Л. 12.

контролем. Понадобился бы «суперарбитр», которым, несомненно, стала бы Антанта, недоброжелательно настроенная к польским амбициям на востоке. Поэтому для Польши такой плебисцит бесполезен⁴⁷⁹.

Обезерский и Кшижановский попытались убедить Грабского, что все выглядело бы иначе, если бы вместо плебисцита Россия и Польша совместной декларацией провозгласили независимость Белоруссии. Грабскому эта идея не понравилась, он считал программу раздела белорусских земель единственным реальным решением проблемы. Его главным аргументом было: «Мы же не можем ради этого сорвать переговоры». Вообще, по мнению Обезерского, этот аргумент повторялся делегатами слишком часто, когда речь заходила о защите имущества, а то и жизни поляков на территориях, которые должны были отойти Советской России. То же самое повторилось и тогда, когда он, в тот же день, попытался на заседании экономической комиссии внести поправку, предусматривающую не только возврат кресовым полякам движимого имущества, но и компенсацию за недвижимость в пределах границ 1772 г, причем не на равных с прочими иностранцами правах, а в привилегированном порядке. Он обосновывал это культурным и цивилизационным вкладом польского населения в развитие края, который нельзя сравнить с вкладом какого-нибудь немецкого фабриканта, который разместил там производство лет 15 назад в спекулятивных целях. Польская делегация отвергла этот аргумент, поскольку не желала ценой продолжения войны защищать интересы «помещиков», которыми, по словам Обезерского, вовсе не исчерпывалось полумиллионное польское население кресов. Кроме того, делегаты заявили, что не могут выдвигать требования, противоречащие большевистскому общественному устройству, ибо это нарушало бы суверенитет Советской России⁴⁸⁰.

Согласие поляков на раздел Белоруссии компрометировало связанную с польскими властями договором о сотрудничестве Наивысшую раду, делало А.

⁴⁷⁹ Obieziarski M. Op. cit. S. 17.

⁴⁸⁰ Obieziarski M. Op. cit. S.18.

Луцкевича, И. Середу, И. Лесика и др. предателями национальных интересов. Этим решили воспользоваться их политические противники, группировавшиеся вокруг правительства В. Ластовского, которые попытались наладить взаимодействие с кресовыми поляками, также недовольными действиями официальной Варшавы и отказывавшимися признать раздел белорусской территории⁴⁸¹.

4 октября состоялась встреча Обезерского и Кшижановского, как представителей польской общины в Белоруссии, членов польской мирной делегации В. Каменецкого, посланника в Риге, и Л. Василевского, посланника в Эстонии, как представителей польского правительства, с членами группы Ластовского, прибывшими в Ригу на мирную конференцию⁴⁸².

Перед этой встречей поляки обсудили ситуацию в своем кругу. Василевский и Каменецкий сообщили, что делегация уже в общих чертах согласовала позицию по восточной границе и судьбе белорусских земель, и хочет уговорить белорусов не протестовать против отделения части края в пользу Польши, удовлетвовавшись пока теоретическим признанием независимости Белоруссии. Обезерского такое решение не устраивало: он полагал, что Белоруссия не доросла еще до независимости, но ее раздел считал несправедливым решением, которое было недостойно Польши, как освободительницы народов, тем более что Восточная Белоруссия, под именем независимой Белорусской республики, была бы оставлена как добыча большевикам. Будущее белорусского народа Обезерский видел только в политическом единстве с Польшей.

По предложению Обезерского решено было на этом совещании не принимать никаких обязывающих решений, поскольку Ластовский и Цвикевич были представителями только одного из течений белорусского движения, причем неприязненно относящегося к Польше. Поляки

⁴⁸¹ Gomółka K. Między Polską a Rosją. Białoruś w koncepcjach polskich ugrupowań politycznych 1918-1922. Warszawa, 1994.S.137.

⁴⁸² Obieziński M. Op. cit. S. 14.

постановили предложить Ластовскому пригласить в Ригу и представителя Наивысшей рады, чтобы выслушать мнение обеих частей белорусского движения, а пока ограничиться выслушиванием требований Ластовского.

Белорусы, однако, сообщили, что Наивысшая рада полностью им доверяет и в данный момент разделяет их программу, тем не менее, они могут вызвать из Варшавы сторонников Рады Ивановского, Дубейковского и Тарашкевича. Основным постулатом Ластовского была независимость Белоруссии, и в тот момент он и его сторонники не видели иного выхода, как настаивать на этой идее.

Эта принципиальность, по мнению поляков, свидетельствовала все о той же слабости белорусского движения, отсутствии у него сил для осуществления какой-либо реальной программы действий. Чтобы популяризовать идею БНР и привлечь к ней симпатии белорусских народных масс, они вместо проведения какой-то реалистичной политики предпочли безнадежно упорствовать в «платонической», по выражению Обезерского, в тот момент идее белорусской независимости⁴⁸³. В итоге, никаких решений на этом совещании не было принято. Так же безрезультатно окончилось и второе совещание, 6 октября 1920 г.⁴⁸⁴.

Таким образом, предпринятые в начале октября 1920 г. польскими и белорусскими противниками советско-польского соглашения о разделе Белоруссии попытки помешать его достижению результата не дали. И советское руководство, и польский политический истеблишмент стремились закончить как можно скорее военные действия в Белоруссии и на Украине. Поэтому они предпочли «мир соглашения» проблематичному для сторон окончательному выяснению подлинного победителя в борьбе за доминирование в регионе Восточной Европы.

12 октября 1920 г. в Риге руководители польской и советской мирных делегаций подписали договор о перемирии и прелиминарных условиях мира.

⁴⁸³ Obieziarski M. Op. cit. S.15.

⁴⁸⁴ Ibidem. S.23.

По условиям договора Польша обязалась признать независимость Белоруссии и Украины и подтвердила, что уважает их государственный суверенитет. Стороны, подписавшие договор, обязались не вмешиваться во внутренние дела друг друга, не создавать и не поддерживать организаций, «ставящих своей целью вооруженную борьбу с другой договаривающейся стороной», а также не поддерживать «чужих военных действий против другой стороны». Статья 1 договора содержала описание линии восточной границы Польши⁴⁸⁵.

Главным итогом прелиминариев для Москвы явилось, прежде всего, прекращение боевых действий на западной границе и, таким образом, получение возможности в кратчайшее время закончить гражданскую войну в Европейской части России (т.е. разгромить Врангеля), а также признание Польшей советских республик Белоруссии и Украины. Ценой этих достижений для советской стороны стали территориальные уступки в Белоруссии и на Украине, а для Польши - включение в ее границы многочисленных, компактно проживавших украинского и белорусского национальных меньшинств, которые так и не стали ее лояльными гражданами. Тем более, что оставшиеся на советской стороне их соплеменники получили более благоприятные условия для своего государственного и культурного развития.

В связи с этим трудно признать обоснованными обвинения белорусских историков националистического толка советского руководства в «эгоистичной, предательской» политике по отношению к белорусам связи с результатами Рижской конференции 1920-1921 гг⁴⁸⁶. Выбора, отдавать или не отдавать требуемые поляками территории, у советской дипломатии в тот момент не было, поскольку альтернативой соглашению было продолжение польского наступления в Белоруссии, на отражение которого не было

⁴⁸⁵ Граница проходила следующим образом: по р. Зап. Двина от границы России с Латвией, по границе Виленской и Витебской губерний, до пункта, где граничат Дисненский, Лепельский и Борисовский уезды, р. Березина, р. Вилия, м. Илия, р. Рыбчанка, ж.д. станция Радошковичи, далее к востоку от селений Волма, Раков и Рубежовичи до ж.д. линии Минск-Барановичи, по р. Лань, Припять и Ствига до границы Минской и Волынской губерний. - ДВП СССР. Т.3. М., 1959. С.245-256

⁴⁸⁶ См. Напр.: Кобрын М.У. Беларускі нацыянальны рух: 1917-1920. Мінск, 2004. С. 70.

достаточных сил. Присоединения литовских и белорусских территорий так или иначе требовали все политические силы Польши, кроме коммунистов, речь, таким образом, могла идти лишь о масштабе территориальных уступок, но никак об их отсутствии вообще.

Хотя прекращение огня на советско-польском фронте произошло 18 октября, мир в Белоруссии наступил не сразу. Пилсудский, пользуясь тем, что другие постановления прелиминарного мира вступали в силу лишь после их ратификации, продолжал неофициально поддерживать союзнические украинские и белорусские воинские формирования, боровшиеся в кампании 1920 г. вместе с Войском Польским против Красной армии. 21 октября 1920 г. польское Верховное командование объявило о прекращении отношений с войсками С. Петлюры, Б. Перемыкина (Пермикина), В. Яковлева и С. Булак-Балаховича, предложив им в двухнедельный срок покинуть территорию Польши. Но разоружать эти войска поляки не стали, что крайне встревожило советское руководство, опасавшееся, что в Польше вновь возьмет верх «партия войны». 2 ноября 1920 г. Чичерин писал в Ригу: «Положение относительно Польши тяжелое. Они (поляки. – *Д.К.*) признали за Петлюрой всю Волынь, создавая для него плацдарм. Нечто подобное будет с Балаховичем, ибо польская печать кричит о Белоруссии еще больше, чем об Украине. Отказ Польши отступить на государственную границу, явно нарушающий договор, приобретает для нас особенно враждебный характер ввиду вновь наметившегося в польской политике буферизма»⁴⁸⁷.

Опасения Чичерина в отношении С. Булак-Балаховича оказались обоснованными. С. Булак-Балахович был хорошо известен и в Белоруссии, и в Польше. Осенью 1919 г., после разгрома армии Юденича, он со своим отрядом численностью примерно в 1 тыс. человек, был принят на службу БНР. Однако в 1920 г. он порывает с правительством БНР и переходит на польскую

⁴⁸⁷ РГАСПИ. Ф.5. Оп.1. Д.2000. Л.17.

службу, участвует в боевых действиях на польско-советском фронте⁴⁸⁸. Балахович не признал решение о перемирии и продолжил военные действия против Красной армии (по мнению исследователя, по соглашению с Пилсудским⁴⁸⁹). Официально не поддерживая С. Булак-Балаховича, польское правительство и не препятствовало ему, «умыв руки» и отказавшись от всякой ответственности.

Отряды Балаховича, переименованные в Белорусскую повстанческую армию, насчитывали 8 тысяч бойцов. 18 октября 1920 г. они начали наступление на Полесье в направлении Гомеля. Первоначально действия «балаховцев» были успешными, поскольку значительные силы Красной армии были переброшены на врангелевский фронт. К середине ноября 1920 г. они овладели Петриковым, Мозырем, Калинковичами, 17 ноября заняли Речицу. На этом их успехи окончились, инициатива перешла к Красной армии. 27 ноября М.Н. Тухачевский сообщил Верховному командованию Красной армии, что боевые действия против войск С.Н. Булак-Балаховича в основном завершены. Таким образом, планы польских военных относительно создания на восточных рубежах «буферного» белорусского государства провалились.

Раздел белорусской территории вызвал возмущение как правительства Ластовского, так и полонофилов⁴⁹⁰. Как и прежде, так и на этот раз их протесты были проигнорированы заинтересованными сторонами. Новым моментом, пожалуй, было то, что находившееся в Литве правительство В. Ластовского даже приступило к организации антипольских вооруженных формирований. Такую возможность ему предоставил польско-литовский конфликт из-за Вильно. Белорусские политики увидели в нем возможность заручиться поддержкой Ковно своих претензий на политическую власть в отходивших полякам белорусских землях. Литовские власти допускали формирование белорусских частей на своей территории, обещали помощь в агитации и

⁴⁸⁸ Юзаф Пилсудзкі у гісторыі Польшчы і Беларусі. Беларуска-польскі практыкум, сустрэча шостая. Мінск, 2002. С. 88.

⁴⁸⁹ Polska – Białoruś /1918-1945/. S.94.

⁴⁹⁰ НАРБ. Ф.325. Оп.1. Д.100. Лл. 11-17.

вербовке партизан на польской стороне границы, открыли дипломатическое представительство БНР. Ценой этой поддержки должны были стать голоса белорусов Виленской губернии на предполагавшемся плебисците, который Антанта планировала провести для разрешения польско-литовского спора⁴⁹¹.

Непримиримая антипольская позиция группы В. Ластовского была с удовлетворением отмечена советским руководством, однако никаких далеко идущих антипольских расчетов оно с этим не связывало: «Надо держаться выжидательно. Они борются против поляков, поэтому не следует им противодействовать в данный момент, но опасно было бы активно им содействовать, ибо это могло бы быть использовано позже», – телеграфировал Чичерин советскому представителю в Ковно Аксельроду 6 ноября 1920 г.⁴⁹².

Определенному успокоению ситуации в белорусском пограничье способствовало подписание 14 ноября 1920 г. дополнительного протокола к прелиминариям о прекращении поддержки вооруженных формирований, направленных против другой стороны. А. Иоффе оценивал этот протокол так: «Если можно провести аналогию, то я позволю себе сказать, что подобно тому, как прелиминарный договор выдавал нам Врангеля, подобно этому подписанный здесь (в Риге. – Д.К.) 14-го ноября протокол выдает нам Балаховича, Савинкова, Петлюру, Перемыкина и др.»⁴⁹³.

Заключение 12 октября 1920 г. прелиминарного мира, отдававшего Польше значительную часть белорусских территорий, привело к появлению тревоживших советское руководство протестных настроений среди населения Белорусской советской республики. Это выразилось, в частности, в принятии уездными съездами Советов резолюций с требованиями возвращения оккупированных Польшей и Литвой территорий. Раздавались требования допустить на Рижскую мирную конференцию представителя советской Белоруссии.

⁴⁹¹ Записка Аксельрода Чичерину от 22 ноября 1920г. – РГАСПИ. Ф.159. Оп.2. Д.9. Л.14.

⁴⁹² РГАСПИ. Ф.5. Оп.1. Д.2111. Л.4

⁴⁹³ РГАСПИ. Ф.159. Оп.2. Д.39. Л.153

В связи с открытием 13 декабря 1920 г. II Белорусского Съезда Советов Г.В. Чичерин писал Л.Б. Каменеву следующее: «Только что узнал ... что там будет, может быть, поставлен вопрос о посылке особого делегата в Ригу. Жаль, что не предупредили заранее, чтобы можно было серьезно обсудить связанные с этим международные вопросы. Пока я могу телеграфировать только одно, что определение международных отношений Белорусского Советского правительства возможно будет только тогда, когда оно окончательно сконструировано и оформится. Надо специально обсудить, удобно ли для Советской Белоруссии выступить в Риге, как четвертому государству рядом с Польшей, Советской Россией и Украиной. В настоящий момент российское правительство имеет от Белорусского ревкома полномочия на ведение переговоров. ... Нужно ли Белоруссии выступить как четвертому государству, это нужно решить. Мы обязались признать ее самостоятельность, но пока, в данный момент, она в государственном отношении еще не оформилась. Есть поэтому возможность оттянуть ее отдельное дипломатическое выступление. Этот вопрос нашим правительством принципиально не обсуждался»⁴⁹⁴.

Установка на скорейшее подписание мирного договора получила одобрение делегатов съезда белорусских Советов. Выступивший с докладом по данному вопросу и.о. председателя ЦИК БССР (с 18 декабря 1920 г. председатель СНК БССР) А.Г. Червяков заметил, что отказ от ратификации договора приведет к затягиванию войны с Польшей, а также пообещал, что после скорой победы коммунистической революции в Польше условия мирного договора будут пересмотрены. Аргументы руководителя БССР были признаны присутствующими достаточно убедительными. Съезд единодушно ратифицировал Рижский прелиминарный договор 1920 г., поручив российской делегации вести переговоры об установлении границ, заключении мира и связанных с этим договоров, политических и экономических, об обмене военнопленными и др.⁴⁹⁵.

⁴⁹⁴ РГАСПИ. Ф.159. Оп.2. Д.8. Л.41

⁴⁹⁵ А.В. Ціхаміраў. Указ. соч. С.258.

Такая позиция полностью соответствовала убеждению Чичерина, что «в случае появления непосредственно Белорусской делегации в Риге она там опрокинет все наши дипломатические комбинации», в связи с чем необходимо «ограничиться имеющейся комбинацией, т.е. мандатом от Белоруссии правительству РСФСР, который был подтвержден Белорусским Съездом Советов, без непосредственного мандата от Белоруссии делегации в Риге»⁴⁹⁶.

После декабрьского 1920 г. съезда Советов СНК БССР стал настаивать на том, что самоопределение белорусского народа состоялось, и только он является его единственным легитимным правительством. В этом ему помогала Москва, требуя от литовского правительства, чтобы оно проводило дружественную БССР политику, а также убедило Ластовского отказаться от претензий на власть в Белоруссии и признать БССР. Платой за это должна была стать открытая поддержка литовской стороны в виленском конфликте. В шифровке советскому представителю в Ковно Аксельроду от 18 января 1921 г. Г.В. Чичерин так охарактеризовал позицию РСФСР: «Относительно коридора поляки непоколебимы. Мы же не можем возобновлять войну ради этого второстепенного вопроса, но это не помешает нам оказывать дипломатическое содействие Литве. Удивляюсь, почему до сих пор не удалось <добиться> от Литвы формального заверения относительно линии Ластовского. Ведь если притязания Ластовского распространяются на Советскую Белоруссию, то Литва резко нарушает договор, давая ему убежище и помогая ему, и заверение о дезинтересации Ластовского в Советской Белоруссии необходимо для того, чтобы поведение Литвы не противоречило договору с нами. Кроме того, необходимо обещание Литвы не участвовать во враждебных коалициях и действиях против нас»⁴⁹⁷.

В конце февраля 1921 г. через литовское правительство были получены официальные заверения Ластовского о том, что его правительство не претендует на власть на территории БССР. Кроме того, Литва пообещала

⁴⁹⁶ РГАСПИ. Ф.159. Оп.2. Д.8. Л.45

⁴⁹⁷ РГАСПИ. Ф.5.оп.1. Д.2111. Л.13.

признать Советскую Белоруссию как единственное законное представительство белорусского народа. Таким образом, две соседних с советской Белоруссией страны, Польша и Литва, в разной степени причастные к белорусскому вопросу, признали факт возникновения самостоятельного Белорусского государства. Тем самым было положено начало длившемуся 70 лет процессу суверенизации белорусской нации, завершившемуся в декабре 1991 г. созданием независимой Республики Беларусь.

Белорусские партии и организации в 1920 г. так и не получили возможности воплотить в жизнь свои проекты. Основным все так же оставался внешний фактор – отношения Советской России и Польши, фактически владевших этими территориями. В начале 1920 г. Советская Россия, не имея возможностей для наступательных действий в духе планов мировой революции, сделала ставку на нормализацию отношений с соседями, что выразилось в инициативах по заключению мирных договоров с Латвией, Литвой и Эстонией, а также с Польшей. Ценой этих соглашений, помимо выгодных финансовых условий, должны были стать и территориальные уступки этим странам. Мирные предложения Польше предполагали, что к ней отойдет вся западная часть Белоруссии с Минском включительно. Неудача этих инициатив была обусловлена нежеланием Ю. Пилсудского связывать себя договорами и его авантюрным планом обеспечения Польше границ 1772 г. военным путем. Эта позиция противоречила мнению лидеров держав Антанты, определивших в декабре 1919 г. восточную границу Польши как границу этнически польских земель. Провал его Киевского похода, а затем и контрнаступление Красной армии до предместий Варшавы вновь поставило на повестку дня проект мировой революции. Был создан Польревком для советизации Польши, на занимаемых Красной армией белорусских землях восстанавливалась советская власть. Она вновь конституировалась в форме БССР, причем поначалу ее руководящие органы были образованы в коалиции

с белорусскими эсерами – той их частью, которая была готова признать советскую форму белорусской государственности. При этом территория БССР была ограничена лишь несколькими уездами Минской губернии, поскольку Виленская и Гродненская были переданы Московским договором от 12 июля 1920 г. Литве, а Могилевская, Витебская и Смоленская по-прежнему входили в состав РСФСР. Польские войска сумели отбить столицу, но у Польши не было возможностей продолжать войну. Советская Россия также была заинтересована в ее скорейшем прекращении. Это сделало актуальным «мир компромисса», в результате которого белорусские территории были принесены в жертву другим, более актуальным направлениям. Мнение кресовых поляков, требовавших продолжения войны за присоединение всей Белоруссии на основе федеративного проекта, не нашло отклика в этнической Польше, позиции же белорусских националистов тем более были настолько слабы, что польские политики не считали нужным учитывать их мнение. Советская сторона также считала вполне возможным пожертвовать западными губерниями Белоруссии ради скорейшего прекращения войны и стабилизации обстановки на западном фронте, при этом вынудив Польшу признать Белорусскую ССР.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Белорусский вопрос как территориальная и национальная проблема, актуальная для центральных властей России, оформился одним из последних среди других национальных вопросов в бывшей империи Романовых. По сути, его развитие, очень неторопливое и лежавшее долгое время почти исключительно в культурной сфере, вывела в политическую плоскость Великая война. В результате немецкой оккупации для части белорусских политиков сложилась ситуация, когда могли быть реализованы их антироссийские настроения. В это же время массы белорусских беженцев в центральной России, вырванные из привычной замкнутой и устоявшейся жизненной среды, переживали стремительный процесс радикализации. В их лексиконе наряду с социальными и политическими требованиями стали звучать и лозунги национального обособления, правда, не выходящие за рамки автономии. Дальнейший ход событий привел к тому, что два крыла белорусского движения, ненадолго объединенные идеей создания краевого политического центра (Всебелорусский съезд в декабре 1917 г.), снова разошлись и далее шли по пути разработки конкурирующих государственных проектов.

Вопреки сложившимся представлениям, условия немецкой оккупации были для развития белорусской идеи скорее нейтральными. Германия не считала нужным развивать белорусскую государственность, сосредоточившись на значительно более перспективном литовском проекте. Именно к Литве они рассчитывали присоединить оккупированные белорусские территории. Впрочем, национальные школы и прочая культурная

деятельность белорусов германским властям ничем не мешали, поэтому они их поддерживали в той мере, в которой они могли служить некоторым противовесом традиционно сильным в регионе польскому и русскому влияниям. В связи с этим даже само провозглашение в 1918 г. независимости Белорусской народной республики было вызвано главным образом желанием белорусских политиков заставить оккупационные власти считаться с собой.

Советский федеративный проект основывался на постулате пролетарского интернационализма и единства трудящихся всех национальностей, который при этом сочетался с провозглашением права наций на самоопределение. На практике из этого следовало, что, формально признавая право окраинных народов отделиться от России, фактически советское правительство не собиралось этого позволить. Для советской России жизненно необходимым было сохранить свою власть над Белоруссией: надежды на мировую революцию обусловили стремление закрепиться на кратчайшем пути в Германию. Поэтому созданный пояс буферных советских республик не мог не замкнуться на белорусском отрезке. Спорным остается вопрос о том, насколько сильно на создание БССР, а затем Литовско-Белорусской ССР повлияло провозглашение в 1918 г. БНР. Но доподлинно известно, что в качестве одной из целей создания новых советских республик указывалось противодействие Белорусской Раде и Литовской Тарибе.

Противником белорусской государственности сразу же после обретения независимости стала Польша, позиционировавшая себя как форпост Запада в борьбе с большевизмом. Причиной тому был территориальный спор, поскольку поляки всех политических направлений кроме коммунистов претендовали на наследство первой Речи Посполитой и не рассматривали вариант разграничения по этническому принципу. Советские Литва и Белоруссия, по мысли авторов буферного проекта, должны были охладить пыл польских лидеров, заставив их считаться с приобретенными усилиями В. Вильсона и большевиков популярностью лозунгом самоопределения наций.

Объединение же советских Литвы и Белоруссии, кроме стратегических соображений, было продиктовано и желанием взаимно нейтрализовать амбиции местных руководителей, чьи споры о властных полномочиях и территории республик грозили существенно осложнить ситуацию на советском Западном фронте.

Впрочем, Польша проигнорировала эти советские маневры, в течение весны-лета 1919 г. заняв спорные территории и выдвинув альтернативную идею федерации восточноевропейских народов под своим руководством. Федеративные планы польских политиков из лагеря Ю. Пилсудского относительно восточной границы Польши были обусловлены, прежде всего, желанием присоединить Литву, в первую очередь Вильно. Западные белорусские территории рассматривались как часть исторических литовских земель, которые безусловно должны были остаться в зоне польского экономического и культурного влияния. Национальные демократы во главе с Р. Дмовским оценивали главным образом экономические выгоды от присоединения Белоруссии и возможности ассимиляции белорусов-католиков. Оба эти проекта подразумевали фактический раздел белорусских земель и игнорировали возможность обретения белорусами статуса субъекта международных отношений, зато делали практически неизбежным столкновение с Советской Россией.

Декларация уважения к национальным чаяниям белорусов и литовцев в «Воззвании к жителям Великого княжества Литовского», пробудившая надежды белорусских политиков на помощь и признание со стороны Польши, оказалась фикцией. Пилсудский, практически единолично руководивший польской восточной политикой, не видел в белорусах реального союзника в борьбе с советской Россией, но и не хотел отталкивать их от себя, чтобы не усиливать враждебный полякам лагерь. Результатом колеблющейся политики Варшавы стало углубление разногласий среди поборников идеи суверенной Белоруссии. Часть из них пыталась добиться признания Белорусской народной

республики Антантой, лидеры другой надеялись на помощь Польши, в чем очень скоро им пришлось разочароваться. В рядах эсеров, одной из сильнейших белорусских партий, наметилась тенденция к соглашению с белорусскими коммунистами, а тем самым и к ориентации на РСФСР. Польское же руководство к концу 1919 г. окончательно сделало ставку на силовые методы установления восточной границы, в чем белорусские организации были скорее помехой.

В 1920 г. отношение советской дипломатии к белорусской проблеме было производным от взятой Москвой на рубеже 1919-1920 гг. на вооружение стратегии нормализации отношений с государствами-лимитрофами с целью превратить их в барьер против возможной агрессии держав Антанты. Литву даже надеялись сделать союзником в борьбе с Польшей. Поэтому проект Литбела утратил актуальность. Белорусская политика Кремля в этот период полностью зависела от ситуации на фронтах, взаимоотношений с Литвой и Польшей, в которых белорусские территории то служили театром военных действий, то являлись предметом торга. Поскольку влияние белорусского национального движения, как на настроения населения края, так и на ход боевых действий на Западном фронте оставалось минимальным, то и значение этого фактора учитывалось в Москве в весьма слабой степени.

Повторное провозглашение самостоятельной советской Белоруссии в конце июля 1920 г. не было следствием предшествующих этому событию усилий белорусских коммунистов или давления белорусского национального движения. Принятое 16 июля 1920 г. пленумом ЦК РКП(б) под давлением В.И. Ленина решение о советизации Польши в условиях ведения в тот момент советско-британских политических и торговых переговоров невозможно было реализовать вооруженным путем без соответствующего дипломатического прикрытия. Эта роль и отводилась БССР, созданной одновременно с Временным польским революционным комитетом. Но и когда этот советский план провалился, интерес к сохранению БССР не исчез. Белорусское

государство могло стать важным аргументом в территориальном торге с поляками на мирной конференции.

На нее советская сторона вышла уже с готовым решением белорусского вопроса: Белоруссия вновь конституировалась как советская республика в федерации с РСФСР. Однако проигранная война диктовала необходимость территориальных уступок, в том числе и на этом отрезке. Негативное отношение к таким уступкам за счет Белоруссии как националистов, так и белорусских коммунистов заставило, чтобы не сорвать договоренности с Польшей, заморозить восстановление республиканских органов власти и самостоятельное выступление на конференции представителей БССР. Вынудив Польшу признать УССР и БССР, Москва не допустила их руководителей к решению судьбы территорий собственных республик. Разногласия в польской делегации, представлявшей различные политические силы, сыграли на руку советским дипломатам. Верх одержала позиция эндеков. Настроения польского общества, не желавшего продолжения войны за интересы помещиков с «кресов», заставили окончательно отказаться от федеративного проекта даже самых последовательных его сторонников, и, более того, отодвинуть границу на 200 км западнее от линии, предложенной РСФСР в январе-феврале 1920 г.

Подводя общий итог проведенному исследованию, следует признать, что возникновение всех трех белорусских государств в 1918-1920 гг. было обязано главным образом внешнему фактору, в роли которого последовательно выступали Германия и РСФСР. Что же касается Польши, то она перед собой такой цели не ставила, рассматривая Белоруссию только в связке с Литвой, а не в качестве самостоятельного союзника, как это было в случае с Украиной.

В польско-советском конфликте главным был стратегический, прежде всего военный аспект разграничения, а лозунги национального освобождения были лишь прикрытием для него и дополнительным аргументом для внешних

по отношению к конфликту сил, в частности Антанты. Внутренний же фактор, представленный белорусскими политическими силами, все это время оставался второстепенным, зависимым от того или иного покровителя, лишенным широкой опоры в массах полиэтнического белорусского населения.

Территориальный спор Советской России с Польшей, которая попыталась осуществить свой вариант политического устройства территорий, расположенных между этнографически польскими и великорусскими землями, с целью обеспечить себе максимум влияния в этом регионе, был в итоге разрешен военным путем. Рижский мир, заключенный в марте 1921 г. по итогам войны с Польшей, имел сугубо компромиссный характер. Он в полной мере не удовлетворил ни одну из договаривавшихся сторон, сохранив в их политическом арсенале взаимные обвинения в несправедливости территориальных постановлений, прежде всего с точки зрения местного населения. Нестабильность в регионе подпитывалась обеими сторонами практически весь межвоенный период. Белорусская армия С. Булак-Балаховича, «Зеленый дуб», борьба с коммунистическим и крестьянским движением в Польше, разгром «нацдемов» в Советском Союзе, – вот лишь часть эпизодов политических и вооруженных конфликтов на территории Белоруссии по обе стороны границы, ставших следствием Рижского мира. Тем не менее, республика, образование которой было для ее создателей сугубо тактическим шагом, оказалась вполне жизнеспособна, поскольку, хотя государственность и была выдана Белоруссии «авансом», она имела внутренние основания как в экономическом, так и этническом единстве региона.

ПРИЛОЖЕНИЕ 1. БИОГРАФИЧЕСКАЯ СПРАВКА

Алексюк Павел Павлович (1892-?) - участник белорусского национального движения, один из лидеров его полонофильского крыла. Родился в г. Гродно. В феврале 1918 г. приветствовал германские войска при их вступлении в Минск. Один из инициаторов провозглашения БНР, организатор Войсковой рады. После ухода германских войск с территории Белоруссии сотрудничал с польскими оккупационными властями, публично приветствовал Ю. Пилсудского как «защитника белорусского народа». Одобрял присоединение Западной Белоруссии к Польше.

Булак-Балахович Станислав (1883-1940) - один из руководителей антибольшевистских отрядов в 1918-1920 гг. Происходил из мелкопоместной польско-белорусской шляхты, по другим данным - из крестьян Ковенской губернии. Во время Первой мировой войны вступил добровольцем в армию и в 1915 произведён в офицеры. В феврале 1918 вступил в Красную Армию, сформировал Лужский партизанский полк, но в ноябре 1918 перешёл на сторону белых и летом 1919 участвовал в наступлении войск генерала Юденича на Петроград. В августе 1919 перешёл на военную службу в Эстонию, а затем Польшу. В 1920 командовал крупными отрядами, сформированными с помощью Б. В. Савинкова на территории Польши и действовавшими против советских войск. После перемирия с Польшей начал формирование так называемой народно-добровольческой армии, а затем вторгся в Белоруссию, производя массовые казни, погромы и грабежи: разгромлен советскими войсками в ноябре 1920. Жил в Польше, получая от польского Генштаба средства для содержания. Был убит неизвестным лицом в Варшаве.

Бодунова Палута (Пелагея Александровна) (1885-1938). Родилась в местечке Новобелицы под Гомелем, в небогатой семье арендатора. Учитель русского языка и географии. В 1914-1917 гг. училась в Петербурге, где сблизилась с кружком белорусских студентов. В июне 1917 г. избрана членом

ЦК Белорусской социалистической громады (БСГ). Депутат Петросовета, Центральной рады белорусских организаций, участница Всебелорусского съезда, в 1918 г. член Народного секретариата БНР, народный секретарь просвещения. После создания Белорусской партии социалистов-революционеров (БПСР) стала секретарем ее ЦК. В 1919 г. была вместе с Ластовским и Мамонько арестована польскими властями. В 1920 г. представляла БПСР на переговорах с советским руководством в Москве, надеялась на превращение советской Белоруссии в действительно независимое государство. В 1921 г. во время ликвидации БПСР была арестована большевиками, затем освобождена, в конце 1922 г. нелегально перешла польскую границу и обосновалась в Вильно. В 1923-1925 гг. жила в Праге. Ухудшилось психическое здоровье. В 1925 г. вернулась в БССР, жила у сестры в Минске, безуспешно пытаясь наладить сотрудничество с Институтом белорусской культуры (Инбелкульт). Работала на курсах белорусоведения в Гомеле. В 1937 г. арестована в рамках второй волны репрессий против белорусской интеллигенции, приговорена к высшей мере. Расстреляна в ноябре 1938 г. в Минске.

Василевский Леон (1870-1936) - польский политик социалистического направления, министр иностранных дел Польши в 1918—1919 гг., историк, публицист, этнограф и переводчик. Непродолжительное время состоял в рядах Национально-демократической партии Польши. Тогда же подружился с Юзефом Пилсудским и вступил в Польскую социалистическую партию (ППС). После раскола в ППС Василевский остался сторонником фракции Ю. Пилсудского — ППС-Революционная фракция. Во время Первой мировой войны Л. Василевский работал в польском Верховном национальном комитете. С 1917 - член Польской военной организации. С ноября 1918 по январь 1919 г. - министр иностранных дел Польши в правительстве Енджея Морачевского, советник по вопросам национальностей и близкий соратник Пилсудского. После отставки правительства отправился во Францию для

участия в Польском национальном комитете, был кооптирован в качестве представителя главы государства Пилсудского в составе польской делегации на Парижской мирной конференции 1919-1920 гг. В 1920-1921 гг. - посол Польши в Эстонии, принимал активное участие в мирных переговорах с РСФСР, завершивших советско-польскую войну 1919-1920 гг. После подписания и ратификации Рижского договора в 1921 г. возглавил польскую комиссию по делимитации восточной границы Польши. В начале двадцатых годов Л. Василевский был решительным сторонником федерации Польши, Литвы и Белоруссии и союза с независимой Украиной. После Рижского договора резко выступил против идеи полонизации белорусов и украинцев, добиваясь в отношении них политики государственной ассимиляции. В 1924 г. возглавил Институт исследований новейшей истории Польши им. Ю. Пилсудского, в 1929 г. основал журнал «Независимость» („*Niepodległość*“), издавал сочинения и переписку маршала Пилсудского. В начале 1930-х гг. Василевский - руководитель Института по делам национальностей. В 1931 г. стал вице-председателем Верховного совета ППС.

Воронко Иосиф (Язеп) (1891-1952) - поэт, журналист, белорусский политический деятель. Вольнослушатель юридического факультета Петербургского университета, исключен за невнесение платы (1914). Член ЦК Белорусской социалистической громады (1917), представлял белорусские организации в Государственном совещании, входил в Временный совет Российской республики (Предпарламент), затем комиссар юстиции и внутренних дел Великой белорусской рады (1917), председатель Народного секретариата Белоруссии (1918), один из инициаторов провозглашения Белорусской народной республики. Министр по делам белорусов в правительстве Литовской республики (1918 - 1920), с весны 1921 г. председатель Белорусского общества Красного Креста, с осени 1922 г. председатель Белорусской громады в Ковно. Редактор газет "Белорусская земля" и "Белорусский народ" (Гродно, на русском и

белорусском языках), журналов "Варта" (Минск), "Часопис" (Ковно, 1919-1920). Автор книг "Белорусский вопрос к моменту Версальской мирной конференции. Историко-политический очерк" (Ковно, 1919), "Беларускі рух ад 1917 да 1920 году. Кароткі агляд. 2 выд." (Ковно, 1920), "Gudu klausimas". г.). В 1923 г. выехал в США (Чикаго). Возглавлял Белорусско-американскую национальную ассоциацию, входил в руководство Белорусско-американской национальной рады, издавал газету "Белорусская трибуна", вел белорусские и русские программы на радио. Умер 4 июня 1952 г. в США.

Гопнер Давид Юльевич (1884-1925) - член РСДРП с 1900 г. Родился в Херсоне, рабочий. Много лет прожил в Вильно. С 1913 г. в эмиграции, вернулся в Россию в 1917 г. Сотрудник НКВД РСФСР. В 1919 г. являлся уполномоченным СНК РСФСР при СНК Литвы и Белоруссии, с марта 1919 г. - уполномоченный СНК РСФСР при СНК УССР. В 1920 г. - уполномоченный НКВД РСФСР по Средней Азии, затем сотрудник Миссии РСФСР в Персии, полномочный представитель РСФСР в Хорезме. В 1924-1925 гг. прокурор, затем заместитель народного комиссара юстиции Туркменской ССР.

Грабский Станислав (1871-1949) - польский экономист, политический и государственный деятель. Брат Владислава Грабского. Профессор экономики Львовского университета. В молодости — член ППС, но в 1901 примкнул к национал-демократам. Во время Первой мировой войны и занятия русскими войсками Галиции — русофил, вместе с русской армией эвакуировался в Россию. Составил записку по польскому вопросу, обсуждавшуюся в официальных кругах. В 1919 г. был выбран в сейм получившей независимость Польши. Во время советско-польской войны выступал против союза поляков с Петлюрой. В 1921 г. член польской делегации в Риге на переговорах о заключении Рижского мирного договора. В 1923 и 1925-1926 гг. - министр образования и вероисповеданий. Проводил политику полонизации национальных меньшинств. После майского

переворота 1926 г. отошёл от политической деятельности, занимался научной работой. Во время Второй мировой войны был арестован советскими властями и находился в заключении. После заключения советско-польского договора 1941 г. освобождён и выехал в Лондон, где сотрудничал с польским правительством в изгнании. В 1945 г. возвратился в Польшу. В 1945-1947 годах депутат и член президиум Крайовой Рады Народовой.

Гриб Томаш (1895-1938) - белорусский общественно-политический деятель. Родился в крестьянской семье. Учился в Петербурге, где сблизился с белорусским движением. Воевал на Румынском фронте во время Первой мировой войны, в 1917 г. был делегатом Всебелорусского съезда, затем членом Рады съезда. Один из инициаторов провозглашения БНР, член Рады БНР в 1918 г. Один из лидеров Белорусской партии социалистов-революционеров, делегат III Всероссийского съезда Советов в 1918 г., сотрудник ряда газет. В 1919 г. находился в польской зоне оккупации, выступал против польских властей, за что дважды арестовывался, бежал из краковского лагеря для интернированных в Ковно. Пытался наладить сотрудничество с советскими властями, противник Рижского мира. С 1922 г. в эмиграции в Чехии, организатор пражского Белорусского культурного товарищества им. Ф.Скорины. Умер в 1938 г. в Праге от осложнений после гриппа.

Довбор-Мусницкий Юзеф (Иосиф Романович) (1867-1937). Генерал-лейтенант (1917) русской, затем генерал польской армии. Организатор антисоветского мятежа Польского корпуса в Белоруссии (январь 1918 г.).

Домбский Ян (1880 - 1931) польский политик, один из основателей крестьянской партии ПСЛ «Пяст» (1913), руководитель польской делегации на советско-польской мирной конференции в Минске и Риге в 1920 г. Министр иностранных дел Польши в мае-июне 1921 г. Депутат польского сейма до 1930 г.

Захарко Василий (1877-1943), белорусский политический деятель, член Белорусской социалистической громады, а затем - Беларускай партыі социалістаў-федэралістаў. Учаснік Всебеларускага съезда 1917 г. в Минске, член Исполкома Рады этого съезда. Принимал активное участие в провозглашении БНР. Соавтор 1-й Уставной грамоты. Занимал разные министерские должности в правительстве БНР. В 1920 г. эмигрировал, жил в Праге. В 1928-1943 гг. был заместителем председателя, затем президентом Рады БНР в эмиграции.

Жилунович Дмитрий Федорович (Тишка Гартный) (1887-1937) - белорусский советский деятель, писатель. Родился в Минской губ. в крестьянской семье. Участник революционных событий 1905-1907 гг., автор большевистской газеты «Правда». Организатор БСДРП(б), затем Белорусских секций РКП(б), сотрудник Белорусского комиссариата Наркомнаца, один из инициаторов создания БССР. С первого дня образования БССР (1.01.1919) до 3.02.1919 г. председатель Временного правительства Советской Белоруссии. С 1928 г. академик АН БССР. В 1931 г. – заместитель наркома просвещения БССР. Репрессирован.

Ивановский Вацлав (1880-1943) - деятель белорусского национально-освободительного движения. Родился в семье шляхтича на территории нынешней Гродненской обл., учился в Петербургском технологическом институте, в 1903 г. участвовал в создании Белорусской революционной громады. В 1906 г. возглавлял издательское общество «Заглянет солнце и в наше оконце». В 1909 г. в Мюнхене защитил докторскую диссертацию и до 1913 г. был доцентом Петербургского технологического института. В 1913 г. переехал в Вильно, где руководил Белорусским издательским обществом (его секретарем был классик белорусской литературы Янка Купала). В 1919 г., после раскола в Раде БНР, возглавил полонофильскую Наивысшую раду. В 1920–1930-е гг. занимался наукой, отойдя от активной политической деятельности. Вернулся к ней в начале Второй мировой войны. Немецкую

оккупацию Белоруссии рассматривал в качестве временной меры. Ориентировался на западных противников Гитлера и польское эмигрантское правительство в Лондоне, рассчитывал на федерацию Польши и Белоруссии в послевоенной Европе. С ноября 1941 г. был бургомистром Минска. Летом 1943 г. создал нелегальное Белорусское национально-демократическое общество для восстановления после войны белорусской государственности. Убит в Минске 7 декабря 1943 г. Молодые белорусские исследователи полагают, что убийство было совершено с согласия гауляйтера Белоруссии фон Готтберга.

Игнатовский Всеволод Макарович (1881-1931) - белорусский историк и общественный деятель. Член БПСР, затем организатор Белорусской коммунистической организации (БКО, 1920 г.), присоединившейся к РКП(б). С 1926 г. председатель Института белорусской культуры, в январе 1929-январе 1931 гг. – президент АН БССР. С 1925 г. по октябрь 1930 г. – член бюро ЦК КП(б)Б. В январе 1931 г. исключен из партии как национал-уклонист. 4 февраля 1931 г. покончил жизнь самоубийством.

Иоффе Адольф Абрамович (псевдонимы: *В. Крымский, Виктор*; 1883-1927) — участник революционного движения в России, советский дипломат и партийный деятель. Родился вторым сыном в караимской семье богатого симферопольского купца-миллионера Абрама Яковлевича Иоффе. Окончив гимназию, в 1903-1904 учился на медицинском факультете Берлинского университета. С 1903 г. меньшевик, вёл революционную работу в Баку и Москве, участвовал в революционных событиях 1905 г., на IV (Стокгольмском) съезде РСДРП был назначен членом Заграничного бюро ЦК РСДРП (1906–1907). В 1906 г. выслан в Сибирь, бежал из ссылки. Эмигрировал в Швейцарию. В 1906-1907 учился на юридическом факультете Цюрихского университета. Позже обосновался в Вене, где с 1908 г. вместе с Львом Троцким издавал газету «Правда», т. н. венскую «Правду», вёл в ней международное обозрение. Именно с совместной работы в Вене над газетой

сложился союз Иоффе с Троцким. В 1912 г. был арестован в Одессе и сослан в Тобольскую губернию, в 1913 г. вновь арестован и осужден с лишением всех прав состояния на вечную ссылку в Сибирь. В 1917 г. освобождён Февральской революцией, приехал в апреле в Петроград как меньшевик-интернационалист, вошел в организацию «межрайонцев», возглавляемую Троцким. Вместе с Троцким издавал журнал «Вперёд». С тех пор, как 10 мая 1917 г., на конференции «межрайонцев», Ленин предложил объединиться, вместе с Троцким боролся за объединение с большевиками. В августе 1917 г. был избран в Петроградскую городскую думу, где возглавил фракцию большевиков^[31]. Был также членом Демократического совещания и Предпарламента. Член Петроградского Военно-революционного комитета, по свидетельству Л. Троцкого во время Октябрьского переворота 24-25 октября был председателем Петроградского Военно-Революционного комитета, то есть формальным руководителем переворота большевиков. После Октябрьской революции был направлен на работу в Наркомат иностранных дел. С 20 ноября 1917 до января 1918 председатель (затем член и консультант) советской делегации на переговорах о мире с Германией в Брест-Литовске. 2 декабря 1917 в числе других подписал перемирие с Германией и её союзниками. По вопросу о заключении мира с Германией занимал позицию Л. Троцкого «ни мира, ни войны». В апреле — декабре 1918 полпред РСФСР в Германии. Активно участвовал в подготовке революции в Германии и 6 ноября 1918 вместе со всем полпредством выслан из страны. В 1919—1920 гг. член Совета обороны и нарком госконтроля УССР. Затем организатор Рабоче-крестьянской инспекции. Как дипломат подписал мирные договоры с Эстонией, Латвией и Литвой. С 1920 г. председатель делегации на мирных переговорах с Польшей, после этого назначен председателем Турккомиссии ВЦИК и СНК СССР и членом Туркбюро ЦК ВКП(б). Член советской делегации на Генуэзской конференции. С 1922 г. полпред в Китае и Японии. В Японии в 1923 г. Иоффе заболел тяжелой инфекционной болезнью,

известной как множественный полиневрит. С 1924 г. Иоффе полпред в Вене. Будучи ещё с венских времен верным сторонником Троцкого, Иоффе с 1923 г. принадлежал к левой оппозиции. В 1925-1927 гг. заместитель председателя Главконцесскома СССР Троцкого. Тяжелая болезнь, приковавшая его к постели, лишила Иоффе возможности активно участвовать в политической борьбе, при этом ЦК отказал ему в деньгах, достаточных для лечения за границей, что и стало, по его собственному признанию, причиной самоубийства (застрелился). В предсмертном письме Троцкому призывал его к твердости и бескомпромиссности в политической борьбе.

Кнорин (Кнориньш) Вильгельм Георгиевич (1890-1938). Родился в Лифляндской губ. в крестьянской семье. В мае 1917 г. секретарь исполкома Минского Совета, редактор газеты «Звезда», член комитета РСДСРП(б), член Военно-революционного комитета Западной области и фронта. С декабря 1918 г. секретарь ЦБ КП(б)Б и член Временного рабоче-крестьянского правительства Белоруссии. с февраля 1919 г. – член Совета обороны и секретарь ЦК КП(б) Литвы и Белоруссии. В июле-сентябре 1920 г. – заместитель председателя Ревкома Белоруссии. В 1920-1922 гг. – секретарь ЦБ ЦК КП(б)Б, в 1922-1927 гг. в аппарате ЦК ВКП(б). В 1927-1928 гг. секретарь ЦК КП(б)Б, затем в Коминтерне. В 1932-1935 гг. директор Историко-партийного института красной профессуры, в 1935-1937 гг. заместитель заведующего отделом партийной пропаганды и агитации ЦК ВКП(б). Доктор исторических наук (1935). Автор работ по истории партии, принимал участие в подготовке «Краткого курса истории ВКП(б)». Репрессирован. В 1955 г. реабилитирован и восстановлен в партии.

Ластовский Вацлав Устинович (1883-1938) - белорусский писатель, общественный и политический деятель, академик (1928), историк, филолог, директор Белорусского государственного музея. Вацлав Устинович Ластовский был активистом Белорусской социалистической громады,

редакционным секретарем газеты «Наша Нива» (с 1909 г.), входил в руководство партии «Христианское объединение». Член Совета министров непризнанной Белорусской народной республики. Выступал против советской власти и польской оккупации за независимую и целостную Белоруссию. В 1920-1927 гг. глава белорусского эмигрантского правительства в Литве (Ковно). В апреле 1927 г. приехал в Минск. Работал директором Белорусского государственного музея, заведующим кафедрой этнографии при Институте белорусской культуры, секретарём Белорусской академии наук. Исследовал древнебелорусскую историю, литературу и происхождение названия Белоруссия. 21 июля 1930 г. вместе с другими выдающимися деятелями науки и культуры Беларуси Вацлав Ластовский был арестован по делу т.н. «Союза освобождения Белоруссии». 6 декабря 1930 г. постановлением СНК БССР лишён звания академика (восстановлено в 1990 г.). 10 апреля 1931 г. осуждён к высылке на 5 лет за границы БССР в Саратов, где работал заведующим отдела редкой книги и рукописей библиотеки Саратовского университета. В начале 1938 г. повторно арестован в Саратове и 23 января расстрелян.

Луцкевич Антон Иванович (1884-1942) - белорусский политик, общественный деятель, историк, публицист и литературовед, один из основателей белорусского национального движения в XX веке. Род Луцкевичей происходил из обедневшей шляхты Минской губернии. После окончания Минской гимназии (1902) учился на физико-математическом факультете Петербургского и юридическом факультете Дерптского (ныне Тартусского) университетов. Был одним из основателей Белорусской социалистической громады, затем Белорусской социал-демократической партии, участвовал в организации выпуска первых белорусских периодических изданий «Наша доля», «Наша нива» и «Гоман». В 1918 г. избран председателем Виленского Белорусского совета; с 18 марта кооптирован в Совет Белорусской народной республики. Инициатор провозглашения независимости Белоруссии. С 9 октября 1918 по 1920 г. —

председатель Совета министров (народный секретарь), а с 11 октября — также и министр иностранных дел Белорусской народной республики. Совершил ряд официальных визитов; в Берлин, Прагу, Киев, Москву. В июне 1919 г. участвовал в мирной конференции в Париже. По приглашению министра-президента Польши И. Падеревского выехал из Парижа в Варшаву, где в начале сентября 1919 г. был интернирован; вернулся в Минск 1 декабря 1919 г.; 28 февраля 1920 г. объявил в Совете республики о сложении всех полномочий и выехал в Вильнюс. Там он возобновил издание газеты «Наша нива» (вышло 9 номеров). Последовательно отстаивал права белорусского народа на самоопределение. С 1921 г. — председатель Белорусского национального комитета в Вильно. С 1921 г. — председатель Белорусского научного товарищества, которое позже слилось с Обществом белорусской школы. В 1921—1939 гг. был директором Белорусского музея в Вильно. Преподавал в Виленской белорусской гимназии. В октябре 1927 г. арестован польскими властями за речь «в пользу» СССР, признан судом невиновным. В 1928 г. снова арестован и вновь признан невиновным, после чего отошёл от активного участия в политической жизни. В 1930 г. стал одним из основателей Центрального союза культурных и хозяйственных организаций («Центросоюза»). В 1930 г. в статье «Тень Азефа» он дал резко отрицательную характеристику политике И. В. Сталина и его окружения. В этом же году польские власти запретили деятельность Белорусского издательского общества, которым управлял А. И. Луцкевич. В 1931 г. был уволен с работы в Виленской белорусской гимназии. В 1933-1939 гг. белорусские газеты его не печатали; он выступал преимущественно в газете «Пшеглэнд Виленьски». 30 сентября 1939 г. был арестован в Вильно сотрудниками НКВД, переправлен в Минск и приговорён к 8 годам лишения свободы. В 1942 г. погиб в лагере около Рязани. Реабилитирован в 1989 г.

Мицкевич-Капсукас Викентий Семенович (Вінцас Мицкявичюс-Капсўкас (1880-1935) - деятель международного коммунистического

движения, один из организаторов и руководителей Коммунистической партии Литвы. Родился в семье крестьянина. С 1895 участвовал в национальном движении, распространял запрещённую литовскую печать. Изучал вольным слушателем философию и экономику в Бернском университете (1902—1904). В 1903 вступил в Социал-демократическую партию Литвы, в 1905 кооптирован в ЦК партии. В 1914—1916 руководитель зарубежного бюро Литовской социал-демократической партии. В 1914 в Кракове установил связь с В. И. Лениным. Жил в эмиграции в Великобритании (1915—1916) и США (1916—1917), был редактором литовских социал-демократических газет. В июне 1917 в Петрограде вступил в РСДРП (б); редактор первой большевистской литовской газеты «Тиеса» (лит. «*Tiesa*»; «Правда»), делегат VI съезда РСДРП (б), второго Всероссийского съезда Советов; член Центрального бюро литовских секций при ЦК РСДРП (б), затем РКП (б); член Петроградского Военно-революционного комитета, участник подавления мятежа Керенского и Краснова. После образования в октябре 1918 Коммунистической партии Литвы кооптирован в состав её ЦК; с декабря 1917 комиссар по литовским делам Народного комиссариата по делам национальностей РСФСР. В декабре 1918 возглавил советское Временное революционное рабоче-крестьянское правительство Литвы, сформированное в занятом Красной армией Двинске (Даугавпилс) и до февраля 1919 был председателем Совнаркома Литовской советской республики, провозглашенной на занятых Красной Армией территориях Литвы и признанной СНК Советской России 22 декабря 1918. С февраля 1919 председатель Совнаркома Литовско-Белорусской Советской Социалистической Республики, с марта председатель Президиума ЦК вновь созданной объединённой Коммунистической партии Литвы и Белоруссии (КП (б) Литвы и Белоруссии), в апреле — июле 1919 председатель Совета обороны Литбела. После падения литовского рабоче-крестьянского правительства в июле 1919 руководил Бюро нелегальной работы на оккупированной

польскими войсками территории. С 1920 на подпольной работе, руководил Вильнюсской окружной партийной организацией. С конца 1921 в Москве на партийной работе, член Политбюро ЦК ЛКП с 1923. Работал в Исполкоме Коминтерна (ИККИ) (1923—1935; заместитель заведующего орготдела ИККИ в 1923—1925, затем зав. секретариата по Польше и Прибалтике), с 1924 кандидат, с 1928 член ИККИ. Делегат II—IV конгрессов (1920—1922) Коминтерна, участвовал в VI конгрессе (1928) с совещательным голосом. С сентября 1926 вплоть до своей смерти руководил Польско-прибалтийским ландерсекретариатом ИККИ.

Мясников Александр Фёдорович (наст. фамилия **Мясникян**, псевдоним - Мартуни; (1886-1925) - революционер, партийный и государственный деятель, один из руководителей установления советской власти в Белоруссии. Родился в Нахичевани-на-Дону в семье мелкого торговца. В 1903 г. окончил армянскую семинарию в Москве, в 1906 г. - Лазаревский институт в Москве. Член РСДРП с 1906 г. В том же году был арестован и осуждён к административной высылке в Баку. В 1911-1912 и 1914-1917 гг. - в русской армии. Прапорщик запаса (1912). С сентября 1917 г. по май 1918 г. председатель Северо-Западного областного комитета РКП(б). С ноября 1917 г. главнокомандующий Западным фронтом, председатель Облисполкома Западной области. С 12 (25) декабря временно исполняющий должность верховного главнокомандующего. С 31 декабря 1918 г. председатель Центрального бюро Коммунистической партии (большевиков) Белоруссии. С 4 по 27 февраля 1919 г. - председатель ЦИК (правительство) Советской Социалистической Республики Белоруссия (*ССРБ*), заместитель Председателя СНК ССРБ и нарком ССРБ по военным делам. Выступал за создание единого государства с РСФСР. В 1921 г. - председатель СНК и нарком по военным делам Армянской ССР, одновременно заместитель председателя СНК ЗСФСР; член Кавказского бюро ЦК РКП(б). С 1922 г. — председатель Союзного Совета ЗСФСР, затем первый секретарь Закавказского крайкома РКП(б).

Одновременно член РВС СССР, член Президиума ЦИК СССР. Погиб в авиационной катастрофе около Тбилиси.

Рачкевич Владислав (1885-1947) - польский политический, общественный и военный деятель. Участник Первой мировой и советско-польской войн, министр, сенатор и маршал сената, воевода новогрудский, виленский, краковский, поморский, президент Польши в эмиграции (1939-1947). Родился 28 января 1885 г. в г. Кутаиси Российской империи. Сын судьи. Во время учёбы на юридическом факультете Петербургского университета вступил в молодёжную польскую националистическую организацию. Окончил юридический факультет Дерптского университета, после чего работал юристом в Минске. После начала Первой мировой войны бежал в Австро-Венгрию, где примкнул к Ю. Пилсудскому. В составе польского легиона участвовал в боях с русскими войсками. В июле 1917 г. был арестован и заключен в тюрьму. В 1918 г. освобожден, участвовал в создании независимой Польши. В 1921, 1925-1926 и 1935-1936 министр внутренних дел, в 1930 г. избран сенатором, маршал сената в 1930-1935 гг. После поражения Польши в сентябре 1939 г. в Париже, стал президентом Польши вместо интернированного в Румынии И. Мосцицкого. Умер 6 июня 1947 г. в Великобритании.

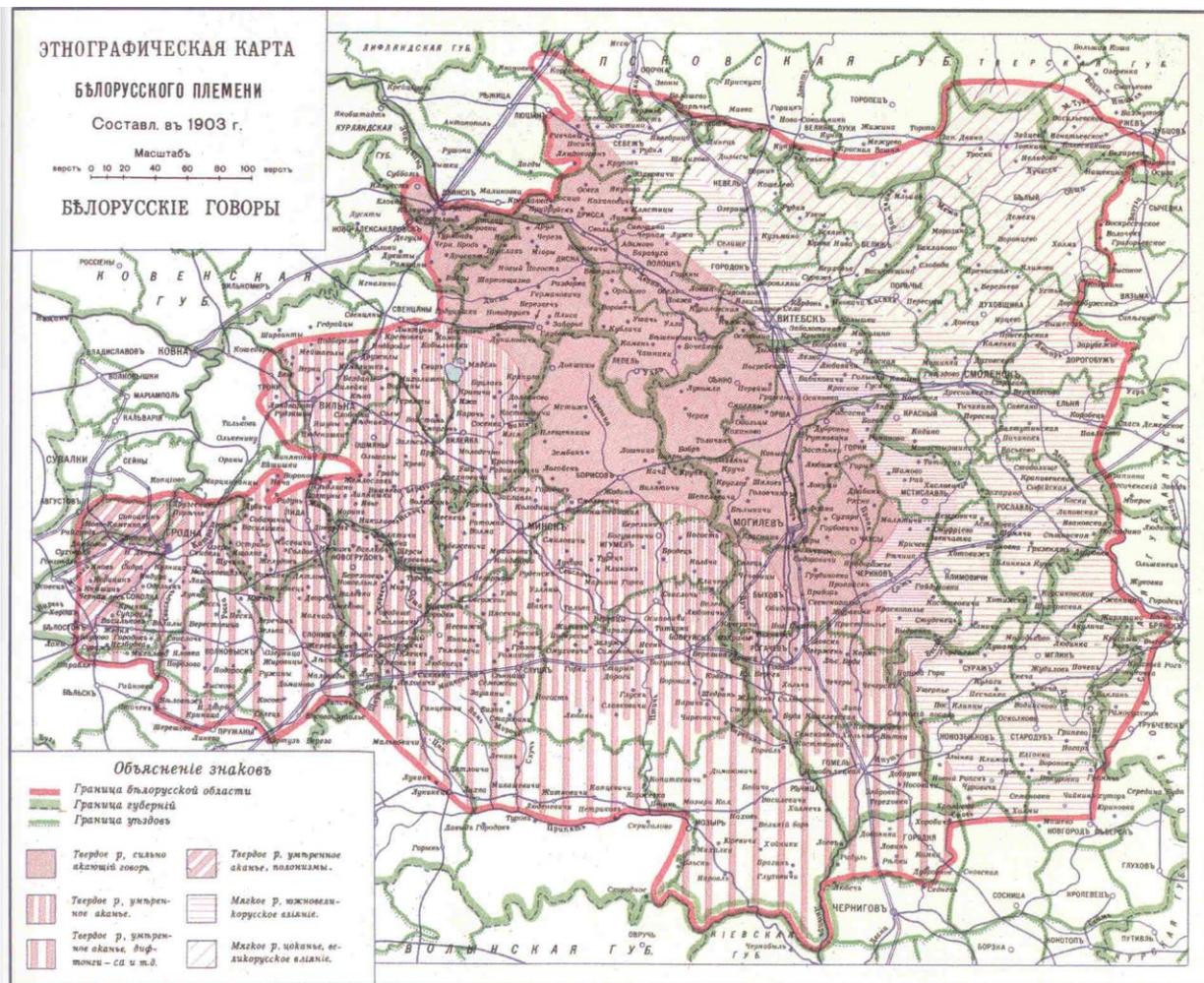
Цвикевич Александр Иванович (1887-1937) - один из основателей белорусского движения. С 1926 г. член президиума и ученый секретарь Института белорусской культуры. В 1929 г. ответственный работник Белорусского государственного издательства. В 1931 г. осужден по делу «Союза освобождения Белоруссии», в 1937 г. повторно проходил по этому делу и был приговорен к расстрелу.

Червяков Александр Григорьевич (1892-1937) - родился в Минской губ. в крестьянской семье. Окончил Виленский учительский институт. Член Белорусской социалистической громады. В сентябре 1917 г. один из

организаторов БСДРП, на основании которой была создана Белорусская секция РКП(б). В феврале-июне 1918 г. комиссар по белорусским делам при Наркомнаце РСФСР. С января 1919 г. нарком просвещения БССР. С декабря 1920 г. – председатель ЦИК и СНК БССР, в 1924-1937 гг. – председатель ЦИК БССР. 16 июня 1937 г. покончил жизнь самоубийством, по официальной версии, «на семейной почве».

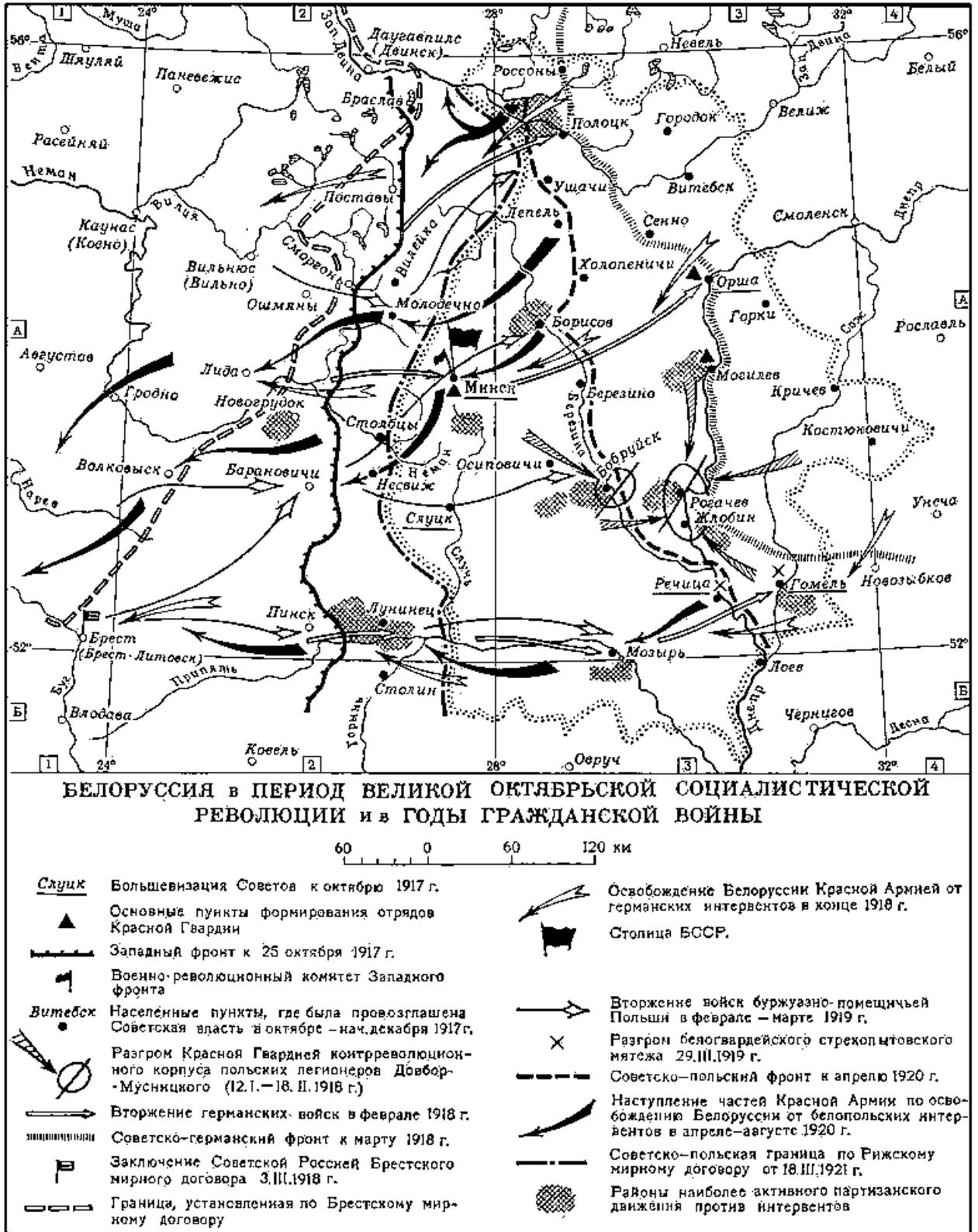
ПРИЛОЖЕНИЕ 2. КАРТЫ

1. Этнографическая карта белорусского племени Е.Ф. Карского. 1903 г.

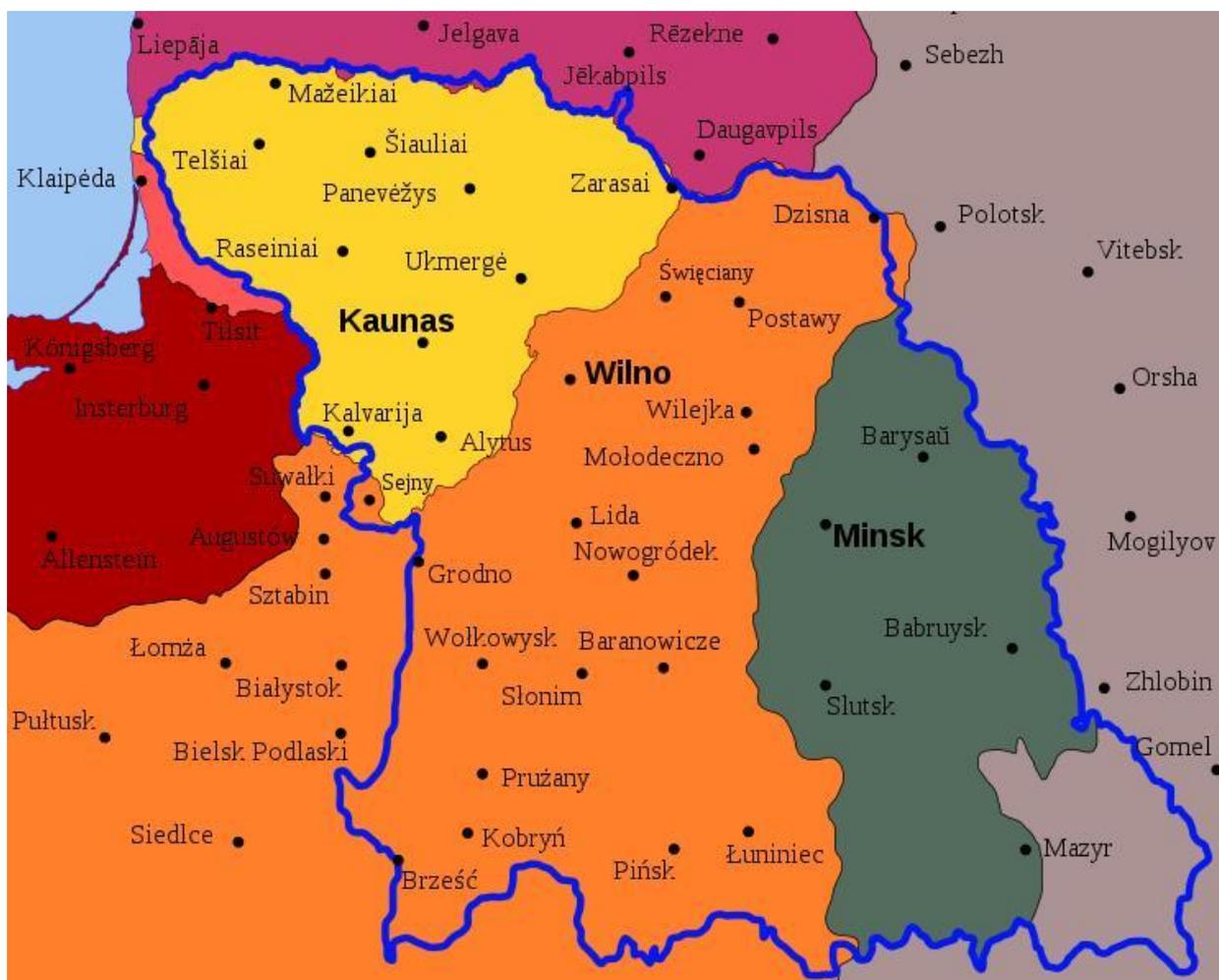

277

2. Белорусские земли в 1917-1921 гг.

3. Литовско-Белорусская ССР (границы обозначены синей линией) и БССР в 1920 г. (территория, закрашенная зеленым)

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Источники

Архивные материалы:

1. Archiwum Akt Nowych (AAN). Zespół Ministerstwo Spraw Zagranicznych.
2. AAN. Zespół Archiwum I.Paderewskiego.
3. Архив внешней политики Российской империи (АВП РИ). Ф.135.
4. Архив внешней политики Российской Федерации (АВП РФ). Ф.4/04 (Секретариат Г.В.Чичерина).
5. АВП РФ. Ф.151/0151 (Референтура по Литве).
6. АВП РФ. Ф.122/0122 (Референтура по Польше).
7. АВП РФ. Ф.413 (Материалы мирной конференции в Брест-Литовске).
8. Национальный архив Республики Беларусь (НАРБ). Ф.4п (Материалы КП(б)Б).
9. НАРБ. Ф.325 (Личные фонды лидеров БНР).
10. Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф. 71 (Материалы по истории гражданской войны в России).
11. РГАСПИ. Ф.159 (Секретариат Г.В. Чичерина).
12. РГАСПИ. Ф.5 (Секретариат В.И.Ленина).
13. Российский государственный военный архив (РГВА). Ф. 308 (Информационные материалы II отдела Генштаба Польской республики).

Пресса:

1. «Известия». 1917-1918 гг.

2. «Новое время». 1917 г.

Опубликованные документы:

1. Archiwum polityczne Ignacego Paderewskiego. T. V. 1909-1941. Warszawa, 2001.
2. Dokumenty z dziejów polskiej polityki zagranicznej. T. 1 1918-1932. Warszawa, 1989.
3. Druga Rzeczpospolita. Wybór dokumentów. Warszawa, 1988.
4. Krótki zarys zagadnienia białoruskiego. Warszawa, 1928.
5. Sylwester Wojewódzki przed sądem marszałkowskim. W-wa, 1997.
6. Архівы БНР. Вільня, 1998.
7. Борьба за советскую власть в Белоруссии: сборник документов и материалов. Минск, 1971.
8. Документы и материалы по истории советско-польских отношений. Т. I- III. М., 1963-1965.
9. Документы внешней политики СССР. Т.1-3.М., 1957-1959.
10. Знешняя палітыка Беларусі: Зб. дакументаў і матэрыялаў. Т.1 (1917-1922 гг.). Минск, 1997.
11. Из истории установления Советской власти в Белоруссии и образования БССР: Документы и материалы по истории Белоруссии. Мн, 1954.
12. Мирная Конференция в Брест-Литовске 1917-1918 гг. Печатный текст протоколов заседаний конференции в Брест-Литовске с приложениями. М., 1920.
13. Польско-советская война 1919-1920 (Ранее не опубликованные документы и материалы). Ч. I, II. М., 1994.
14. Революционные комитеты БССР. Июль-декабрь 1920 г. Минск, 1957.

Воспоминания и публицистика:

1. Варонко Я. Беларускі рух ад 1917 да 1920 году. Кароткі агляд. Коўна, 1920.
2. Жук-Грышкевіч В. 25-га сакавіка. Успаміны з Менску, Будслава, Вільні, Прагі, савецкай турмы. Торонто, 1978.
3. Кнорин В.Г. Избранные статьи и речи. Минск, 1990.
4. Троцкий Л. Сочинения. Том III. Часть 2. Москва-Ленинград, 1925.
5. Луцкевіч А. Польская акупацыя Беларусі. 1920.
6. Луцкевіч А. За дваццаць пяць гадоў. Вільня, 1928.
7. Людендорф Э. Мои воспоминания о войне 1914-1918 гг. Москва-Минск, 2005.
8. Сталин И.В. Сочинения. Т.4. М., 1947.
9. Цвикевиц А. Краткий очерк возникновения Белорусской Народной республики. Киев, 1918.
- 10.Цвикевіч А. Беларусь. Политический очерк. Берлинъ, 1919.
- 11.Bacer R.S. Woodrow Wilson. Kształtowanie losów świata. Pamiętniki i dokumenty. T.I. Warszawa, 1924.
- 12.Dąbski J. Pokój ryski. Wspomnienia, pertraktacje, tajne układy z Joffem, listy. Warszawa, 1931.
- 13.Dmowski R. Wybór pism. Warszawa, 1990.
- 14.Grabski St. Pamiętniki. T.2. Warszawa, 1989.
- 15.Lutosławski W. Lithuania and White Ruthenia. Paris, 1919.
- 16.Bronowski Sz. Państwo Polskie a kwestia białoruska. Warszawa-Lublin-Łódź-Kraków, 1919.
- 17.Kutrzeba St. Les droits de la Russie sur la Lithuanie et la Ruthenie-Blanche. Paris, 1919.
- 18.Ladnoff E. Les protocoles de Ludendorff-Stinnes-Tchitcherine. Varsovie, 1923.

19. Obieziński M. Wspomnienia z polsko-rosyjskiej konferencji pokojowej ryskiej dla ułożenia preliminarzów pokojowych (wrzesień-paźdz. 1920 r). Warszawa, 1938.
20. Olędzki K. Polska czy Rosja? Warszawa-Kraków, 1920.
21. Pruszyński M. Jak straciliśmy Mińsk i federację z Białą Rusią. (Rozmowa z b. Min. Pełnom. Aleksandrem Ładosiem, b. Sekretarzem Generalnym Delegacji Polskiej na konferencji w Rydze) // Zeszyty historyczne. № 36. Paryż, 1976.
22. Pruszyński M. Rozmowa historyczna ze St. Grabskim (listopad-grudzień 1935) // Zeszyty historyczne. № 36. Paryż, 1976.
23. Wasilewski L. Drogi porozumienia. Wybór pism. Kraków, 2001.
24. Wasilewski L. Litwa i Białoruś. Zarys historyczno-polityczny stosunków narodowościowych. Warszawa, 1925.
25. Wasilewski L. Litwa i Białoruś: Przeszłość. – Teraźniejszość. - Tendencje rozwojowe. Kraków, 1913.
26. Witos W. Moje wspomnienia. T. II. Paryż, 1964.

Использованная литература

1. Барсенков С.А., Вдовин А.И. История России. 1917-2009. 3-е изд. М., 2010.
2. Белые пятна-черные пятна. Сложные вопросы в российско-польских отношениях. М., 2010.
3. Борисенок Ю.А. На крутых поворотах белорусской истории: Общество и государство между Польшей и Россией в первой половине XX века. М., 2013.
4. Бурмистрова Т.Ю. Зерна и плевелы: Национальная политика в СССР. 1917-1984 гг. СПб, 1993.
5. Гісторыя беларускай дзяржаўнасці ў канцы XVIII – пачатку XXI ст. У 2 кн. Мінск, 2011-2012.

6. Грицкевич А.П. Западный фронт РСФСР 1918-1920. Борьба между Россией и Польшей за Белоруссию. Минск, 2010.
7. Гросул В.Я. Образование СССР (1917-1924гг.). М., 2007.
8. Дённингхаус В. В тени «Большого брата»: Западные национальные меньшинства в СССР 1917-1938 гг. М., 2011.
9. Доўнар-Запольскі М.В. Гісторыя Беларусі. Мінск, 1994.
10. Довнар-Запольскій М. Исследования и статьи. Т. 1. Киев, 1909.
11. Жылуновіч З. Беларусь: Нарысы гісторыі, культуры і рэвалюцыйнага руху. Минск, 1924.
12. Запруднік Я. Беларусь на гістарычных скрываваннях. Мінск, 1996.
13. Игнатенко И.М. Октябрьская революция и самоопределение Белоруссии. Минск, 1992.
14. Игнатовский В., Смолич А. Белоруссия: территория, население, важнейшие моменты истории. Минск, 1924.
15. Ігнатоўскі У. Кароткі нарыс гісторыі Беларусі. Мінск, 1926.
16. Ігнатоўскі У. Гісторыя Беларусі ў XIX і пачатку XX ст. Мінск, 1928.
17. История Беларуси. Под ред. А.Кохановского, О.Яновского. Минск, 2001.
18. Каменская Н.В. Утварэнне Беларускай Совецкай Соцыялістычнай Рэспублікі. Мінск, 1946.
19. Каменская Н.В. Вялікая Кастрычніцкая Соцыялістычная рэвалюцыя і утварэнне БССР. Мінск, 1954.
20. Канчер Е. Белорусский вопрос. Пг., 1919.
21. Касяк І. За дзяржаўную незалежнасць Беларусі. Лендан, 1960.
22. Карский Е.Ф. Белорусы. Т.1. Варшава, 1903 – Т.3. Пг, 1922.
23. Кобрын М.У. Беларускі нацыянальны рух: 1917-1920. Мінск, 2004.
24. Коршук В., Платонов Р. и др. Государственность Беларуси: проблемы формирования в программах политических партий. Минск, 1999.

25. Круталевич В.А. История Беларуси: Становление национальной державности. Минск, 1999.
26. Круталевич В.А. О Белорусской Народной республике (аналитические заметки и комментарии). Минск, 2005.
27. Круталевич В.А. Рождение Белорусской Советской республики (ноябрь 1918 - февраль 1919г.). Т.1. Минск, 1975. Т.2. Минск, 1979.
28. Круталевич В. Абвяшчэнне рэспублікі (Гістарыяграфічны аспект). Мінск, 2004.
29. Круталевич В.А., Юхо І.А. Гісторыя дзяржавы і права Беларусі. Мінск, 2000.
30. Ладысеў У, Брыгадзін П. На пераломе эпох: станаўленне беларускай дзяржаўнасці (1917-1920). Мінск, 1999.
31. Ладысеў У, Брыгадзін П. Паміж Усходам і Захадам. Станаўленне дзяржаўнасці і тэрытарыяльнай целаснасці Беларусі (1917-1939). Мінск, 2003.
32. Лазько Р.Р. Антон Луцкевіч у Парыжы летам 1919 г. // Крыніцазнаўства і спецыяльныя дысцыпліны. Навуковы зборнік. Вып. 5. Мінск, 2009.
33. Лазько Р.Р., Кротаў А.М., Мязга М.М. Беларусь у еўрапейскай палітыцы, 1918-1925 гг. Нарысы. Гомель, 2003.
34. Латышонак А., Мірановіч Я. Гісторыя Беларусі ад сярэдзіны XVIII ст. да пачатку XXI ст. Вільня, Беласток, 2010.
35. Лінднэр Р. Гісторыкі і ўлада: нацыятворчы працэс і гістарычная палітыка ў Беларусі XIX-XX ст. Мінск, СПб., 2005.
36. Лочмель І. Барацьба беларускага народа супроць інтэрвентаў. Мінск, 1940.
37. Ляхоўскі Ё. Школьная адукацыя ў Беларусі падчас нямецкай акупацыі (1915-1918 г.). Беласток- Вільня, 2010.

38. Майзель Ю., Шапавалаў М. Кароткі нарыс гісторыі КП(б)Б. Минск, 1929.
39. Матвеев Г. Пилсудский. М., 2008.
40. Матвеев Г. Тактика А.А. Иоффе на переговорах о прелиминарном мире в Риге 22 сентября – 12 октября 1920 г. // Восточная Европа. Перспективы. 2011. № 2. С. 42-48.
41. Матвеев Г.Ф. К предыстории войны Советской России с Польшей в 1918-1920 гг. // От античности до современности. Сборник статей по отечественной и всеобщей истории, посвященный академику РАН, заслуженному профессору Московского университета Ю.С. Кукушкину. М., 2012.
42. Мартин Т. Империя «положительной деятельности»: Нации и национализм в СССР, 1923-1939. М., 2011.
43. Мартин Т. Государство наций: империя и национальное строительство в СССР. М., 2011.
44. Мельтюхов М.И. 17 сентября 1939. Советско-польские конфликты 1918-1939. М., 2009.
45. Мельтюхов М.И. Советско-польские войны: военно-политическое противостояние 1918-1939 гг. М., 2001.
46. Михутина И.В. К вопросу о провозглашении Советской Социалистической Республики Белоруссии // Славяноведение. 2008г., №4.
47. Михутина И.В. Кто готовил советизацию Польши в 1918 году? // Революционная Россия и польский вопрос: новые источники, новые взгляды. Сборник статей. М., 2009.
48. Михутина И.В. Польско-советская война 1919 -1920 гг. М., 1994.
49. Навицкас К. Литва и Антанта (1918-1920). Вильнюс, 1970.
50. Нарысы гісторыі Беларусі. Минск, 1995.

51. Национальный вопрос в Восточной Европе. Прошлое и настоящее. Сборник статей. М., 1995.
52. Недасек Н. Большевизм в революционном движении Белоруссии // Институт по изучению СССР. Исследования и материалы. Серия 1, вып.25. Мюнхен, 1956.
53. Недасек Н. Камунізм і “беларускі нацыяналізм” // Спадчына, 2001, №1.
54. Ненароков А. П. К единству равных. Культурные факторы объединительного движения советских народов 1917–1924. М., 1991.
55. Носевич В.Л. Истоки белорусской идентичности (2010) <http://vln.by/node/259>.
56. Октябрь 1917 и судьбы политической оппозиции. Ч.2: У истоков политического противостояния. Материалы и документы по истории общественных движений и политических партий Республики Беларусь. Гомель, 1993.
57. Ольшанский П.Н. Рижский мир. Из истории борьбы Советского правительства за установление мирных отношений с Польшей (конец 1918-март 1921 г.). М., 1969.
58. Рудовіч С. Час выбару: праблемы самавызначэння Беларусі у 1917 г. Изд.2-е. Мінск, 2001.
59. Ісачэнка С. Правал амэрыкана-англійскіх планаў на Беларусі у 1917-1920 гг. Мінск, 1954.
60. Смалянчук А.Ф. Паміж краевасцю і нацыянальнай ідэяй. Польскі рух на беларускіх і літоўскіх землях 1864-1917. Гродна, 2001.
61. Снапкоўскі У. Удзельнікі польскай дэлегацыі на Рыжскай мірнай канферэнцыі аб перагаворах с расійска-украінскай дэлегацыяй аб вызначэнні мяжы паміж Польшчай і Беларуссю // Проблемы внешней политики и безопасности. Беларусь-Польша: история и перспективы сотрудничества. Минск, 2009.
62. Трафімчык А. Ленін і Сталін думаюць пра Беларусь. Мінск, 2013.

- 63.Турук Ф. Белорусское движение. Очерк истории национального и революционного движения белорусов. М., 1921.
- 64.Тымовский М., Кеневич Я., Хольцер Е. История Польши. М., 2004.
- 65.Хомич С. Территория и государственные границы Беларуси в XX веке: от незавершенной этнической самоидентификации и внешнеполитического произвола к современному status quo. Минск, 2011.
- 66.Ціхаміраў А.В. Беларусь у сістэме міжнародных адносін перыяду пасляваеннага ўладкавання Еўропы і польска-савецкай вайны (1918-1921гг.). Мінск, 2003.
- 67.Цьвікевіч А. «Западнаруссизм»: нарысы з гісторыі грамадзкай мыслі на Беларусі у XIX і пачатку XX века. Минск, 1993.
- 68.Червяков А.Г. Семь лет власти рабочих и крестьян. Минск, 1924.
- 69.Черных М.Н. Ю.Мархлевский о советско-польских отношениях 1918-1921 гг. М., 1990.
- 70.Шчарбакоў В. Кастрычніцкая рэвалюцыя на Беларусі і белапольская акупацыя. Минск, 1930.
- 71.Энцыклапедыя гісторыі Беларусі. У 6 т. Мінск, 1993-2003.
- 72.Юзаф Пілсудзкі у гісторыі Польшчы і Беларусі. Беларуска-польскі практыкум, сустрэча шостая. Мінск, 2002.
- 73.Яжборовская И.С. Парсаданова В.С. Россия и Польша. Синдром войны 1920 г. М., 2005.
- 74.Borzęcki J. The Soviet-Polish Peace of 1921 and the Creation of Interwar Europe. Yale University, 2008.
- 75.Cisek J. Rok 1920: Wojna polsko-bolszewicka. Warszawa, 2010.
- 76.Czubiński A. Walka o granice wschodnie Polski w latach 1918-1921. Warszawa, 1993
- 77.Davies N. White Eagle, Red Star. The Polish-Soviet War, 1919-20. Oxford, 1972.

78. Deruga A. Polityka wschodnia Polski wobec ziem Litwy, Białorusi i Ukrainy (1918-1919). Warszawa, 1969.
79. Elski St. Sprawa białoruska. Warszawa, 1931.
80. Engelgard J. (red.). Myśl polityczna Romana Dmowskiego. Warszawa, 2009.
81. Faryś J. Koncepcje polskiej polityki zagranicznej 1918-1939. Warszawa, 1981.
82. Garlicki A. Józef Piłsudski, 1867-1935. Warszawa, 1989.
83. Głogowska H. Białoruś 1914-1929. Kultura pod presją polityki. Białystok, 1996.
84. Gomółka K. Między Polską a Rosją. Białoruś w koncepcjach polskich ugrupowań politycznych 1918-1922. Warszawa, 1994.
85. Gostyńska W. Stosunki polsko-radzieckie 1918-1919. Warszawa, 1972.
86. Jachymek J. Myśl polityczna PSL «Wyzwolenie». Lublin, 1983.
87. Kamiński M., Zacharias M.J. Polityka zagraniczna Rzeczypospolitej Polskiej 1918-1939. Warszawa, 1998.
88. Kosman M. Historia Białorusi. Wrocław, 1979
89. Łatyszonek O. Białoruskie formacje wojskowe 1917-1923. Białystok, 1995.
90. Leinwand A. PPS wobec wojny polsko-radzieckiej 1919-1920. Warszawa, 1964.
91. Lewandowski J. Federalizm. Litwa i Białoruś w polityce obozu belwederskiego (XI 1918 – IV 1920). Warszawa, 1962.
92. Lewandowski J. Imperializm słabości. Warszawa, 1967.
93. Lichtensztul J. White Ruthenian problem in Eastern Europe. New York, 1944.
94. Łossowski P. Stosunki polsko-litewskie w latach 1918-1920. Warszawa, 1966.

95. Łossowski P. Kształtowanie się państwa polskiego i walka o granice (listopad 1918 – czerwiec 1921). Warszawa, 1995.
96. Łossowski P. Dyplomacja polska, 1918-1939. Warszawa, 2001.
97. Michałuk D. Białoruska Republika Ludowa 1918-1920. U podstaw białoruskiej państwowości. Toruń, 2010.
98. Michta N., Kumoś Z.B. Niewypowiedziana wojna 1919-1920. Warszawa, 2009.
99. Mironowicz E. Białorisini i Ukraińcy w polityce obozu piłsudczykowego. Białystok, 2007.
100. Nowak A. Polska i trzy Rosje. Studium polityki wschodniej Józefa Piłsudskiego (do kwietnia 1920 roku). Kraków, 2001.
101. Nowak A. Jak rozbić Rosyjskie Imperium? Idee polskiej polityki wschodniej, 1733-1921. Warszawa, 1995.
102. Osica J. O kształt Odrodzonej. Warszawa, 1978.
103. Polska – Białoruś /1918-1945/. Zbiór studiów i materiałów. Pod red. W. Balceraka. Warszawa, 1994.
104. Rok 1920 z perspektywy osiemdziesięciolecia. Warszawa, 2001.
105. Rychłowski B. (red.). Polityka zagraniczna odrodzonej Polski 1918-1988. Warszawa, 1989.
106. Stoczewska B. Litwa, Białoruś, Ukraina w myśli politycznej Leona Wasilewskiego. Kraków, 2009.
107. Studia z dziejów Rosji i Europy Środkowo-Wschodniej. Wrocław, 1992.
108. Tomaszewski J. Rzeczpospolita wielu narodów. W-wa, 1985.
109. Vakar N.P. Belorussia: the Making of a Nation. Cambridge, Mass., 1956.
110. Wróbel P. Kształtowanie się białoruskiej świadomości narodowej a Polska. Warszawa, 1990.

111. Wschodni sojusznicy Polski w wojnie 1920 roku. Oddziały wojskowe ukraińskie, rosyjskie, kozackie i białoruskie w Polsce w latach 1919-1920. Toruń, 1999.
112. Wyszczelski L. Wojna o kresy wschodnie 1918-1921. Warszawa, 2010.